

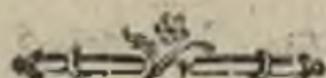
ЛУЦІЯ АПУЛЕЯ
ПЛАТОНИЧЕСКОЙ СЕКТЫ
ФИЛОСОФА
ПРЕВРАЩЕНІЕ,
ИЛИ
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЬ.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО
Императорскаго Московскаго
Университета
ВАККАЛАВРЪ
ЕРМИЛЬ КОСТРОВЪ.

Часть I.

ВЪ МОСКВѢ
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова, 1780 года.

честь удостоишь. Я хочу удивить тебя, представляя людей въ другіе виды чуднымъ образомъ превращенныхъ, и воспріявшихъ вторично свое собственное состояніе. Но прежде, нежели начну, познай, кто я таковъ.

Изъ Ашшическаго Тимешта, изъ Эфирейскаго Истма, изъ Лакедемонскаго Тенара, изъ сихъ благополучныхъ мѣстъ, преданныхъ вѣчности перомъ славныхъ сочинителей, древнее мое происходитъ поколѣніе. Въ Афинахъ первыя отрочества моего лѣта посвятилъ я для изученія Греческаго языка; потомъ пришедши въ Римъ, языку страны сей мнѣ нимало не извѣстному съ несказаннымъ трудомъ и безъ всякаго предводителя изучился. И потому прошу извинить меня, естли гдѣ неупотребительнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ писать буду, и особливо для того, что сіе самое премѣненіе языка сходствуетъ нѣкоторымъ образомъ съ премѣнами, о которыхъ я говорю намѣренъ. Я начинаю баснею

слышан-

лесты и дѣлали бумагу такимъ образомъ какъ описываетъ Плиній. смотр. въ нашур. Ист. гд. 11 и 12.

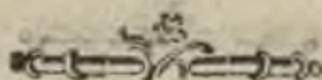

слышанною мной въ Греціи: читатель
внемли, она весела.

Для нѣкоторой нужды отправил-
ся я въ Фессалію (въ которой мое
поколѣніе со стороны матери отъ слав-
наго Плутарха, (г) и отъ внука его
Секста Философа немалую мнѣ честь
дѣлаетъ.) ; на бѣломъ сидя конѣ пре-
одолѣвъ я высоту горъ, глубину до-
линъ, покрытые шерномъ пуши, и
неровныя поля; но видя, что конь мой
весьма усталъ, а припомъ чтобъ и
самому мнѣ слабость отъ столь долго-
временнаго сидѣнія происшедшую дви-
женіемъ уничтожить, соскочилъ я
на землю. Потъ съ коня моего
оперъ я щучательно, разуздалъ его и
повелъ тихимъ шагомъ, чтобъ дать
между шѣмъ ему очистить свой же-
лудокъ. Но когда онъ, идя дорогою
мимо луговъ, на шу и на другую
сторону наклонялся для дорожнаго
своего завпрыка, соединился я съ

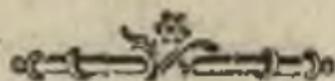
А 2 двумя

(г) Собственно сказать, Плутархъ былъ не
изъ Фессаліи, но изъ Херонен, города Бео-
тическаго; однако статья можетъ, что
предки Силвіи матери Апулесовой прешах
изъ Беодіи и поселились въ Фессаліи.

двумя прохожими, которые по случаю шли немного напереди меня; подслушивая ихъ разговоръ, услышалъ я, что одинъ, смѣясь изъ всей мочи, говорилъ другому: перестань ради Бога, рассказывать мнѣ толь смѣшныя, невѣроятныя и прошивныя басни. Слова сія произвели во мнѣ жажду къ новости: для Бога, сказалъ я имъ, здѣлайте меня участникомъ разговоровъ, я не любопытствую вашихъ тайностей, но я учусь, и хочу знать, если ли не все, то по крайней мѣрѣ, сколько можно больше; а притомъ и трудность нашего пути шушливою басенъ пріятностію облегчится.

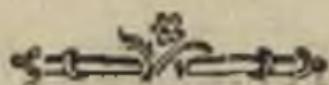
Смѣявшійся прохожій продолжая рѣчь свою говорилъ такимъ образомъ: по истиннѣ сія твоя ложь столько же справедлива и убѣдительна, какъ, если бы кто хотѣлъ увѣрить, что волшебнымъ шептаніемъ можно печеніе рѣкъ успремить къ верьху, здѣлать неподвижнымъ море, связать вѣтры, остановить солнце, принудить, чтобъ луна покрылась пѣною, свергнуть съ неба звѣзды, удержать печеніе дня, или ночи. Тогда, будучи

дучи отважи́те, послушай, сказа́тъ я
тому, которой, первой началъ сей
разговоръ, не скучай продолжать твою
повѣсть. Потомъ обратившись къ дру-
тому; а ты, говорилъ я, которой
съ глупымъ упрямствомъ тубый
твой слухъ отвращаешь отъ того,
что можетъ быть въ самой вещи
истинно; ты не знаешь, мнѣ кажется,
что по развратному людей мнѣ-
нію почищаются ложными часто и
такія дѣла, которыхъ имъ или ви-
дѣть, или слышать не случалось, или
которыя превышаютъ понятіе ихъ
разума; но еслии размотришь сіи
дѣла хотя съ малымъ вниманіемъ;
они являся не только вѣроятными, но
еще легкими и удобными въ своемъ
произшествіи. На примѣръ, я ужиная въ
одинъ вечеръ съ товарищами, и, какъ мы
всѣ ѣли одинъ предъ другимъ съ вели-
кою жадностію, хотѣлъ проглотить
сырнаго пирога кусокъ больше обыкно-
веннаго; но сія смачная и клейкая пища
въ самомъ горлѣ остановившись прер-
вала мнѣ дыханіе и я едва не умеръ.
Напротивъ того, спустя нѣсколько дней
видѣлъ я въ Авинахъ предъ галерею
называемую Пещиль, какъ одинъ Шар-

лашанъ проглотилъ мечъ, пуспивши
 въ горло острымъ концомъ; и по-
 томъ за малую дѣву, охотничье копье
 чрезъ ротъ вонзилъ себѣ во внутрен-
 ность чрева, такимъ образомъ, что
 желѣзо прошло чрезъ тайной удѣ, а
 чрезъ запылокъ выставилось рапо-
 вице, на концѣ котораго пригожей
 мальчикъ, какъ будто бы онъ былъ
 безъ костей, скакалъ и различнымъ
 образомъ изгибался къ удивленію всѣхъ
 зрительей. Смотря на сіе, ты по-
 думалъ бы, что вокругъ суковапаго Эс-
 кулапіева жезла славный оный змій
 чудесно извивается. Но оставимъ сіе,
 тебя другъ мой прошу продолжать
 начашую тобою повѣсть; я одинъ вмѣ-
 сто сего товарища буду тебѣ вѣрить,
 и въ знакъ благодарности въ первой
 гостинницѣ ты будешь на мой счетъ
 обѣдать. Вотъ тебѣ награда. Я обѣ-
 щаніе твое приѣмлю съ благодарностію,
 отвѣчалъ онъ мнѣ, и начну снова мое
 повѣствованіе, но прежде заклинаю те-
 бя солнцемъ, симъ всевидящимъ Бо-
 гомъ, что всѣ мои слова будущи ис-
 шинны и безъ всякой лжи; и ты ни-
 мало не будешь о нихъ сомнѣваться,
 какъ только вступишь въ сей ближній

Фессалійскій городъ, гдѣ всѣ жители исторію сію швердятъ во устахъ своихъ, какъ дѣло предъ ихъ очами случившееся. Но прежде должно тебѣ знать, кто я таковъ, ошколѣ, и чѣмъ себѣ пропитаніе имѣю. Родомъ я изъ Эгины, и обыкновенно Типатейскимъ медомъ или сыромъ, и другими вещами принадлежащими до практировъ, въ Фессалии, въ Эполіи и въ Беотіи торгую. Въ одно время увѣдомившись, что въ Типатей славнѣйшемъ Фессалійскомъ городѣ, самой свѣжій и вкусной сыръ продается за дешевую цѣну, поспѣшилъ я туда въ намѣреніи весь для себя откупить, но, какъ часто случается, отправился я въ недоброй часъ и надежда, получить барышъ, меня обманула: ибо за день до моего прибытія одинъ купецъ называемой Луппъ, весь сыръ уже откупилъ. И такъ я тщетною поспѣшностію упрядясь, пошелъ подъ вечеръ въ торговую баню. Вдругъ къ удивленію моему вижу шамъ Сократа одно то изъ моихъ товарищей; онъ сидѣлъ на земли едва покрытъ раздранною еванчою, щощъ, блѣденъ и въ жалкомъ состояніи, онъ былъ подо-

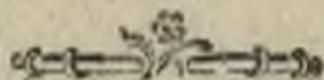

бенъ презрѣннымъ фортуною и прослщимъ милостыни по улицамъ. Онъ былъ мнѣ другъ и мною почто признанъ; но видя его въ такомъ печальномъ состояннн, долго я сомнѣвался къ нему приблизиться. Ахъ, любезный мой Сократъ! сказалъ я ему, что такое? Въ какомъ ты видѣ? Какое поношеніе? Въ домъ своемъ ты уже оплаканъ и считаешься въ числѣ мертвыхъ. Къ дѣтямъ твоимъ по опредѣленію градскихъ судей приставлены уже надзиратели: жена твоя свершая погребательные обряды отъ безмѣрной печали и слезъ едва не лишилася зрѣнн. Ея сродственники принуждающъ ее, чтобъ горестъ и смятеніе дому твоего премѣнила на радость новаго брака; а ты здѣсь къ стыду и поношенію нашему являешься намъ, какъ страшное привидѣніе. Аристоменъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, ты по видимому не знаешь непостоянства, превратностей и обманчивыхъ премѣнъ фортуны. Сказавъ сіе закрылъ онъ краснѣющее отъ стыда лице свое раздранною епанчою, такъ, что нижняя шѣла его половина осталась обнаженною. Я не могши смотрѣть больше

ше на столь печальное зрѣлище подалъ ему свою руку, стараясь его поднять. Но сей бѣднякъ, имѣя покрытое лице и голову, оставъ меня, оставъ, говорилъ мнѣ, пусть фортуна утѣшается и поржесшвуешъ по своей волѣ надъ несчастнымъ. Я убѣдилъ его, чтобъ шелъ за мною, и не медля снявши съ себя одну одежду, не знаю надѣлъ ли ее на него, или прикрылъ его оной. Потомъ привелъ его въ баню, и все, чѣмъ должно было мазать его и опирать, я самъ приутоповилъ. Омылъ я щадательно всѣ его нечистоты. Исправивъ все такимъ образомъ, сколь я самъ ни былъ утомленъ; но сего несчастнаго не имѣющаго силъ стоять на своихъ ногахъ съ превеликимъ трудомъ привелъ въ гостиницу; и шамъ кладу его на теплую постелью, насыщаю его, прохлаждаю пиліемъ, и стараюсь развеселить пріятностію разговоровъ.

Ужѣ бесѣда наша клонилась къ забавнымъ шуткамъ, къ насмѣшкамъ, къ замысловатымъ и колкимъ рѣчамъ; какъ вдругъ онъ изъ глубины сердца своего испуская тяжкій и бо-
лѣз-

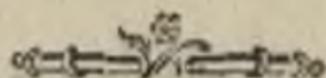

дѣзненнѣй спонѣ , и ударяя себя по лицу , возопилѣ ; о какѣ я несчастенѣ ! я , которой желая видѣть славное сраженіе цпажныхѣ бойцовѣ , вѣ сн полѣ несноснѣя повергнулся бѣдствіа ! Аристоменѣ ! тебѣ извѣстнѣо , что я для нѣкошорыхѣ выгодѣ опправился вѣ Фессалію ; но когда я , проживѣ десять мѣсяцовѣ возвращался опшолѣ сѣ довольнымѣ числомѣ денегѣ ; по прежде , нежели пришелѣ вѣ Лариссу , чтобѣ видѣть бойцовѣ сраженіе , на нѣкоторой узкой и опдаленной долинѣ окруженѣ я былѣ разбойниками , и оными ограбленѣ . Вѣ такомѣ бѣдственномѣ будучи состояніи зашелѣ я по дорогѣ кѣ одной практирщицѣ называемой Мероею ; она была ужѣ вѣ лѣтахѣ , однако сщѣ довольно пригожа : я изѣяснилѣ ей причины моего пути , обстоятельство моего возвращенія вѣ домѣ , и несчастный случай со мною приключившійся , Разказавѣ ей все подробно , былѣ я приняшѣ ея очень ласково , она представила мнѣ ужинѣ изрядной и приютомѣ даровой . Послѣ того подстрѣкаема будучи вожделѣніемѣ удостоила меня своего ложа . И немедленно

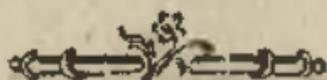

я бѣднякъ за одну ночь сдѣлался ей должникомъ: я отдалъ ей и послѣднюю одежду, которую мнѣ честные разбойники оставили для прикрытія моего шѣла; я для нее истощилъ весь барышъ, которой получалъ торгуя плашьямъ, когда еще былъ я здоровъ. Симъ то образомъ несчастная моя судьба, и сія добренькая старуха довела меня до сего жалкаго состоянія, въ какомъ ты меня нашелъ недавно.

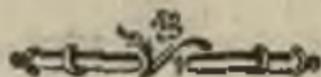
По истиннѣ, сказалъ я ему, ты достоинъ самыхъ лютейшихъ напастей, если только можешь что быть лютей послѣдняго твоего несчастія; когда ты дерзнулъ своему дому, дѣтямъ и женѣ своей предпочесть спудную похоть и всеобщую блудницу. Но онъ приложивъ къ устамъ своимъ указательный перстъ, молчи, говоритъ мнѣ, молчи, и озираясь всюду, чтобъ не подслушалъ кто, не дерзай злословить женщину вдохновенную самымъ небомъ; спрашись, чтобъ тебѣ невоздержнымъ своимъ языкомъ не навлечь на себя жестокой ошъ нея казни; Какъ! говорю я ему, кто шакова, и что за женщина, сія не-

небомъ вдохновенная и полномочная
 обладательница трактира? Это волшебница,
 волшебница, отвѣтствуетъ мнѣ, божественной
 исполненна силы: она можетъ понести небо,
 возвыситъ на воздухъ землю, обратишь въ
 камень источники, растопитъ горы, какъ олово,
 исторгнушь изъ ада тѣни мертвыхъ, свергнешь
 съ высоты боговъ, помрачитъ свѣтила, и озаритъ
 мрачный аѢ . . . Прошу покорно; сказаѢ я,
 оставь се театральное убранство, и опусти
 трагическую сѣю завѣсу, и говори лучше
 попросту. Хочешь ли, сказаѢ онъ мнѣ,
 выслушать хотя одно, или два, или больше
 изъ ея дѣйствій? Кленусь тебѣ, всѣ не только
 страны сея жители, но также Индѣйцы,
 Египцы, и всего свѣта народы любяѢ ея,
 какъ самихъ себя. Кратко сказаѢ, ей бездѣлицы
 стоитъ дѣлать такія чудеса, какъ я
 рассказываѢ. Но послушай, что она
 дѣлала предъ очами почти всего народа.
 Она своего любовника, которой силою
 похищилъ честь у иной женщины, однимъ
 словомъ превратила въ бобра: ибо сей
 звѣрокъ спрашася неволи, и чтобъ
 избавиться онъ ловцовъ
 отъ-

откусываетъ себѣ дѣшородный удѣ, пошому и она хотѣла, чтобѣ любовникѣ ея пострадалѣ равнымѣ образомѣ за свой проступокѣ. Также одного шрактирщика, которой жилѣ съ нею въ сосѣдствѣ, и перебивалѣ у нее барышѣ, превратила въ лягушку; сей бѣдной старичокѣ и до нынѣ еще плавая на днѣ винной бочки и купаясь въ дрожжахѣ осиплымѣ и умилнымѣ крикомѣ призываетѣ прежнихѣ своихѣ купцовѣ и знакомцовѣ. Стряпчій дерзнувшій ее злословить превращенѣ былѣ ею въ барана, и хотя онѣ нынѣ уже баранѣ, однако еще въ судебныхѣ мѣстахѣ стряпческую исполняетѣ должность. Жену одного изѣ своихѣ любовниковѣ осмѣлившуюся ей насмѣхаться и ее презиратьъ наказала она симѣ образомѣ: Когда сей женщиноѣ уже давно беременной, пришло время родить, то волшебница заключила у ней ложесна; и воспрепятствовавѣ младенцу выйти изѣ чрева, осудила сію несчастную на всегдашнюю беременность. Говорящѣ, что уже восемь лѣтъ тому прошло, какѣ сія бѣдная находится въ такомѣ жалкомѣ состояніи, имѣя брюхо столь толсто и надуто, какѣ

какъ будто бы она хочеть родить
 слова. Наконецъ сія волшебница вредя
 многихъ привлекла на себя ненависть
 отъ всѣхъ согражданъ; по суду опре-
 дѣлено въ слѣдующій день побить ея
 каменьемъ; но она своимъ искусствомъ
 умѣла предупредить сіе жестокое на-
 казаніе. Какъ прежде Медея упробивъ
 Креона, чшобъ отсрочить ея отъ-
 ѣздъ до другаго дни, сожгла сего
 старика и съ дочерью его шѣми са-
 мыми свѣщильниками, которые у-
 тошованы были для брака; такъ и сія
 волшебница учинивъ различныя закли-
 нанія и проклятія вокругъ одного
 рва, (д) (какъ сама о томъ, будучи
 пьяна, мнѣ сказывала) всѣхъ город-
 скихъ жителей силою своихъ чародѣ-
 ній заключила въ ихъ собственныхъ
 домахъ столь искусно и хорошо, что
 чрезъ

(д) Небеснымъ богамъ жертвы были при-
 носимы на олтаряхъ возвышенныхъ; зем-
 нымъ проспо на земли, но адскимъ при-
 носились во рву. Въ Гомеровоі Одиссеѣ
 читаемъ, что Улиссъ выкопалъ ровъ гла-
 бинною въ ланоть, въ которой излилъ ви-
 но смѣшанное съ медомъ, попомъ чистое
 вино, и воду смѣшанную съ кровію жи-
 вотныхъ закланныхъ на жертву.

шусь, чтобъ сія старуха помощію ка-кого нибудь служебнаго своего демона не провѣдала о нашемъ разговорѣ; и потому ляжемъ спать по ранѣ, чтобъ успокоившись нѣскольکو пріятнымъ сномъ встать предъ свѣтомъ и бѣ-жать намъ изъ сихъ мѣстъ какъ можно по скорѣ. Совѣтуя такимъ обра-зомъ вижу я, что мой Сократъ, упомясь долгою днѣ, и упившись вечеромъ больше обыкновеннаго, уже давно хранилъ изъ всей мочи. Что касается до меня, я заперши двери на крюкъ и поставивъ прошивъ ихъ свою кровать, легъ спать. Съ начала нѣскольکو часовъ не могъ я уснуть отъ страха; наконецъ около полу-ночи начали мои глаза покоряться усилію сна.

Едва только я заснулъ: вдругъ отворяется дверь съ такимъ стукомъ, какъ будто бы ломающъ ее разбой-ники, запоръ и крюки сокрушаются и падающъ на землю вмѣстѣ съ дверью. Маленькая и уже ветхая моя кровать отъ такого усилія опрокидывается и меня снашившатаго на полъ собою покрываетъ. Тогда я почувствовалъ,
что

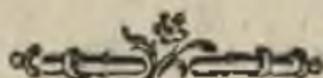
что есть въ человѣкѣхъ страсти, которыя производятъ дѣйствія себѣ противныя; ибо какъ по случаю текушѣ отъ радости слезы, такъ и я въ семъ ужасѣ не могъ удержаться отъ смѣха, видя себя превращеннымъ изъ Аристомена въ черепаху. (e) Такимъ образомъ поверженъ и лежащъ ницъ смотрѣлъ я со стороны послѣдствіе сего произшествія будучи прикрытъ своимъ одромъ, и увидѣлъ вшедшихъ двухъ старухъ. Одна изъ нихъ держала свѣщильникъ, другая грецкую губу и обнаженный мечъ. Въ такомъ вооруженіи приблизились онѣ къ Сократу въ глубокой сонѣ погруженному.

Держащая мечъ говорила: любезная сестра Паея, вотъ мой дорогой Эвдиміонъ, мой возлюбленный Танимедъ, которой днемъ и ночью во зло употреблялъ мою младость, и которой нынѣ презрѣвъ мою горячность, не только безславитъ меня, но еще старается отъ меня убѣжать. Да! а

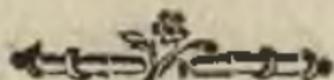
Б 2

я

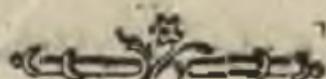
(e) Ибо лежа подъ кроватью точно былъ онъ, какъ черепаха подъ своею кожей.

я несчастная, какъ другая Калипсо хищроспю сего новаго Улисса обманута, останусь и буду оплакивать вѣчно мое уединеніе? Помѣмъ указывая на меня Паѳѣ, а сей, говоритъ, сей благо-разумный совѣтникъ, Аристоменъ, виновникъ сего бѣгства, находящійся уже при вратахъ смерти и шеперь простертый на земли, покрытъ своею кровашью, и смотря на сіе наше дѣйствіе думаетъ ли, что я за обиду и ругательство его продерзостію миѣ нанесенное, наказатъ его и отмститъ ему не въ силахъ? Я здѣлаю, хопя поздно, но что я говорю, я здѣлаю немедленно и въ сіе самое мгновеніе, что онъ будетъ раскаиваться и сожалѣть о прежнемъ своемъ многорѣчии и о настоящемъ продерскомъ любопытствѣ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я во всемъ тѣлѣ и во всѣхъ членахъ холодный потъ, вся внутренность во миѣ столь сильно дрожала, что самая кровашь на спинѣ моей лежащая пряслась и колебалась. Любезная сестра, отвѣтствуетъ добродушная Паѳія, чтожъ мы медлимъ, и для чего по примѣру Бакханокъ не перзаемъ его перваго, или связавъ ему руки и ноги не оч-
рѣ-

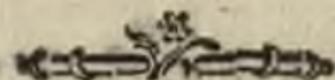
рѣжемъ ему? — — — На сіе Мероя, (ибо это была точно та, какъ видно изъ ея волшебства, о которой мнѣ шоль много чудеснаго Сократъ сказывалъ) пусть, ошвѣпствуемъ, пусть онъ въ живыхъ останется, по крайней мѣрѣ для того, чшобъ сокрылъ въ землю шѣло сего бѣдняка. Тогда наклонивъ Сократову голову воззила ему мечъ въ лѣвую сторону шеи по самой ефесѣ и подставивъ сосудъ - принимала текущую кровь съ такимъ раченіемъ, что ни единой капли не было видно. Все сіе видѣлъ я своими очами. Но, какъ я думаю, чшобъ соблюсти весь обрядъ жертвоприношенія, углубила она свою правую руку въ сію рану до самой внутренности и ошполѣ исторгнула сердце моего несчастнаго товарища; между шѣмъ изъ язвы его слышенъ былъ голосъ, или лучше скажешь нестройный крикъ, и сей бѣднякъ духъ свой извергнулъ съ кипящею кровію. Сію рану, которая была очень велика, захватила Паеія гречкой губою, говоря: *принимай губа, ты родилась въ морѣ, такъ берегись преходить чрезъ рѣку.* Поступивъ шакимъ образомъ съ Сократомъ

сияли они съ меня кровать, и ставъ прямо надъ моей головою, и разширя свои лядвен окропили меня своею смрадною мочою.

Едва онѣ выступили за порогъ, немедленно дверь на прежнее спановилъся мѣсто, крюки входящѣ по прежнему въ пробои, веревя укрѣпляется, и засовы опять задвигаются. Я лежа на земли почти бездушенъ, нагъ, холоденъ, облищъ мочою, и мокръ какъ будто бы недавно я вышелъ изъ чрева матерня, уже полумертвъ, или лучше скажешь для самаго себя оставшійся въ живыхъ, или какъ уже человекъ опредѣленный на висѣлицу; говорилъ самъ себѣ такимъ образомъ: что со мною воспослѣдуетъ, когда поушру найдушъ заколапатаго моего товарища? и что мои слова, сколь впрощемъ они ни справедливы, почтешъ достойными вѣроятія? Не долженъ ли ты былъ, скажутъ мнѣ всѣ, кричать и требовать помощи, естли, будучи столь сильной мущина, не могъ ты пропившися женщиноу? при пвоихъ очахъ умерщвляютъ человека, и ты молчишь? для чего и ты равной не подвергнулся

у-

участи? для чего лютость сего женщины пощадила такого человека, который будучи свидетелемъ злодѣйства могъ показать и объявить виновника оного? и почему когда ты избѣжалъ смерти, нынѣ ее принять долженъ. Такимъ образомъ разсуждалъ я самъ съ собою, и ночь уже проходила.

И такъ заблагодарсудилъ я украдкою уйти еще до свѣта и пуститься въ путь хотя робкими стопами: я беру свою суму, и вложивъ ключъ въ замокъ, вертѣлъ его въ обѣ стороны стараясь оппереть; но сія вѣрная и крѣпкая дверь, которая въ полночь сама собою отворилась, едва съ великимъ трудомъ была опперта мною: Эй слушай, гдѣ ты, говорю я, отвори мнѣ на улицу ворота, я хочу отправиться предъ восхожденіемъ солнца. Приворожникъ, которой спалъ на земли близъ воротъ отвѣтствуетъ мнѣ въ просонкахъ: какъ! развѣ ты не знаешь, что на дорогѣ много разбойниковъ, и хочешь идти ночью? а! а! естли ты ищешь смерти, поелику чувствуешь себя виновнымъ въ какомъ нибудь преступленіи, шо знай, что

у насъ право не шыковныя головы, чтобъ намъ за тебя умереть. — уже недолго до свѣшу, говорю ему, и припомъ что могутъ опяять разбойники у прохожаго споль бѣднаго какъ я? или не знаешь ты глунецъ, что самые сильные десять человекъ не могутъ обнажить того, кто совсѣмъ нагъ? Сей полуспящій слуга поворотясь на другой бокъ, знаю, отвѣтствуетъ мнѣ, что ты бѣгствомъ хочешь спастися заколовъ своего товарища, съ которымъ пришелъ сюда вечеромъ. Мечталось мнѣ, что при сихъ словахъ отверзлася подъ моими стопами земля даже до ада, и что Церберъ готовился меня пожрать. Я узналъ тогда, что Мероя не изъ сожалѣнїя ко мнѣ, меня не умертвила, но по лютоости своей на самую жестокую казнь меня оставила. И такъ удалившись я въ свою спальню, въ смущенїи помышлялъ, какою бы смертію прекратить жизнь свою. Но когда счастье ни одного смертооенаго орудїя мнѣ не представляло кромѣ моей кровати; любезный одръ, говорилъ я, ты, которой столько бѣдствїй претерпѣлъ со мною, ты, зритель и судїя всего происшедшаго въ сію ночь, ты,

ко-

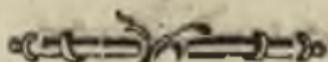

которой одинъ можешь быть на судъ моей невинности свидѣтелемъ, ты нынѣ спремѣяемуся мнѣ во адъ подай смершное оружіе: при словѣ семъ расплеаь я веревку, копороу кровать была скрѣплена, и привязаль се крѣпко на гвоздѣ, которой былъ надъ окномъ. Послѣ сего на другомъ концѣ веревки сдѣлаль я слабую петлю и спавши на кровать, дабы мнѣ съ бѣльшей опуститься высоты, надѣлль петлю себѣ на шею; но когда я одной ногою ополкнуль кровать, чтобъ собственною моею тяжестію петля на горлѣ зашпянувшись прервала мнѣ дыханіе, вдругъ старая и гнилая сія веревка прервалась, и я лешя съ высоты упаль на Сократа, и мы оба съ нимъ скапились на землю.

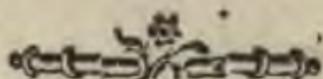
Придверникъ въ сію минушу вбѣгаешъ съ негодованіемъ крича изъ всей мочи: гдѣ ты, гдѣ ты, копороу въ глухую ночь уйши отсель поспѣшалъ, и теперь еще храпишь распшянувшись? Тогда Сократъ, не знаю отъ моего ли паденія, или отъ необычайнаго крику сего слуги, первой пробудившись, сказалъ: не безъ причины гостинницы сея придверниками

гнушаются всѣ постояльцы; ибо сей любопытный слуга неблаговременно вѣбжавши, и какъ я думаю, дабы что нибудь украсть, прервалъ глубокой и сладкой мой сонъ. Вдругъ и я пробудился, и неожиданною восхищеніемъ радости: вошъ, сказалъ я вѣрному стражу, вошъ мой спутникъ, мой отецъ, мой братъ; котораго ты, будучи пьянъ, почиталъ отъ меня убитымъ ночью; говоря сіе обнималъ я и лобызалъ Сократъ; но онъ чувствуя скверный запахъ гнуснаго влаги, кошорою меня волшебницы окропили, опталкивалъ меня съ досадою; опспули, говоритъ онъ мнѣ, ты никакъ валялся въ гнусномъ мѣстѣ, пошомъ смѣясь началъ меня спрашивать о причинѣ сего мерскаго запаху; но я не медля, хотя и не къ стати, выдумавъ другую шутку обратилъ его любопытство къ иной вещи, и давъ ему правую руку, сказалъ, пойдѣмъ лучше, и насладимся пріятностію упреннаго пупешествія. Наконецъ я взялъ свою суму, и заплачивъ придвернику за постоянное, пустились мы въ дорогу.

Нѣсколько пути прошли, и уже восхожденіемъ солнца все начало освѣщаться; я прилѣжно примѣчаю ту сторону шен моего сопутника, въ которую, какъ я видѣлъ, вонзенъ былъ кинжалъ. Я самъ себѣ говорилъ: безумной, не отъ того ли, что ты чрезъ мѣру вечеромъ пьянствовалъ, столь страшные и чрезвычайные сны тебѣ грѣзлись? Вотъ Сократъ здоровъ и безвреденъ. Гдѣ рана? гдѣ губа? и наконецъ язва столь великая и столь недавняя? Пошомъ обратясь къ нему, справедливо, сказалъ я, искусные утверждаютъ лекари, что отъ пьянства и обьяденія ужасныя намъ грѣзятся сны. Миѣ въ сію ночь, поелику вчера много подгулялъ, столь страшныя мечшались сновидѣнія, что я и теперъ еще почишаю себя обограннымъ кровію. На сіе Сократъ усмѣхаясь, нѣтъ, ты не кровію, говоришь, но смрадною мочею былъ облилъ; однако я и самъ видѣлъ во снѣ, что будто меня закололи: ибо я чувствовалъ боль въ горлѣ, и казалось миѣ, что изторгнули изъ внутренности моей сердце; и я теперъ еще едва дышу, колѣни мои подгибающся, я не могу
ишии;

ищи, я охотно бы желалъ подкрѣпить мои силы пищею. Вотъ, сказалъ я ему, готовъ для тебя завтракъ. Немедленно снявши я съ плеча суму подалъ ему хлѣба и сыру и просилъ его сѣсть подъ дерево. Мы сѣли, я также началъ завтракать. Сократъ съ жадностію, я вижу, что вдругъ лице его покрылось блѣдностію. Наконецъ природный его цвѣтъ споль много перемѣнился, что я отъ страха, воображая о ночныхъ оныхъ фурияхъ, едва не подавился кускомъ хлѣба, которой хотя весьма былъ великъ, однако остановился въ самомъ горлѣ, такъ что я не могъ его ни проглотить ни обратно вырыгнуть. Сверхъ того усугублялся мой страхъ по причинѣ множества прохожихъ. Ибо кто бы могъ повѣрить, что изъ двухъ спутниковъ одинъ былъ убитъ, и другой не былъ бы причиною того убійства?

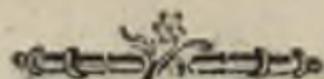
Наконецъ Сократъ поѣвши довольно почувствовалъ непреодолимую жажду, и не безъ причины: ибо онъ превеликой кусокъ сыру сѣлъ съ жадностію; а при томъ близъ дерева проше-

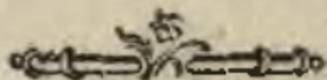
текалъ тихой источникъ подобной неподвижному озеру; вода его была прозрачна какъ серебро, или кристаль. Вотъ, сказалъ я ему, утоли здѣсь жажду свою чистою водою. Онъ всталъ, прикрылся епанчею, и на способнѣйшемъ мѣстѣ берега склонился въ рѣку, дабы напиться.

Едва онъ прикоснулся губами своими къ водѣ, вдругъ рана въ горлѣ его растворилась, и гредная губа выпала изъ нея съ кровью, и его бездушное тѣло скапидось бы въ рѣку, если бы я схвативъ за ногу не вытащилъ его на берегъ хотя и съ трудомъ. Плакалъ я моего несчастнаго товарища, сколько мнѣ дозволяло время, потомъ зарылъ его въ песокъ, и оставилъ навсегда въ сосѣдствѣ съ сей рѣкою: что до меня, то весь препеца и ужасаясь, чрезъ разные и непроходные пустыни убѣжалъ и сокрылся, и будшо бы точный убійца, оставилъ я свое отечество и домъ, и самовольно осудилъ себя на изгнаніе. Я нынѣ живу въ Эполін, женившись на другой женѣ. Такъ рассказывалъ Аристоменъ.

Но

Но товарищъ его, которой и сперва съ упрямствомъ не вѣрилъ, и смѣялся его словамъ, по истиннѣ, сказалъ, нѣтъ ничего баснословиѣе сея басни, и ложнѣе сея лжи. Потомъ обратившись ко мнѣ, а ты почтенный мужъ, какъ по мнѣ показывается видъ твой и одѣяніе, ты вѣришь ли симъ рассказамъ? Для меня, опившествовавъ я, нѣтъ ничего невозможнаго; и какъ судьба опредѣлила, такъ все происходитъ между людьми. Ибо и со мной и съ тобой и со всѣми смертными много чрезвычайнаго и неслыханнаго случается, чему невѣжда, когда ему будущъ сказывать, никакъ не повѣритъ. По истиннѣ, я нимало о томъ не сомнѣваюсь, что теперь намъ сказано, и благодарю отъ всего сердца за сію приятную и увеселительную повѣсть: ибо столь дальней и шрудной путь совершилъ я безъ скуки и безъ усталки; я думаю, что и лошадь моя за сіе благодаритъ и радуется, потому что не утруждая ее, до самыхъ воротъ города сего не наспитъ ея, но на собственныхъ моихъ ухахъ я доѣхалъ. Здѣсь мы прекратили разговоръ и общее наше путешествіе,

ствіе : ибо оба мои товарищи поворожили на лѣво къ ближайшимъ деревнямъ. Но я при входѣ въ городъ увидѣвши первой шракширъ остановился и немедленно спросилъ престарѣлую шракширщигу, Гипашою ли называется сей городъ? сказала, такъ.—Знаешь ли она Милона, одного изъ первыхъ гражданъ? Она начала смѣяться. Пошомъ отвѣчала, правда, что Милонъ почитается здѣсь первымъ, ибо онъ живя внѣ города всѣмъ полемъ владѣетъ; оставя шутки бабушка, говорю я ей, скажи мнѣ кто онъ таковъ, и гдѣ его домъ? Видишь ли отвѣстствуетъ она мнѣ, сіи послѣднія дѣла обращенныя съ одной стороны къ полю а съ другой къ сему ближнему городу переулку? Тутъ живетъ Милонъ, онъ чрезвычайно богатъ, и много имѣетъ наличныхъ денегъ, но только весьма скупъ и человекъ негодной, онъ часто даетъ деньги въ заемъ но съ великимъ ростомъ, и требуя закладъ состоящій изъ серебряныхъ или золотыхъ вещей. Заключась въ тѣсномъ домишкѣ съ женою своею, которая неменьше его скупа, неусыпно стерегутъ они ржавые свои деньги,

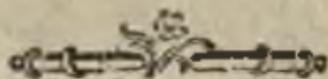
не имѣя у себя никого кромѣ одной молодой служанки. На улицу или на портъ выходилъ онъ всегда въ раздранной и нищенской одеждѣ.

Сіе слыша я захохоталъ , говоря , правда , что другъ мой Демеасъ умно и благосклонно поступилъ со мною , пославъ меня съ письмомъ къ такому человѣку, у котораго въ домѣ ни дыму, ни повареннаго запаху опасаться я не долженъ. По семъ опшедши нѣсколько шаговъ приблизился къ ворошамъ его дому: они были накрѣпко заперты, я спучался и кричалъ громко, чтобъ ктонибудь опперъ, немного спустя вышла молодая служанка, слушай, говоришь она мнѣ, кто ты таковъ? что такъ сильно толкаешь въ двери и подъ какой закладъ хочешь занятъ денегъ? Или ты не знаешь, что мой господинъ кромѣ золота и серебра никакихъ не принимаетъ закладовъ? Лучшее что нибудь, говорю я ей, пророчествуй мнѣ, и поскорѣ отвѣтствуй дома ли твой хозяинъ? дома, отвѣтствуетъ, но какая причина такого вопроса? Чтобъ опдать ему письма посланные со мною отъ Демеаса Коринѣскаго жителя.

Подо-

Подожди ты здѣсь, говоритъ она мнѣ, пока его о томъ увѣдомлю; при словѣ семъ заперла опять ворота и побѣжала къ Милону; чрезъ минушу возвратившись, говоритъ мнѣ, приказалъ себя къ себѣ просить. Я вшелъ и увидѣлъ что Милонъ сидитъ на маленькой кровати готовясь ужинать; подлѣ его сидѣла жена, столъ еще не былъ накрытъ; Милонъ указывая мнѣ перстомъ на него, сказалъ, вотъ гостепрїимство. Я, отвѣщая, покорно благодарствую, тотчасъ вручаю ему письма отъ Демеаса; онъ прочетши ихъ наскоро, сказалъ: я очень доволенъ другомъ моимъ Демеасомъ, что онъ такого ко мнѣ послалъ гостя. Не медля приказалъ онъ женѣ своей удалиться, и просилъ меня сѣсть на ся мѣсто, но какъ я по благоприсойности отрицался, онъ шацилъ меня за полу, говоря, садись подлѣ меня, и при томъ извини, что мы боясь воровъ не имѣемъ здѣсь ни стулья, ни другихъ нужныхъ домашнихъ вещей. Я исполнилъ его прозьбу и онъ продолжая рѣчь свою говорилъ: я смотря на стройное сложеніе шѣла швоего, видя скромныя и дѣвицамъ въ стыдливости подобныя

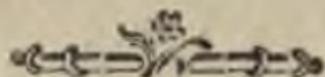
черты лица твоего, безъ сомнѣнія почетъ тебя произшедшимъ отъ знатной и благородной крови; однако сіе самое подтвердилъ еще письмомъ своимъ другъ мой Демвасъ. И такъ прошу не погнушашься бѣднымъ моимъ домишкомъ. Ты будешь спать въ семъ ближнемъ покоѣ, гдѣ тебѣ будетъ недурно. Прошу переночевать у меня: ибо ты симъ немалое уваженіе и честь моему дому сдѣлаешь, а притомъ и самъ прославишься есшли ты будешь подражать великому Тезею, (какимъ именемъ (ж) и отецъ твой назывался,) не опрехшемуся переночевать у бѣдной Гекалы. Потомъ кликнувъ служанку, Фотиса, говоритъ ей,

(ж) Изъ сего видно, что отецъ Апулеевъ назывался Тезеемъ. Что касается до славнаго Тезея сына Эгея, то онъ будучи еще молодъ принужденъ былъ въ одно время переночевать у Гекалы старушки бѣдной, но весьма добродѣтельной. Она его приняла съ возможною ласкою и обѣщалась ему принести себя Юпитеру на жертву, есшли онъ живъ и здоровъ съ войны возвратится. Однако умерла она прежде его возвращенія. Тезей въ память ея установилъ торжество въ честь Юпитеру и назвалъ его праздникомъ Гекальскимъ.

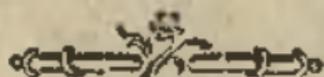
ей, возьми сумы гостя сего и положи ихъ въ спальню; пришомъ масла для язанія, плашки для опиранія, и все что нужно принеси немедленно, и проводи гостя моего въ ближнія бани; онъ весьма усталъ отъ дальнаго и скучнаго пути. Сіе слыша и разсуждая о нравѣ и скупости Милоновой захопѣлъ я больше ему понравиться, и потому говорю ему: я не имѣю никакой нужды въ сихъ вещахъ; ибо мы дорожніе люди все потребное для бань съ собою носимъ. И такъ главное мое попеченіе относится до моей лошади, которая весьма бодро довезла меня до сего мѣста, и потому Фотиса, взявъ сіи деньги купи для нее овса и нѣсколько сѣна.

Исправя все, и положи вещи свои въ спальню мнѣ опредѣленную, пошелъ я въ баню; но для покупки чего нибудь себѣ на ужинъ, зашелъ я сперва на рынокъ: гдѣ увидѣвъ довольно рыбы, началъ торговашь; запросили сто денарій, сіе меня удивило, напоследокъ спорговалъ я за дватцать. Идя съ рынку увидѣлъ я за собою Пипіа, которой былъ мнѣ

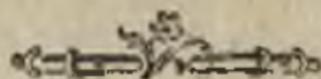

соученикомъ въ Аѳинахъ; онъ долго на меня смотря и потомъ узнавши подбѣжалъ ко мнѣ; обнявъ меня и цѣлуя дружески, любезный Луцій, говорилъ мнѣ, уже давно мы съ тобой не видались, съ самаго того времени, какъ мы отстали отъ нашего учителя. И какая причина своего странствованія? завила узнаешь, сказалъ я ему; но сіе что такое значитъ? поздравляю; ибо я вижу, что приставы идутъ неся сѣкиру и пукъ розгъ (з) передъ тобою и ты самъ въ одеждѣ приличной градскому судіи. Я главной надзиратель надъ строеніями, ошвѣчалъ онъ мнѣ, и въ нынѣшній годъ поручено мнѣ смотрѣніе надъ сѣбѣстными припасами; и естли тебѣ нужда въ чемъ нибудь въ разсужденіи пищи, я могу въ томъ тебѣ услужить. Я отказался, ибо уже довольно имѣлъ я рыбы для ужина. Но Питій видя у меня кошель и тряхнувъ, чтобъ увидѣть рыбу, спросилъ, за сколько купилъ я сію бездѣлку? Едва за двашцать

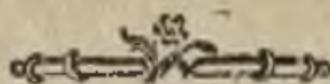
(з) У Римлянъ предъ Консулами и предъ другими главными ходили приставы, или иначе Ликторы неся всяку розгъ и сѣредины ея шпорѣ для казни виноватыхъ.

цать денарій, отвѣчалъ я ему, мнѣ ее уступили. Сіе слыша, взялъ онъ меня за руку и обратно повелъ на рынокъ. Гдѣ спросилъ меня, у кого я изъ продавцевъ купилъ рыбу? Я указалъ на старика, которой сидѣлъ въ углу. Питій по важности своей власти закричалъ на него строго: какъ! говорилъ онъ, ужё ли и нашихъ пріятелей, и никого изъ прохожихъ щадить вы не хотите, продавая худую рыбу за столь великую цѣну? Сей городъ самой цвѣтущій во всей Фессаліи, вы дѣлаете чрезъ дороговизну сѣбѣстныхъ припасовъ необитаемую пустынею: но вамъ это не пройдетъ даромъ: я теперь же докажу, какимъ образомъ бездѣльники наказаны быть должны во время моего правленія. Потѣмъ выбросивъ изъ кошеля моего рыбу велѣлъ одному изъ присланныхъ топтать ее ногами. Довольствуясь такою строгостію храбрый мой Питій, совѣтовалъ мнѣ удалиться, говоря: любезный мой Луцій, не довольно ли строго старикъ сей наказанъ? Я все сіе видя чрезвычайно удивился, и по совѣту моего благоразумнаго товарища, лишась и ужина и денегъ, пошелъ въ

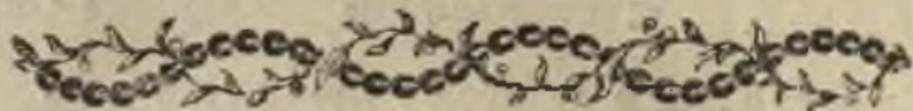
баню, гдѣ вымывшись возвратился я въ домъ Милоновъ и ушелъ въ свою спальню. Но вдругъ бѣжитъ Фофиса, сказывая, что проситъ меня къ себѣ хозяинъ. Но я испытавъ его чрезмѣрное воздержаніе, просилъ, чтобъ меня извинили: ибо мнѣ за благо разсудилось не пищу, но сномъ облегчить усталость произшедшую отъ дальнаго путешествія. Когда ему про то сказали, онъ прилетѣлъ ко мнѣ самъ и схвативши меня за руку пащилъ съ постели учтиво; я извиняюсь, я отказываюсь, но онъ, не отстану, говоритъ мнѣ, пока не согласишься послѣдовать за мною, и слово свое подтвердилъ клятвою. Я принужденно повинуюся его упрямыму пришелъ съ нимъ къ ветхой его кровати. Онъ посадя меня: какъ поживаетъ спросилъ, другъ нашъ Лемеасъ, въ добромъ ли здоровьи жена его и дѣти, и въ какомъ состояніи его домашнія дѣла? На все отвѣщаю подробно. Онъ подробнѣе спрашиваетъ о причинахъ моего путешествія. Я и въ томъ его удовольствовалъ; онъ еще подробнѣе началъ меня спрашивать о моемъ опечаленіи, о знаменитыхъ въ ономъ людяхъ,

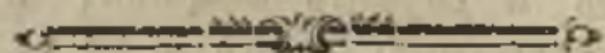
людяхъ , и о главномъ правителѣ ; но примѣшя , что я , будучи слабъ отъ странствованія и отъ его басенъ уже дремалъ , по оvinу рѣчей не договаривалъ и заикался при каждомъ словѣ ; дозволилъ онъ мнѣ удалиться . И пакъ едва я избавился отъ веле-рѣчиваго и скупаго старика , и будучи опятощенъ сномъ а не лицею , ибо я на словахъ и мысленно только ужиналъ , возвратился въ спальню , дабы желаннымъ сномъ успокоиться .

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ .

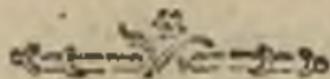
ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

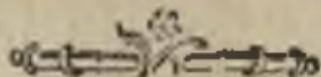
КНИГА ВТОРАЯ.

Какъ только прешла ночь и восходящее солнце произвело новый день, я немедленно и сонъ и кровать свою оставилъ, желая не терпѣливо знать и видѣть все, что было удивительно и рѣдко. Газсуждая, что нахожусь я въ срединѣ Фессаліи, (а) гдѣ по согласному всего свѣта признанію первыя сѣмена волшебной науки посѣяны; и припомъ помня баснь сказанную мнѣ Аристоменомъ, добродушнымъ моимъ спут-

(а) Древніе думали, что въ Фессаліи много родился нравъ способныхъ для чародѣйства и обаянія, и что волшебная наука въ сей странѣ получила свое начало, и дошла до высочайшаго совершенства и потому Фессалійская женщина, самачала обыкновенно волшебницу или колдунью.

слухникомъ о положеніи сего города къ которому съ нимъ шли; разсмашивалъ я все съ чрезвычайною жадностію и съ удивительнымъ любопытствомъ; я воображалъ, что все, что ни вижу въ городѣ семъ, есть въ самой вещи непаково, какъ моимъ очамъ кажется, но все волшебнымъ шептаніемъ въ другой видъ превращено; и потому камни встрѣчающіеся моему взору почиталъ я людьми окаменѣлыми, пилицъ считалъ я также людьми обросшими только перьямъ. Деревя стоящія вокругъ стѣны градскія равно въ умѣ моемъ казались людьми покрытыми лищемъ; источники и ручьи, то были равно человѣческія стѣны превращенныя въ жидкую стихію. Мечталось мнѣ что картины и статуи должны ходить, стѣны домовъ говорить, и что воны и прочія животныя будутъ скоро пророчествовать, и самая наконецъ высота небесная, и лучезарное свѣшило предвозвѣститъ что нибудь важное. Въ такомъ будучи изумленіи и толь непреодолимое имѣя желаніе видѣть что нибудь чрезвычайное, ни единаго слѣда и ни одного впрочемъ знаку къ исполненію желанія

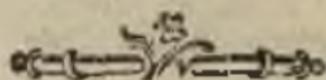

ланія моего не примѣля обходить я все вокругъ. Наконецъ ходя туда и сюда, какъ будто пьяной нечаянно и безъ всякаго намѣренія очутился я на сѣбѣшномъ рынкѣ. Вдругъ увидѣвъ тамъ вдущую женщину окруженную множествомъ слугъ, побѣжалъ къ ней съ поспѣшностію. Одежда ея распухшая златомъ, и алмазныя серги служили яснымъ доказательствомъ, что она была особа знаменитая. По одну ея сторону шелъ престарѣлой мужчина, которой едва меня увидя, безъ сомнѣнія, сказалъ ей, это Луцій, тамъ это онъ, и мгновенно подбѣжалъ ко мнѣ, чтобъ меня облобызать, пошомъ поговоря нѣчто на ухо сей женщинѣ; для чего, сказалъ мнѣ, самъ не приближься и не поздравись сію особу, которую ты долженъ почитать какъ свою родительницу? Не смѣю, отвѣщивалъ я, не имѣя чести знать сію женщину; вдругъ лице мое покрылось стыдливимъ румянцемъ, и потупя глаза стоялъ я неподвижно. Напротивъ того она смотря на меня пристально, вотъ, сказала, точное подобіе и благородная отрасль добродѣтельной Салвіи! Все сложеніе ихъ
мѣла

лѣла совсѣмъ между собою сходно; и станъ Луційевъ по вышотѣ своей и по тонкости сразмѣренъ и пріятенъ; румянецъ въ щекахъ умѣренной, волосы его желты и отъ природы кудрявы, глаза хотя сѣрые, но быстрые и блистающъ подобно орлянымъ; взоры его исполнены пріятностей, наконецъ походка его благородна однако непритворна и непринужденна. Послѣ сего она мнѣ говорила: Луцій я тебя въ собственныхъ моихъ воспитала объятіяхъ; ты сему дивишься? знай, твоя мать и я, мы не токмо между собою сродственницы, но еще ты воспитаны вмѣстѣ. Ибо мы обѣ произошли отъ племени Плутархова, одну имѣли кормилицу, и въ союзѣ родства вкупѣ возрасли, и одно только сословіе и достоинство меня съ ней раздѣляетъ и различаетъ; ибо она вступила въ брачныя узы съ человѣкомъ знаменитымъ, а я напроливъ того съ простымъ. Знай я та Бирреча, о которой ты часто можешь бытъ слыхалъ отъ своихъ воспитателей; и такъ ступай смѣло ко мнѣ, или лучше сказать въ свой собственной домъ. Въ сіе время румянецъ и стыдъ прежде покрывшій

мое

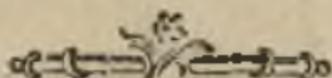

мое лице уничтожился и я сказалъ ей въ отвѣтъ: никакъ, государыня моя, я не могу, не видя ни малаго оскорбленія и неудовольствія, оставить Милона моего хозяина. Кленусь, сударыня, что я ничего не упущу, что только могу здѣлать въ угодность тебѣ, не нарушая впрочемъ правилъ благопристойности и гостепріимства; и всякой разъ, какъ только случится мнѣ путешествовать въ сію страну, домъ твой мнѣ единственнымъ будетъ прибѣжищемъ.

Такими и тому подобными словами изъясняясь и прошедши нѣсколько разстоянія приблизились мы къ Бирренину дому: сѣни онаго были великолѣпны, украшенны четвероугольными столпами, на копорыхъ видимы были статуи пальмоносной (6) Богини,
имѣя

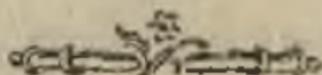
(6) Пальмоносная Богиня (*Palmaris dea*) тоже что и побѣда. Клавдіанъ ее описываетъ такимъ образомъ.

*Ipsa duci facias victoria panderet alas,
Et palmâ viridi gauderet amicta trophæis*
то есть: самая побѣда увѣнчанная шпиреями, и держащая въ десницѣхъ зеленый пальмѣ священныя свои крыла разпростерла

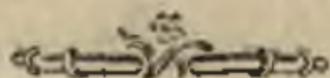

имѣя разпростершыя крилѣ, и стоя одною ногою на шарѣ, съ котораго, по видимому хотѣли они возвыситься на воздухъ; и хотя они были прикрѣплены, однако казалось, что ни чѣмъ не держатся и хотятъ летѣть. Спашуя изъ Паросскаго здѣланная мрамора и представляющая Діану занимаеѣ средопочіе всего пространства; она была совершеннаго искусства; ибо казалось, что одежда Богини развѣвается Зефиромъ, и сама она бѣжитъ съ живностію, и какъ бы встрѣчаетъ входящихъ, вселяя притомъ въ нихъ благоговѣйное къ себѣ почтеніе. Она по сторонамъ своимъ имѣла по двѣ также изъ мрамора изсѣченныхъ; глаза ихъ были свирѣлы и грозны; уши подняты, какъ будто бы они что нибудь слушали, ноздри отперсты, ротъ разинутъ, и готовъ по видимому что нибудь поглотить. Ежели бы вблизи залаяли собаки, то подумалъ бы всякъ, что

перла къ сему великому вождю. Однако Афиняне, какъ говоритъ нѣгдаѣ Пизаній, изображали сію Богиню безъ крылѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы она отъ нихъ не отлетѣла, и осталась въ ихъ горѣдѣ вѣчно.

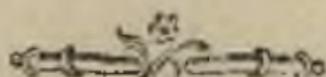

что это мраморные дающѣ псы; но
 всего больше превосходство и хитрость
 художника состояла въ томъ, что
 сіи псы стояли только на заднихъ но-
 гахъ, а переднія были подняты на
 воздухъ. Позади Богининой статуи
 виденъ былъ камень изображающій пе-
 щеру исполненную мохомъ, зеленой пра-
 вою и листвіемъ; на немъ изъ обохъ
 боковъ выросли мѣлкіе кустарники и
 различныя деревца. Мраморъ былъ
 споль бѣлѣ и гладокъ, что на днѣ
 пещеры видима была тѣнь вещей раз-
 личныхъ. Съ высоты сего камня ви-
 сѣли яблоки и виноградныя кисти, ко-
 торыя человѣческая хитрость, счастли-
 вая подражательница природы, столь
 искусно изобразила, что кажется мож-
 но ихъ сорвать и ѣсть, когда осень
 приведетъ ихъ въ зрѣлость и надле-
 жащымъ одѣнетъ цвѣтомъ; и еслили
 наклонившись посмотришь ихъ въ ис-
 точникѣ текущемъ тихо изъ подъ
 стопъ Богини, то покажутся они тебѣ
 колеблющимися, такъ какъ почныя и
 природныя яблоки и виноградныя кисти
 висятъ на своихъ вѣтвяхъ. Тамъ
 среди листвія и вѣтвей стоитъ камен-
 ная статуя представляющая Антеона,
 въ

въ такомъ видѣ, что онѣ за дерское свое любопытство, чтобъ видѣть Диану моющуюся въ семъ источникѣ, казалось началъ превращаться въ оленя.

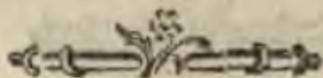
Когда я разсматривалъ съ удивленіемъ и пріятностію сіи подробности; то Биррена сказала мнѣ: все, что ты здѣсь ни видишь, все тебѣ вручаю. Потомъ дала знакъ, чтобъ слуги ея удалились, и мы остались одни. Тогда, любезный Луцій, говорила она мнѣ, я весьма опасуюсь въ разсужденіи тебя, и ты не меньше мнѣ жалокъ и любезенъ, какъ и собственный мой сынъ. Берегись, но берегись прелѣжно, проклятой хитрости и приманчивыхъ сѣтей распроспертыхъ Памфилою Милоновой женою; у которой, какъ ты говоришь, ночлегъ имѣешь: всѣ ея почитаютъ самую величайшею волшебницею и учительницею всякаго чародѣянія. Посредствомъ нѣкоторыхъ правъ, маленькихъ камышковъ и другими того рода бездѣлками, на которыя она сперва дуешь, можетъ она всю связь звѣзднаго міра свергнуть во дно ада, и погрузить въ первобытный Хаосъ.

Хаосъ. Она, какъ только увидитъ юношу собой прекраснаго, въ минушу въ него влѣбляется, усуремляетъ къ нему взоръ свой и сердце, спократно усугубляетъ ему свои ласки, плѣняетъ его душу и содержитъ вѣчно въ любовныхъ узахъ. Но непокорныхъ и презирающихъ ее съ яростію и однимъ словомъ превращаетъ въ камни, или въ животныхъ, а иныхъ и совсѣмъ умерщвляетъ. Сіе меня страшитъ, любезный Луцій, и я тебѣ совѣтую остерегаться, ибо она и безъ того весьма влюблива, но ты красотю и младостію своею еще больше очамъ ея понравилъся. Съ такимъ безпокойствіемъ говорила миѣ Биррена.

Но я услышавъ о имени волтебства уже давно миѣ желаеюмъ, не только не опасался хитросней Памфилиныхъ, но еще радовался и самовольно желать, хотябъ то было и за великую цѣну, посвятить себя познанію сего искусства, и стремительно повергнуться въ такую бездну. И такъ поспѣшая и ни о чемъ не думая освободилъ я руку свою, какъ бы отъ шпигосныхъ узъ, отъ руки Биррениной,

и

и немедленно съ нею простившись по-
дешѣлъ къ Милонову дому, и въ бе-
зумствѣ усугубляя свои шаги говорилъ
я самъ себѣ: мужайся Луцій, бодр-
ствуй и не бойся, ты имѣешь желае-
мой случай на всегда удовольствовашь
свое любопытство баснями и удиви-
тельными вещами. Оставь страхъ оп-
рокамъ; вступи въ сіе дѣло съ му-
жественнымъ духомъ; берегись только
сообщенія съ женою своего хозяина, и
брачное добродушнаго Милона ложе по-
чишай свято; однако спарайся, какъ
можно плѣнишь сердце служанки ихъ
Фотисы, она лицомъ прекрасна, ве-
селаго нраву, и въ обхожденіи забавна.
Ты помнишь, сколь учтиво провожала
она тебя въ спальню, съ какою нѣж-
ностію положила на постелю и покрыла
одѣяломъ, а приномъ съ горячістію
подблывавъ тебя, лицомъ своимъ и
видомъ доказала, сколь не охотно ей
было растаться съ тобою; наконецъ
часто обращалась назадъ и съ жало-
стію на тебя смотрѣла. И такъ да
благоволяшъ боги! что ни будетъ, но
должно попытатъ счастья въ уловле-
ніи Фотисы.

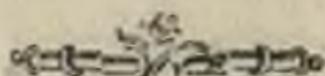

Разсуждая такимъ образомъ самъ съ собою пришелъ я въ домъ Милонъвъ въ намѣреніи непременно исполнить свое предпріятіе, и кромѣ одной любезной моей Фописы не засталъ въ немъ никого. Она готовила для господъ своихъ похлѣбку мясную, которая пріятной запахъ коснулся моего обонянія. Фописа будучи въ одеждѣ сшитой изъ самаго тонкаго полотна, опоясана подъ самыя груди розовымъ поясомъ, вертѣла вокругъ нѣжными и бѣлыми своими руками кострульку, чрезъ сіе пріятное движеніе развѣвалась ея одежда и обнажались прелести ея тѣла.

Смотря на сіе оцпенѣлъ я и сталъ неподвиженъ. Любезная Фописа, сказалъ я ей, сколь искусно и пріятно обращаешь ты и члены свои и кострульку! и сколь сладостную готовишь пищу! счастливъ помъ и спократно счастливъ, кому дозволишь ея хотя немного отвѣдать. Она, будучи веселаго и шушливаго нраву оборотившись ко мнѣ, ошойди, сказала, бѣднякъ, ошойди подалѣе отъ огня моего: ибо есмьли одна только искра излещишь

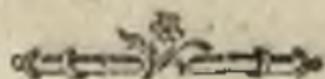
вѣстишь въ грудь твою, то воспламенитъ она самую глубину твоего сердца и никто oprичь меня сего пламени упушитъ не можетъ; ибо я и кушанье готовить, и постелю перестилать и согрѣвать умѣю съ равнымъ искусствомъ. Сіе говоря посмолрѣла на меня улыбаясь; но я не отступая съ мѣста разсматривалъ съ прилѣжаніемъ сложение и всѣ пріятности ея тѣла. Но могу ли что нибудь сказать о прочихъ ея прелестяхъ, когда всегдашнее и единственное стараніе мое было, чтобъ при людяхъ смолрѣть только на ея голову и прекрасные волосы, а послѣ на единѣ размышлять о нихъ и восхищаться? Такого моего поступка я извѣстную имѣю причину: ибо сія превосходнѣйшая часть тѣла отъ природы возвышена и открыта будучи прежде всего представляется нашимъ очамъ, и сколько другіе члены заемлютъ красоты отъ платья самыми лучшими разпещренного цвѣтами, столько голова природною и собственною прелестна красотою. Многія изъ прекраснаго поля, чтобъ дать справедливѣйшее понятіе о своихъ прелестяхъ, обнажаютъ свои руки и груди, и желаютъ всю

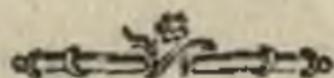
свою красоту представишь въ наготѣ; надѣясь румянцемъ своего тѣла съ бѣлизною смѣшаннымъ привлечь болѣе сердце, нежели блескомъ златотканной одежды. Однако (о чемъ не должно миѣ говорить, и чему спашься никогда не желаю) естли у самой прекрасной женщины волосы на головѣ обрѣшь, и опымешь природную сію красоту; то, хотя бы она была небожисьельница, или Богиня рожденная въ морѣ и воспитанная въ волнахъ, хотя бы, говорю была сама Венера, соупствуета граціями и купидонами, украшена притомъ волшебнымъ своимъ поясомъ, (в) дышущая некторомъ и бальсамомъ, не могла бы однако при такой головы своей наготѣ понравиться и самому Вулкану.

Напрошивъ того, что прелестнѣе волосовъ, когда они пріятнымъ своимъ

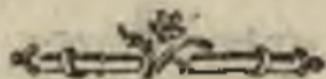
(в) Гомеръ въ 14 кн. Илиады, описываетъ Венеру препоясанную поясомъ различныхъ цвѣтовъ, в которой имѣлъ такую силу, что канаябъ женщина его ни носила, всѣ въ нее влюблялись. И потому Юноша выпросила у Венеры на нѣсколько времени сей поясъ, дабы привлечь къ любви Юпитера.

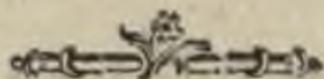
имъ цвѣтомъ и живымъ блескомъ сияютъ, или будучи противу лучей солнечныхъ подобно молнии взоръ нашъ ослѣпляютъ, представляя по минутно новыя прелести? иногда подобаясь они блескомъ золоту, отражаютъ шѣнь нѣсколько смуглую, иногда сходствуя черношою со врановымъ перьемъ являютъ видъ сизою голубиной шейки; или, будучи окроплены Аравитскими ароматами, расчесаны гребнемъ здѣланнымъ изъ слоновой кости и заплетены искусно назади, подобятся чистому зеркалу, въ которомъ любовникъ съ пріятностію лице свое видитъ. Сколь увеселительно видѣть, когда густые волосы будучи подняты и зачесаны вверхъ умножаютъ высоту женской головы, или какъ волны колеблются и развѣваются по плечамъ? наконецъ волосы столько придають достоинства женщинамъ, что хотябъ она одѣта была въ одежду златомъ разпещренную и украшенную алмазами, однако все сіе не можетъ послужить ей въ пользу, естли волосы ея не будутъ убраны искусно. Что касается до моей любезной Фотисы, она непорядочнымъ и простымъ своимъ волосъ у-

бранствомъ казалась прелестнѣе: ибо ея прекрасные волосы, которые были густы и долги опускаясь съ ея шеи расшилались по плечамъ, а при томъ будучи вдоль перевязаны лентою, и при концѣ нѣсколько завиты, подняты были на верхъ ея головы, и завязаны узломъ. Я не могши болѣе прощившись мучительному терзанію моей страсти, подкочилъ къ Фотисѣ, и съ восторгомъ поцѣловалъ шѣмя ея головы и тотъ узелъ, которой меня столько прельстилъ собою. Она оборотившись и смотря на меня косо, слушай, сказала мнѣ, юный ученикъ, сей поцѣлуй сколь сладокъ, столь напрощивъ того и горекъ для тебя. Берегись, чтобъ тебѣ съ чрезмѣрною меда пріятностію не испить вѣчную желчи горестъ. Что это значитъ, отвѣчалъ я, любезная Фотиса? знай, я за одинъ животворный твой поцѣлуй готовъ броситься въ сей огонь, говоря сіе, обнялъ ее, и лобызалъ стократно. Она соотвѣствуя моей страсти, также меня цѣловала; изъ отверстыхъ ея устъ исходилъ нектарный запахъ, языкъ ея съ моимъ встрѣчался языкомъ, и умножилъ пламень нашей горяч-

рѣчности. Умру, или лучше сказать, уже совсѣмъ я погнибъ, любезная Фотиса, говорилъ я ей, когда ты не сжалишься надо мною. Она еще меня цѣлуетъ, будь благонадеженъ, говоришь миѣ, и не опчавайся: ибо и я не меньшею къ тебѣ пылаю любовью. Наши утѣхи не будутъ опсрочены, я приду къ тебѣ въ спальню, какъ только зажгутъ свѣчи. И такъ теперь поди, и будь готовъ. Такими, и подобными тому позабавясь шулками, наконецъ мы распались. Около полудни прислала миѣ Биррена въ подарокъ жирнова поросенка, пять курицъ и боченокъ стараго и вкуснаго вина. Я позвавши къ себѣ Фотису говорю: вотъ Бахусъ оруженосецъ Венерины, самъ пришелъ насъ увѣщевать къ любовной брани. Выпьемъ сего дня это вино до капли, оно уничтожитъ въ насъ глупой стыдъ, и влечетъ вѣщшее стремленіе къ забавамъ: ибо для способнаго плаванія ладіи Венериной во время ночи потребна только зажженная свѣча и чаша исполненная виномъ. Остатокъ дня употребилъ я для бани, и для ужина: ибо добродушный Милонъ пригласилъ меня къ своему столу, копо-

рой былъ очень умѣренъ; во время кушанья памятуя Бирренины совѣты, какъ можно остерегался я, чтобъ не смотрѣть на жену Милонову, и если ли ненарочно случилось мнѣ на нее взглянуть, то казалась она мнѣ спрашнымъ адомъ. Напротивъ того съ восторгомъ и не спуская глазъ смотрѣлъ я на любезную Фопису, которая намъ при столѣ служила.

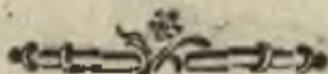
По наступленіи вечера Памфила смотря на зажженую свѣчу сказала, что весьма великой дождь будетъ завтра. И какъ мужъ спросилъ ее, по чему бы она могла то знать, отвѣтствовала, что свѣча о томъ ей предсказываетъ. Милонъ на такой отвѣтъ нѣзъ всей мочи смѣлся, сколь славную, сказалъ, имѣемъ мы Сивиллу въ свѣчѣ сей, которая съ высоты своего подсвѣшника о небесныхъ перемѣнахъ пророчествуетъ и устремляетъ взоръ свой на солнце. Я подхватя Милонову рѣчь, сказалъ, удивляясь нечему: ибо это первый опытъ науки прорицательной. Хотя огонь сей невеликъ и возжженъ руками человеческими, однако имѣетъ отношеніе къ небесному и великому огню,

огню, отъ котораго онъ пріѣлъ начало, и потому, соотвѣтствуетъ ему въ перемѣнахъ, знаелъ, что происходитъ на высотѣ небесъ, и намъ о томъ предсказываетъ. Недавно пришелъ въ Коринѣ нѣкто изъ Халдеевъ, (г) и теперь весь городъ приводитъ въ движеніе удивительными отвѣтами, онъ за малую цѣну открываетъ народу тайнства судебъ, онъ назначаетъ, которой день счастливъ для бракосочетанія, способенъ для заложенія стѣнъ, чтобъ они были долговременны, благополученъ для торговли, для путешествія, и для мореплаванія. Я самъ спрашивая у него о успѣхѣ сего моего странствованія, получилъ отвѣты многіе и чудныя: ибо говорилъ онъ мнѣ, что буду я весьма знаменитъ и славенъ; и что издамъ на свѣтъ удивительную исторію съ невѣроятными приключеніями и что наконецъ сочиню многія книги.

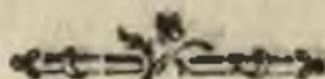
Милонъ слушая мои слова и смѣясь, спросилъ, какого росту сей Халдеанецъ,
Г 5 нинъ,

(г) Халдеане больше всѣхъ упражнялись въ звѣздочисствѣ, въ толкованіи сновъ, и въ прочихъ тому подобныхъ суевѣріяхъ.

нинъ, и какъ онъ по имени? рѣшомъ высокъ, отвѣтствовалъ я, лицомъ смугловатъ, и называется Діофаномъ: такъ точно онъ, перехватилъ Милонъ рѣчь мою, онъ безъ сомнѣнія. Ибо и здѣсь сей Діофанъ многимъ различные о разныхъ вещахъ давалъ отвѣты; но собравъ довольно число денегъ впалъ онъ бѣдникъ въ несчастіе; ибо въ одинъ день, когда онъ окруженъ будучи великимъ множествомъ народа, предсказывалъ предстоящимъ ихъ судьбу; подошелъ къ нему нѣкоторой купецъ именемъ Цедронъ желая узнать, какой день благополученъ для его путешествія. Діофанъ немедленно ему сей день назначилъ, купецъ вынявши кошелекъ, и высыпавъ деньги отсчиталъ сто денарій за его предсказаніе; какъ вдругъ молодой и благородной человекъ, схватилъ Діофана съзади за одежду, и оборотивъ къ себѣ цѣловалъ съ нѣжностію.

Діофанъ поздравивши его и посадя близъ себя казался въ великомъ изумленіи отъ такого нечаяннаго свиданія и забывши о деньгахъ, которые
дол-

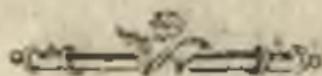

долженъ былъ взять отъ купца, говорилъ сему юнощѣ: Давно ли ты сюда пришелъ, ты, котораго столь долго я не видалъ? вчера подъ вечеръ, опъвѣчалъ ему молодой человекъ, но ты любезный другъ, скажи мнѣ, прошу покорно; какимъ образомъ въ столь крашкое время прибылъ ты сюда изъ острова Эвбеи, и каково было швое спранствование по морю и по суху. На сіе храбрый нашъ Халдеянинъ, еще будучи безъ памяти и внѣ себя, опъвѣщивовалъ, пусть недоброжелатели всѣ враги наши столь пагубное или лучше сказать, подобное Улиссову испытаніе мореплаваніе: ибо корабль, на которомъ мы плыли, волнуемъ будучи страшнымъ вихремъ и бурями, лишился обоихъ кормчихъ, и приразясь ко берегу погрязъ на дно моря, мы все потерявши едва вплавъ могли отъ волиъ избавившися. Впрочемъ все, что приобрѣли мы отъ сожалительныхъ незнакомцовъ и отъ благосклонныхъ пріятелей, ограбили у насъ разбойники, которыхъ насильству сопротивляясь мой братъ называвшійся Ариваномъ, былъ отъ нихъ бѣдственно при моихъ очахъ заколотъ.

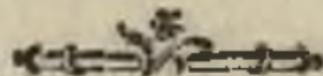
Когда онъ разсказывалъ сіе приключеніе съ видомъ печальнымъ; то Цедронъ подхватя обратно деньги, которые онъ отсчиталъ Діофану за предсказаніе, пустился въ бѣгъ и пропалъ изъ виду. Тогда Діофанъ какъ бы отъ глубокаго сна воспріянувши узналъ свое безуміе и свою потерю и тѣмъ больше досадовалъ на сіе несчастіе, что всѣ, сколько насъ вокругъ его ни стояло, смѣялись надъ нимъ изъ всей мочи. Но какъ бы то ни было любезный Люцій, я искренно желаю, чтобъ ты былъ одинъ, которому Халдеянинъ предсказалъ истинну; желаю, чтобъ по его пророчеству былъ ты счастливъ, и странствовалъ благополучно. Среди сего долговременнаго разговора Милонова я внутренно стоналъ и досадовалъ на себя, что подавши случай къ симъ столь скучнымъ разсказамъ лишаюсь часовъ вечернихъ, и сладчайшаго въ оныхъ удовольствія, наконецъ опложа весь стыдъ сказалъ я Милону: пусть сей Діофанъ будетъ жертвой судьбы своей злощастной, и пусть со всѣмъ имѣніемъ, которое онъ собралъ съ народа подвергнется опасностямъ на морѣ и на земли;

что

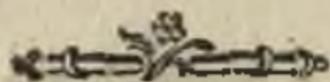

что касается до меня, я еще чувствую слабость отъ вчерашняго пунья, и потому покорно прошу опустить меня и дозволить мнѣ успокоиться по ранѣ. Сказавъ сіе, я всталъ и удалился въ свою спальню, и тамъ нашелъ изрядное разположеніе для ужина и для забавъ. Ибо благоразумная Фописса домовыхъ служителей кровати удалила отъ дверей моей спальни, съ тѣмъ думаю намѣреніемъ, чтобъ они не могли слышать нашихъ ночныхъ разговоровъ и шутокъ; но близъ моей кровати поставила маленькой столикъ, на которомъ готовы были всѣ наилучшіе остатки Милонова ужина, при томъ стояли двѣ рюмки наполненныя до половины водою, чтобъ умѣришь крѣпость вина; сверхъ того бутылка у которой горло было широкое, дабы способнѣе наливать изъ ней вино, которое должно было предшествовать нашимъ утѣхамъ.

Едва я только легъ, то Фописса, положивъ уже спать свою госпожу, и немедленно вшедши въ мою спальню; изъ прекрасной своей пазухи бросаетъ на меня розы; цѣлуетъ меня съ прижимкою,

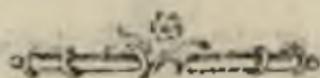

жимкою , и шутя связываетъ меня
цѣпью изъ цѣпковъ здѣланною , ко-
шорыхъ множество и на послелю мою
разбросала ; пошомъ наливаетъ рюмку
вина и прибавивъ немного теплой во-
ды , съ пріятностію мнѣ подноситъ ;
но прежде нежели я все выпилъ , она
беретъ отъ меня съ усмѣшкою , при-
носитъ къ устамъ , и устремивши на
меня страшный взоръ выпиваетъ о-
статки по маленьку : по семъ рюмкѣ
еще нѣсколько разъ переходила изъ
рукъ въ руки . Я разгорячившись ви-
номъ , и не душою только но и самымъ
тѣломъ будучи бодръ и склоненъ къ
венерическимъ ушѣхамъ , сжался ,
говорю ей и помоги мнѣ заблаговременно ;
ибо я приближеніемъ войны , которую
ты не предпославъ провозвѣстника мнѣ
объявила свирѣпо какъ сама видишь ,
смущаюсь , и уже первая лютаго Ку-
пидона стрѣла вонзилась въ самую
внутренность моего сердца , впрочемъ
и самъ имѣя лукъ свой напряженъ ,
боюсь чтобъ теплва моя отъ сильной
мапуги не прервадася : но чтобъ по-
казашь , сколь ты меня любишь и
сколь мнѣ послушна , то развяжи
свои волосы , и пусть они свободно
развѣ-

развѣвающа по прелестямъ твоихъ
раменъ.

Немедленно все кушанье и сосуды
унесла она со стола. Потѣмъ развя-
завъ волосы, и слявъ съ себя все
плащье предспала предъ меня для лю-
бовныхъ утѣхъ, какъ Венера изъ
воли морскихъ исходящая, она ру-
мяною рукою на обнаженные и без-
волосые свои члены казалось больше тѣнь
наводила нежели покрывала ихъ отъ
стыда; сражайся, говорила она мнѣ,
но сражайся храбро; ибо я себѣ не
уступлю мѣста и не обращуся въ тылъ;
воюй лицомъ къ лицу, естли ты му-
жественъ; прошивоборствуй, и закадай
меня, ожидая самъ себѣ смерти; на-
стоящая война не терпитъ медленія.
Сие проговора вскочила ко мнѣ на кро-
вать, и сладостными Венеры насыщала
меня до полѣ, пока оба мы, душою
и тѣлесными изнемогши членами, уто-
мились изливая духъ свой другъ ко
другу въ объятія. Въ такихъ и по-
добныхъ шому сраженіяхъ препро-
водили мы всю ночь до разсвѣта; ободря
и воспламеня припомъ рюмками,
изнеможеніе своихъ членовъ. Подобно
сей

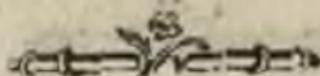
сей ночи препроводили мы еще нѣсколько ночей. Въ одинъ день Биррена проситъ меня убѣдительно, чтобъ пришелъ къ ней на ужинъ. Я отрицаюсь съ упорностію, однако усилія мои тщетны, должно было на прозбу ея согласиться, для сего пошелъ я къ Фотисѣ, чтобъ изъ ея очей и отъ ея воли принять совѣтъ, какъ бы счастливое презнаменованіе. Она, хотя съ жалостію и принужденіемъ, ибо ей хотѣлось чтобъ я и на шагъ отъ нея не отлучался, однако согласилась на сіе короткое въ любовной войнѣ перемиріе. Но послушай говорила она мнѣ, спарайся послѣ ужина возвратишься немедленно: ибо мятежъ буйственный состоящій изъ молодыхъ и благородныхъ людей опустошаетъ сей городъ, ты увидишь по всѣмъ улицамъ мертвые трупы. Войско правителя сей провинціи стоитъ далеко, и потому не можетъ усмирить мятежъ и освободить городъ отъ рукъ убійственныхъ, при томъ зная, что ты иностранецъ и знаменитой породы, не преминуть коварнѣйшіе къ уловленію тебя поставитъ сѣти. Не безпокойся любезная Фотиса, отвѣщающую ей

богатствомъ своего платья и прелестными своихъ волосовъ привлекая на себя взоры предсѣдющихъ, подносили старое и вкусное вино въ драгоценныхъ сосудахъ. Словомъ, чего не можно вообразить, все тамъ находилось. Но когда зажгли свѣчи, то пьянственная бесѣда возгремѣла, всѣ начали по волѣ хохотать, шутить и насмѣхаться. Биррена обратившись ко мнѣ, говорила: Любезный Луцій счастливо ли ты живешь въ нашемъ отечествѣ? Мнѣ кажется, что сей городъ красою храмовъ, великолѣпиемъ бань и другихъ зданій превосходитъ несравненно прочіе города; при томъ все довольство, и всѣ выгоды для пріятной жизни въ немъ находятся, иностранные купцы живутъ въ немъ въ спокойной вольности, находя его столько же многлюднымъ, какъ и самой Римъ. Пріѣзжай человѣкъ и любящій спокойство находятъ въ немъ тишину сельскую. Словомъ, изъ всей провинціи городъ нашъ починается самымъ пріятнымъ убѣжищемъ. Справедливо говоришь, государыня моя, отвѣтствовалъ я Бирренѣ, и я признаюсь, что нигдѣ такъ безопасно и вольно жить мнѣ

ниѢ не случалось, какѢ въ семѢ городѢ; но я шрепещу, когда вспомню о пагубныхѢ и мензбѢжимыхѢ сѣтяхѢ волшебнаго здѣсь искусства: ибо сказывающѢ, что здѣсь и мершвые во гробахѢ своихѢ не безѢ опасности; но ошпатки срубовѢ и сожженныхѢ шѢлѢ собирающся волшебницами шщательно для пагубы и бѣдствѢя живыхѢ, и что наконецѢ проклятыя сѣи старухи, во время погребашельнаго обряда прежде всѢхѢ приходятѢ на мѣсто, гдѢ должно сожигашь умершаго. Сѣю мою рѣчь одинѢ изѢ гостей подтвердилѢ говоря: по истинниѢ, здѣсь не только мершвымѢ но и живымѢ нишѢ пощады отѢ волшебницѢ; и я знаю одного изѢ предсѣдящихѢ, которому онѢ все лице свирѣпымѢ образомѢ изуродовали и обрѣзали. Сѣе слыша вдругѢ всѢ гости изѢ всей мочи засмѣялись, и обратили взорѢ свой на одного челошѢка, которой сидѢлѢ въ углу. ОнѢ постыжденѢ будучи всѢми, всталѢ и хотѢлѢ удалиться, браня сквозь зубы все собраніе; но Биррена ошановя его, постшой, любезный ТелефронѢ, говорила ему, постшой, и соотшвѣтствуя учшшвому и веселому своему нраву расскажи

намъ еще случившееся тебѣ приключе-
 ние, чтобъ любезный мой Люцій на-
 владился пріятностію твоего повѣство-
 ванія. Что касается до тебя, госу-
 дарыня моя, отвѣтствовалъ Телефронъ,
 ты всегда снисхожденія и честности
 хранишь уставы, но есть люди въ сей
 бесѣдѣ, которыхъ дерзость и насмѣш-
 ки мнѣ несносны. Сіе онъ прогово-
 рилъ съ чрезвычайнымъ движеніемъ
 духа. Однако усиленною Биррены прозь-
 бою, которая клялась ему своею честію,
 будучи убѣжденъ согласился. И такъ
 подобравъ онъ около себя коверъ, на
 кошоромъ сидѣлъ, притомъ нѣсколько
 приподнявшись, и опершись на локоть,
 простеръ правую руку, и по примѣру
 ораторовъ поступаая, два послѣдніе
 персты пригнулъ къ ладони, другіе
 два имѣлъ на свободѣ, но первой па-
 лець держа прямо, и учливо усмѣ-
 хаясь началъ такимъ образомъ: Буду-
 чи сиротою, отправился я изъ Милета,
 чтобъ видѣть Олимпійскія игры; имѣя
 притомъ намѣреніе осмотрѣть всѣ мѣ-
 ста сея толико славныя вашей провин-
 ціи: и такъ прошедъ я всю Фессалію
 къ несчастію моему вступилъ въ го-
 родъ Лариссу. Ходя по всѣмъ ули-
 цамъ

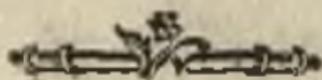
цамъ и не имѣя ни куска хлѣба спарался я въ бѣдности моей снискавъ вспоможеніе; но вдругъ увидѣлъ я по среди площади спарика высокаго; онъ стоялъ на камнѣ, и кричалъ громкимъ голосомъ къ народу: еспьяи кто хочеть сперечь мертваго, шомъ пусть поргуется со мною о цѣнѣ. Я спросилъ одного изъ проходящихъ; чтоби сіе значило? Уже ли и мертвецы въ спраяѣ вашей уходятъ? Молчи, спвѣшествовалъ онъ мнѣ, ибо ты еще очень молодъ, и человекъ чужестранной, припомъ не думаешь, что ты среди Фессалии находишься, гдѣ волшебницы обыкновенно обезображаютъ лице мертвыхъ и уносятъ нѣкоторыя части шѣла для своихъ чародѣяній: но я на прошивъ, скажи мнѣ, говорю ему, какъ должно поступать, охраняя мертвыхъ? Впервыхъ, сказалъ онъ мнѣ, должно бодрствовать всю ночь, не смыкая глазъ, но устремить ихъ прямо на лежащій шрупъ, и не въ которую сторону не оглядываться ни на одну минушу; ибо въ прошивномъ случаѣ хищрыя и проклящыя сіи старухи превратившись въ какое нибудь животное столь искусно и проворно

ворно подкрадываются, что и солнцевыи очи, или очи правосудія (д) не могли бы ихъ усмотрѣть. Они тогда принимающъ на себя видъ собакъ, мышей, птицъ и также мухъ, и потѣмъ силою волшебства погружаютъ въ глубокой сонъ того, кто охраняетъ тѣло. Кратко скажу, не можно изчислить и описать всѣхъ коварныхъ хитрослестей употребляемыхъ волшебниками для своей похоти. Впрочемъ за сіе охраненіе, за сію столь опасную должность, не больше какъ пять или шесть золотыхъ дается; но послушай, я чуть было не позабылъ тебѣ сказать; еслии которой стражъ возвратитъ поутру мертвеца не въ совершенной цѣлости, у того насильно обрѣжутъ тѣ части лица, которыхъ не будетъ доставать у мертваго.

Узнавъ

(д) По свидѣтельствѣ Авла Геллія, правосудіе изображалось съ быстрыми и пронизательными глазами; сіе значило, что судии должны всякое дѣло разсматривать и разсуждать со вниманіемъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ, а потѣмъ уже его рѣшить. Но нынѣ изображаютъ его съ закрытыми очами, означая, что въ судѣ не должно имѣть лицепріятія.

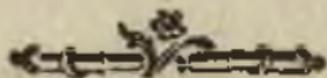

Узнавъ все обстоятельно, старался я ободриться, и немедленно подошедши къ старнику, перестань, сказалъ ему, кричать: ты имѣешь спража въ готовности; сколько миѣ дадутъ награды? Шестъ золотыхъ отвѣчалъ онъ, но слушай юноша, примолвилъ къ тому, съ неусыпною бодростію храни пѣло сына такого человѣка, которой первымъ почитается во всемъ городѣ; храни его отъ проклятыхъ Гарпій. Пустошь говоришь, и все это бездѣлица, отвѣчалъ я ему, ты видишь, что я человѣкъ неупомимой, неусыпной, весь въ очахъ, и взоръ мой быстрѣе, нежели Аргусовъ, Едва я пересталъ говорить, старикъ повелъ меня въ одинъ домъ, у котораго большія ворота были закрыты: мы вошли на дворъ чрезъ маленькія заднія дверцы, потомъ ввелъ онъ меня въ шемной покой, гдѣ всѣ окна были зашворены; въ немъ увидѣлъ я плачущую женщину и одѣтую въ черное платье; старикъ подошедши къ ней и указывая на меня, говорилъ: вотъ человѣкъ, которой смѣло обѣщается охранять пѣло твоего мужа. Она разглаживая на обѣ стороны волосы свои повислые

при всей своей печали и смущеніи показала мнѣ пріятною и смотря на меня, прошу покорно, говорила мнѣ, какъ можно пщательнѣе исполни предпріятую тобою должность. Не безпокойся, отвѣтствую ей, только общай что нибудь сверхъ договорной цѣны, она согласилась, и ставши немедленно повела меня въ другой покой, гдѣ лежало тѣло ея мужа покрытое бѣлыми попоными, она его открывши и довольно слезами оросившись призываетъ во свидѣтельство семь особъ (е) для сего случая призванныхъ; она показываетъ, что тѣло имѣетъ всѣ части, что носъ неповрежденъ, глаза не испорчены, уши на своемъ мѣстѣ, губы цѣлы, и подбородокъ таковъ, каковъ былъ прежде; при семъ всѣ ея слова одинъ изъ свидѣтелей записывалъ на таблицѣ. Потомъ обратившись, вы, говорила она, добрые граждане будьте сему свидѣтелями; сказавъ сіе и приложивъ печать къ таблицѣ она удаляется. Но я ей въ слѣдъ; прикажи говорю,

(е) Римскими законами опредѣлено было, чтобъ при всякомъ важномъ дѣлѣ, и зацѣнаніи присудствовало семь свидѣтелей.

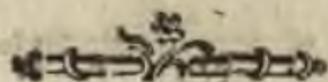
говорю, государыня моя, прислашь миѢ все нужное; что тебѢ надобно, отвѣспивуетъ она? большая, говорю, лампада съ масломѢ, чшобѢ достало ея на всю ночь, припомѢ нѢсколько бутыллокѢ вина, рюмка и блюдо съ оставшимся отѢ ужина кушаньемѢ; ахѢ какѢ ты упрямѢ и скученѢ, отвѣчала она миѢ потряся головою, ты пребуешь остатковѢ ужина вѢ домѢ исполненномѢ слезѢ и опчаянїя и вѢ кошоромѢ нѢсколько уже дней не видно ни дыму ни духу повареннаго; или думаешь, что введенѢ ты сюда для першества? не приличнѢе ли тебѢ плакать и сѢшовать сообразуясь нашему состоянїю? потомѢ кликнувѢ служанку, Миррена, говорила ей, подай немедленно ему лампаду съ масломѢ; сказавѢ сіе и заперши меня съ мертвымѢ пѢломѢ, удалилась.

И шакѢ оставшись безотраденѢ для опрады и сбереженїя мертвеца, прочищаю я себѢ глаза, и готовлю ихѢ кѢ неуспинному бдѢнїю, и чшобѢ не было миѢ скучно, началѢ прохаживаясь пѢшь. ВскорѢ день склонился кѢ вечеру, настала ночь, потѢмѢ глубо-

кое всей пвари безмолвіе ; наконецъ , когда глухая наступила полночь , вдругъ страхъ и ужасъ началъ обладать мною , и я увидѣлъ вбѣжавшаго звѣрка , подобнаго ласпочкѣ , копорой спавши прямо прошивъ меня , столь пристально устремилъ на меня прокидательные свои глаза , что дерзость сея столь подлая и маленькія пвари привела меня въ нѣкоторое смущеніе . Наконецъ , поди прочь мерзкая пварь , говорю ему , поди прочь , и скройся въ норы къ подобнымъ себѣ , доколѣ я тебя не ушибъ ? онъ побѣжалъ и сокрылся . Но семъ вдругъ столь сильной и глубокой обѣялъ мея сонъ , что и самъ Делфической богъ смотря на меня и на шрупъ лежащій не могъ бы различить , кто изъ насъ мертвой . Словомъ я столь крѣпко спалъ , что и для самого меня надобенъ былъ сторожъ , и какъ будтобъ меня тутъ не было .

Уже вездѣ ходящее нѣтлуховъ собраніе воспѣвало приближеніе дневнаго свѣта . Я проснувшись вскочилъ съ ужасомъ , взявъ лампаду побѣжалъ къ мертвому шѣлу , и открывши ему
лице

лице, осмопрѣлѣ всѣ части, однако нашелъ всѣ безъ вреда, и въ цѣлости. Немедленно прибѣгаетъ и бѣдная вдова со вчерашними свидѣтелями, и бросившись на мужнее тѣло лобызаетъ его стократно, потомъ при помощи свѣчи разсмаприваетъ все со вниманіемъ и обратившись призываетъ управителя своего дому, приказываетъ ему чтобъ опдалъ онъ мнѣ немедленно достойную плату за столь вѣрное и рачительное охраненіе. Потомъ говорила она мнѣ, добрый молодецъ, я приношу тебѣ тысящу благодарностей, и за сію твою столь ревностную услугу будешь ты, впредь считаться нашимъ другомъ. Но я, обрадовавшись, что получилъ нечаянную прибыль, и восхищаясь золотыми деньгами, которые безпрестанно перебиралъ въ своихъ рукахъ, государыня моя, отвѣтствую ей, почитайте меня больше вашимъ слугою, нежели другомъ, и будьте увѣрены, что я и впредь служить вамъ въ такихъ случаяхъ не отречуся. Не послѣлѣ я окончатъ сію безразсудную рѣчь, какъ вдругъ всѣ домашніе служители проклиная

мое

мое безумное желаніе, (ж) и злое пророчество, усстремились на меня съ яростію, ухвативъ попавшіяся въ руки орудія. Одинъ бьетъ меня по лицу кулаками, другой суетъ подъ бока, третій даетъ толчки по запылку, иной провожаетъ пинками, всѣ рвутъ мои волосы и раздираютъ платье, и такъ, подобно гордому юношѣ Адонису или сладкопоющему Орфею будучи разбитъ, и растерзанъ почти бездушенъ извергаюсь я вонъ изъ дому.

Остановившись на ближней улицѣ для собранія силъ и духа, и опомнившись, раскаиваясь я хопя поздно, въ шоль безразсудномъ и прошивномъ разговорѣ, которой я имѣлъ со вдовою умершаго; и я признавалъ себя достойныхъ еще стократъ лютейшихъ ударовъ.

Ужѣ мершвый, будучи въ послѣдній разъ оплаканъ, несемъ былъ къ
по-

(ж) Сіе безумное желаніе и злое пророчество соспояло въ томъ, что Телефронъ обѣщаясь впредь служить вдовѣ сей въ подобныхъ случаяхъ желалъ по видимому, чтобъ еще кто нибудь умеръ въ ея домѣ.

погребенію по обычаю сея страны, и какъ онъ происходилъ отъ знаменитаго поколѣнія; то несли его чрезъ пространное шоржище; по одну сторону гроба шелъ плачущій и рвущій на себѣ волосы старикъ, которой ухватясь обѣими руками за гробъ, кричалъ громкимъ, но спенаніями прерываемымъ голосомъ: я заклинаю васъ, почтенные господѣ, законами любви и сожалѣнія, которымъ мы другъ другу обязаны, смягчитесь надъ погубленнымъ несправедливо согражданиномъ вашимъ, ошмстите беззаконное убійство, явите строгость наказанія на проклятой сей и нечестивой женщинѣ; ибо она единственно бѣднаго сего юношу, сына моей сестры уморила ядомъ, дабы вступить въ наслѣдство его имѣнія и угодить своему любовнику. Такимъ образомъ рыдающій старикъ произносилъ свои жалобы; народъ почтя убійство сіе вѣроятнымъ, началъ свирѣпствовать, иные хотѣвъ сожечь, другіе побить камнемъ сію женщину; самые отроки прошевъ нѣе вооружились. Но сія вѣроломная проливая источки притворныхъ слезъ и всѣми свидѣтельствующая богами клялася, что
она

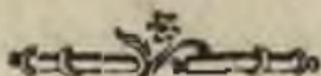
она невинна въ семъ преступленіи. Очень изрядно, ошвѣстствуетъ старикъ, для открытія сея истинны, прибѣгнемъ къ божескому провидѣнію: здѣсь находится славный Египетскій пророкъ, по имени Захласъ, которой уже давно за немалую цѣну обѣщался мнѣ вызвать изъ ада умершаго душу и шѣло его оживить на нѣскольکو времени. Проговоря сіе, выводитъ онъ на средину одного юношу одѣшаго въ пологіяное плашье, и въ сапогахъ сдѣланныхъ изъ пазьмовыхъ листьевъ, и у котораго голова была совсѣмъ обрита. Старикъ цѣлуя руки его и обнимая коляна; сжался, говоритъ ему, сжался почтенный омецъ, я заклинаю тебя, свѣтилаи небесъ, богами ада, спихіями естества, безмолвіемъ ночи, свящилищемъ храма Коптосъ, наводненіемъ Нила, Мемфійскими пайнами, и Систрами (з) Фароса, заклинаю, возврати жизнь сему юношѣ на нѣскольکو минутъ, и пролей свѣтъ на его глаза уже на вѣки заключенные; мы не просимъ

(з) Сисстры были музикійскія орудія, на которыхъ играли въ праздникъ Изисы Египетской богини.

чимъ оживить умершаго, не пропивимся законамъ естества, и не отрицаемся опдать землѣ, что ей принадлежишь; но чщобъ узнать истинну и утѣшиться мщеніемъ его смерти.

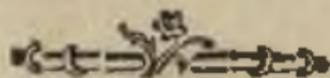
Пророкъ приведенный въ жалость сей прозьбою, прилагалъ прикратно къ устамъ умершаго нѣкоторую праву, а другую положилъ на его грудь. Потѣмъ обращая къ востоку читалъ тихо молитву священному солнцу. Весь народъ съ неописаннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сіе зрѣлище только достойное благоговѣнія, и ожидалъ важнаго чуда. Я присоединился къ толпѣ народа, и ставъ позади гроба на высокой камень разсматривалъ все съ чрезвычайнымъ любопытствомъ. Уже грудь умершаго начала надуваться, шрепетаніе жизненной жилы возчувствовалось, и все тѣло оживотворилось духомъ; наконецъ онъ встаетъ и произноситъ сіи слова: „Для чего, прошу васъ, возвращаете миѣ жизнь которая должна окончиться въ минушу, когда уже я пилъ воду изъ рѣки Леты, и омылся въспруяхъ Спикса, оставыте, заклинаю, васъ, оставыте меня въ тишинѣ и покоѣ,, Такой голосъ былъ

былъ слышанъ отъ тѣла. Но пророкъ
 здѣлавшись отважибе, говоритъ ему :
 для чего не открываешь ты всему на-
 роду смерти-своея тайны, и не изъ-
 яснишь ему всѣхъ ея подробностей?
 или думаешь ты что я не могу силою
 волшебныхъ заклинаній вызвать изъ
 ада страшныхъ Фурій и мучить тебя
 снова? „ Тогда мершвой сидя во гробѣ
 со слезами произноситъ къ народу сіи
 слова: „ я погубленъ проклятымъ ко-
 варствомъ новей моей жены: я испивши
 адъ, отъ ея рукъ по незнанію при-
 нятой оставилъ теплѣе ложе ея любов-
 нику „ Тогда храбрая вдова вооружает-
 ся продерзосцію; и съ упорствомъ го-
 шовымъ на всякое злодѣйство пропи-
 вится мужнинымъ доказательствомъ.
 Народъ мятежся и раздѣляется на двѣ
 стороны; одни хотятъ, чтобъ сію
 злодѣйку погребсти живую вмѣстѣ съ
 своимъ мужемъ; другіе говорятъ,
 что не должно вѣрншь словамъ мер-
 тваго. Но тѣло умершаго юноши рѣ-
 шило ихъ несогласіе и споръ; ибо воз-
 дохнувъ изъ глубины сердца говорило
 къ народу „ я покажу вамъ для сея
 истинны свидѣтельство яснѣе полуден-
 наго свѣта, и открою вамъ шо, чего
 ни

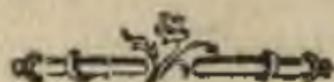
никто не зналъ, кромѣ меня, По семъ указывая на меня перстомъ продолжалъ, „ ибо, когда сей юноша, бодрый стражъ моего шѣла, со всевозможною осторожностію охранялъ меня во время ночи; но престарѣлая волшебницы стараясь похищить какую нибудь часть отъ моего лица щещно премѣнялись въ различные виды, и наконецъ не могли преодолѣвъ шоль неусыпнаго стража окружили его шумнымъ облакомъ, и повергши въ глубокий сонъ, кликали меня по имени спаль долго, что слабые и хладные мои члены начали наконецъ мало по малу чувствовать силу волшебной ихъ науки. Но стражъ мой какъ живой еще, а мертвой шолько въ разсужденіи глубокаго сна пробудился, и думая что это его кличущъ, ибо онъ одного со мною имени; пошелъ ко дверямъ подобая шѣни мертвеца. Двери были на крѣпко заперты, однако волшебницы сквозь одну скважину не преминули отрѣзать ему носъ и уши; и такъ онъ своимъ несчастіемъ сохранилъ мѣшю и другое. Наконецъ, чтобъ ошибокъ ихъ совсѣмъ исполниться, приклеили они уши сдѣланные изъ воску весьма искус-

но, и также приставили носъ изъ-
шой же маперіи соспавленной, и подоб-
ной во всемъ тому носу, которой
у него отрѣзали. И потому сей бѣдной
юноша получилъ деньги не за бодр-
ственное моего тѣла храненіе, но за то,
что его такъ свирѣцо изуродовали.

Успрашенный сими словами и хотя
узнашь истинна ли то; припрогиваюсь
я къ носу, онъ упадетъ мнѣ въ ру-
ку; щупаю уши, они также оп-
падають. Тогда видя, что всѣ смотря
и указывая на меня перстами, хохо-
чуть, скрылся я въ толпу народа и
спасся отъ насмѣшекъ орошенъ весь хо-
лоднымъ пошомъ. Зная, сколько я
обезображенъ, и посмѣянїя достоинъ,
не захотѣлъ и не могъ я возвратиться
послѣ въ свое отечество: но распусти-
вши на ту и на другую сторону свои
волосы прикрылъ я ими свои виски,
дабы не узнали, что нѣтъ у меня
ушей; для безобразїя моего носа, пла-
токъ сей весьма искусно сложенный
пристойною служилъ замѣною.

Какъ только Телефронъ окончалъ
свое приключеніе: то гости разгоря-
чившіеся

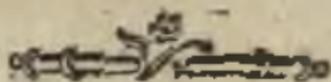

чившіеся виномъ начали опять хохотать изъ всей мочи, и когда требовали вина, чтобъ пить за здоровье другъ друга; Биррена обратившись ко мнѣ говорила, „ Въ завѣрѣнный день будешь у насъ торжественный праздникъ, которой древностию своею равенъ основанію сего города. Мы одни только изъ всѣхъ народовъ, которые забавами, веселостию и радостными обрядами умилоствивляемъ священное божество называемое Смѣжомъ. (и) Ты присутствіемъ своимъ торжество сіе сдѣлаешь для насъ еще пріятнѣйшимъ, и я весьма желаю, чтобъ ты нашелъ чтонибудь забавное и увеселительное, дабы тѣмъ больше почтись сіе божество. Очень изрядно, отвѣтствовала я, все исполнится по вашему желанію. Я охотно желаю изобрѣсть чтонибудь радостное и достойное торжества, и свойственное сему столь великому богу. Послѣ сего разговора слуга мой пришелъ меня увѣдомить, что уже весьма поздно. Я будучи нѣсколько пьянъ;

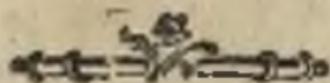
Е 2

кажъ

(и) Божество именуемое *Смѣжомъ* *lat Rigm* было почитаемо у Гипатейнѣ по свидѣтельству Павзанія и Плутарха.

какъ и прочіе, немедленно всталъ, и проспавшись съ Бирреною пошелъ въ Милоновъ домъ шатаясь. Но когда мы отъ Биррены вышли на первую улицу, нечаянно отъ вѣтру погасла у насъ свѣча служившая намъ для разсмотрѣнія дороги. Мы съ великою пружностію, разбивъ припомъ ноги свои о камень по причинѣ темноты, дошли до своей улицы. Приближаясь къ своему дому увидѣли мы прехъ челоувѣкъ съ собою здоровыхъ и дородныхъ. Они всѣми силами старались вломиться въ ворота нашего дому; и не только впрочемъ насъ не успрашились, но еще удвоили свои удары, желая съ нами сразиться: ибо не сомнѣвались они, чпобъ мы, и особливо я, не почли ихъ самыми отважными разбойниками. Немедленно обнажилъ я свой мечъ, которой обыкновенно носилъ для пажихъ прошивныхъ встрѣчь, и вдругъ устремившись въ средину разбойниковъ, каждаго изъ нихъ, въ какомъ они положеніи были, кололъ, пока всѣ они прое часпыми а припомъ сильными ударами повержены къ ногамъ моимъ духъ свой испустили. Фотиса проспавшись еиъ такого шуму при-

прибѣжала виѣ себя, и опперла мнѣ
ворота. Я задыхаясь и покрышѣ весь
потомѣ, вбѣжалѣ на дворѣ сѣ послѣш-
ностію, и будучи упомленѣ отѣ
сраженія сѣ тремя храбрыми разбой-
никами, подобно какѣ Геркулесѣ сѣ
Геріономѣ имѣющимѣ три тѣла, (і)
немедленно легѣ на постелю, и сна
пріяшностями успокоился.

(і) Геріонѣ, Государь трехѣ острововѣ,
Маіорки, Минорки и Ивики. И потому
стихотворцы говорятѣ, что онѣ имѣѣ
три тѣла. Онѣ былѣ побѣжденѣ Гер-
кулесомѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ

или

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Ужѣ румяная заря въ златой сидя колесницѣ понуждала коней своихъ на поляхъ воздушныхъ; и я сонъ и мракъ ночи премѣнилъ на свѣтъ дневный: я восталъ въ великомъ смущеніи, помня учиненное мною въ прошедшій вечеръ убійство; пошѣмъ сѣдши на кровать и положи ногу на ногу, а руки свои опустивши на колѣни проливалъ слезные изъ очей моихъ источники. Уже воображалось мнѣ, что подвергнутъ я законамъ правосудія, что суди произнесли уже рѣшительное опредѣленіе, и мечъ строгости подъятъ на мою голову. Увы, говорилъ я самъ съ собою, гдѣ сполько милосердѣ

и снисходительнѣ найдется судія, которой бы меня въ убивствѣ прехѣ человекѣ, и въ пролитіи гражданской крови могѣ оправдать, и объявить невиннымѣ? Сіе ли счастливое и славное странствованіе обѣщалѣ мнѣ Дюфачѣ Халдеянинѣ? Такимѣ образомѣ жалуясь на свою судьбу, и оплакивая свою участь, услышалѣ я крикъ народнаго множества, которое стучалось у воротѣ нашего дому: пошѣмѣ въ минушѣ сѣ превеликимѣ прескомѣ они отворились. Полицейскіе судіи, ихѣ служители и множество простыхѣ людей входятѣ на дворѣ. Немедленно два пристава по приказанію судей схватили меня и повлекли изѣ дому безѣ всякаго со стороны моеѣ сопропвленія. Когда мы на первую только выступили улицу, то со всѣхѣ сторонѣ спекшіяся народѣ окружилѣ насѣ и послѣдовалѣ за нами толпою. Хотя я шелѣ печаленѣ и въ смущеніи приклоня голову свою кѣ землѣ, или лучше сказать кѣ безднѣ адской; однако обративши глаза свои въ сторону, увидѣлѣ я вещь чрезвычайную: ибо изѣ столь великаго народнаго множества не было ни одного человекѣ, которой бы не смѣялся изѣ всей мочи.

Потомъ, вода меня по всемъ улицамъ и перекресткамъ города, подобно какъ жертву; (а) которую хопяпъ заняла для умилоспивленія боговъ, и для отвращенія угрожающаго несчастія; привели наконецъ на мѣсто, гдѣ суды производятся, и представили собранію. Судьи уже сидѣли на возвышенныхъ своихъ мѣстахъ; и провозвѣстникъ приказалъ молчать; какъ вдругъ всѣ единымъ голосомъ начали пребовать, чтобъ судъ только важный совершился на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно отправляются торжественныя игры и зрѣлища, дабы, представляли они, въ такомъ маломъ пространствѣ по

(а) Многіе изъ древнихъ народовъ, и особливо Марсельскіе Галлы, утѣняемы будучи казимъ нибудь великимъ несчастіемъ, какъ на пр. кладомъ, моровой язвою, и проч. выбирали одного человека самаго дурнаго вида, и которой отъ природы обиженъ всеми тѣлесными качествами; потомъ кормили его цѣлой годъ самою лучшею пищею; послѣ сего по всемъ мѣстамъ и улицамъ водили торжественно, наконецъ произнеся надъ нимъ всѣ клятвы, дабы чрезъ то возложить на него только всѣ несчастія имъ приключившіяся, бросали его въ море.

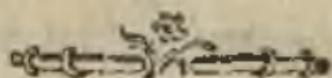

по причинѣ тѣсношты и множества народнаго не былъ кто нибузь располпанъ или задавленъ. Немедленно изродъ шуда побѣжалъ, и въ мину-ту весь театръ наполнился людьми; сверхъ того всѣ переходы, крыльца, и самая крышка, были заняты. Иные изъ зрителей цѣплялись за ступы, чтобъ какъ нибудъ удержаться, другіе висѣли ухватившись за сташун, иные смотрѣли чрезъ окна, иные съ пополоку: словомъ всѣ столь жадны были къ сему зрѣлищу, что никто не думалъ о видимой опасности, которой они жизнь свою подвергали. Приславы провели меня по среди театра, какъ нѣкую жертву а потомъ посадили въ оркестръ. Въ шже время провозвѣстникъ громкимъ голосомъ вызываетъ моего обвинителя. Вдругъ встаетъ одинъ старикъ имѣя близъ себя маленькой сосудъ (б) здѣланной на подобіе воронки и наполненной во-

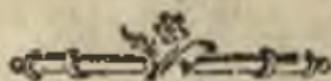
Е 5

дою,

(б) Сей сосудъ назывался *Клепсидрою*. Водъ изъ него течъ должно было чрезъ четверть часа. Обвиненному давали больше Клепсидръ, нежели доносителю; потому что больше требуется времени къ оправданію, нежели къ обвиненію.

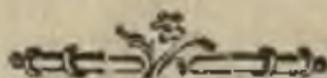

дою, которая должна изъ него печь по капелькѣ чѣтобъ шѣмъ измѣрять время, сколь долго старикъ сей говорить долженъ. Онъ началъ рѣчь свою такимъ образомъ: Господѣ почтенные! дѣло производится важное и касающееся до спокойствія и безопасности всего города, и которое должно служить примѣромъ достопамятнымъ для нашихъ потомковъ; и потому честь и пишина общества непрѣмѣнно отъ всѣхъ вообще и отъ каждаго порознь требуетъ, чѣтобъ толикія убійства учиненныя симъ злодѣемъ не остались безъ достойнаго наказанія. Впрочемъ не думайте, чѣтобъ я по злобѣ, или ненависти или по другимъ до моей особы касающимся обстоятельствомъ, столь жарко вооружился противъ сего убійцы; но должность моя того требуетъ; ибо я ночной спражи начальникъ, и я не думаю, чѣтобъ могъ кто нибудь обвинить меня въ небреженіи своей должности. Но я хочу приступить къ дѣлу и объяснить подробно все, что происходило въ прошедшую ночь. Около полуночи, объѣзжая весь городъ и смотря повсюду съ достодолжнымъ раченіемъ, встрѣтившася я съ симъ свирѣлымъ

рѣшымъ юношею: онъ имѣя обнаженный мечъ искалъ кого нибудь заколотъ, и уже три человѣка лежалъ предъ его ногами изливая съ кровію остатокъ своей жизни. Онъ усмотря меня и чувствуя не безъ причины свое злодѣяніе пустился въ бѣгство, и при помощи ночной темноты скрылся въ одинъ домъ, гдѣ и пробылъ чрезъ всю ночь. Но по дѣйствию божескаго провидѣнія, которое никакихъ беззаконій безъ ошмѣненія не оставляетъ, злодѣи сей прежде, нежели могъ отъ насъ пощаженнымъ убѣжать путемъ, при самомъ возхожденіи зари былъ мною упрежденъ, пойманъ и предъ священный вашъ судъ представленъ для принятія достойнаго и справедливаго наказанія. И такъ почтенные судии, вы предъ собою видите злодѣя умертвившаго трехъ человѣкъ, злодѣя которой пойманъ при самомъ совершеніи своего безчеловѣчія; и которой сверхъ того чужестранецъ. И такъ произнесите безъ замедленія на человѣка иностраннаго достойную казнь за то преступленіе, которое и своему согражданину простить вы не можете. Такимъ образомъ окончалъ безчеловѣчную рѣчь свою свирѣпый доноситель.

Не-

Немедленно провозвѣстникъ спрашиваетъ меня, могу ли я что нибудь на сіе отвѣтствовать: но я могъ только плакать, не по причинѣ свирѣпаго обвиненія на меня возлагаемаго, но перзаясь больше угрызеніемъ совѣсти. Наконецъ какъ бы свыше вдохновенъ, ободрился я и началъ къ судьямъ такимъ образомъ. Извѣстно мнѣ почтенные господа, сколь трудно юношѣ обвиненному въ убійствѣ прехѣ чловѣкѣ, и которой впрочемъ самъ въ томъ признается, оправдать себя, и о невинности своей увѣрить столь многочисленное собраніе, хотя бы онъ самую говорилъ истинну и справедливыя на то приводилъ доказательства: однако, еслили удостоите вы меня снисходительнаго и благосклоннаго своего вниманія, то безъ труда вамъ докажу, что жизнь моя подвергается нынѣ вашему суду не по причинѣ какого нибудь пресупленія мною учиненнаго, но только за справедливой и достойный извиненія гибѣвь, которымъ я воспалился по неизвѣстному и непредвидимому случаю. Ибо вчерашняго вечера возвращаясь я отъ ужина нѣсколько уже позно, а при томъ, сказалъ истин-

жу, нѣсколько пьлнѣ, увидѣлѣ у Милонова дому, вѣ коемѣ я имѣю квартиру, прехѣ люшѣйшихѣ разбойниковѣ, которые покушались ворваться вѣ него; и уже разломавѣ верен и выбивѣ крюки разсуждали между собою, какимѣ бы образомѣ всѣхѣ вѣ немѣ умертвить жишелей. Одинѣ изѣ нихѣ будучи отважиѣе и дороднѣе всѣхѣ, поощрялѣ своихѣ товарищѣй такимѣ образомѣ: мужайшесь други мои, устремимся храбро на спящихѣ, не тѣряя ни минушѣ времени, и ни чего не спрашась, разнесемѣ смершное убійство по всему дому. Кто найдется погруженный вѣ сонѣ, того умершвляйте, кто осмѣлится защищать себя, того мечемѣ пронзите; и такѣ не оставя никого вѣ живыхѣ, мы сами безопасно и безвредно выдемѣ изѣ дому. Признаюсь, почтенные судин, что я исполняя должность ревностнаго гражданина, притомѣ отвращая опасность отѣ гостепрѣимца моего Милона и отѣ самаго себя, вооружился мечемѣ, которой обыкновенно для такихѣ случаевѣ при себѣ ношу, и устремился на разбойниковѣ, чтобѣ ихѣ устрашить и прогнать; но сіи свирѣбые и ошчаян-

ные

ные злодѣи увидя меня съ обнажен-
нымъ мечемъ, не только не устра-
-шились и не обратились въ бѣгство,
но отважились храбро защищаться:
мы сражались долго и мужественно,
наконецъ предводитель ихъ навали
на меня всеми силами и ухвативъ съ
шпылу за волосы обѣими руками, по-
вергъ на землю; но когда онъ требо-
валъ подати себѣ камень, чтобъ меня
уже умертвить, я удачно пронзилъ
его и повергъ на землю. Въ ту же
минуту и другаго, которой сидѣлъ
на моихъ ногахъ кусая ихъ зубами,
ударилъ я мечемъ своимъ между плечъ;
претій ихъ товарищъ спремья на
меня неосторожно и какъ бѣшеной,
былъ проколотъ мною въ самой жи-
вотѣ и повертнутъ на мѣстѣ сраженія.
Избавясь такимъ образомъ отъ опасно-
сти, и спасши Милоновъ домъ отъ
разхищенія и убійства и цѣлое обще-
ство отъ такихъ злодѣевъ; не только
я не почитаю себя виновнымъ, но еще
поступокъ мой мажужу достойнымъ
похвалъ отъ всего свѣта; я которой
никогда и ни въ какомъ злодѣяннн не
былъ уличенъ, и почитался въ своемъ
опечествѣ за самаго добраго человека

пред-

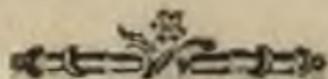

предпочитая невинность всѣмъ благопріятствамъ счастья; я не могу понять, по какой причинѣ подвергаютъ меня строгости суда за убійство прехъ безчестныхъ злодѣевъ, а особливо когда никто не можетъ доказать, чтобъ я имѣлъ когда нибудь особенную съ ними вражду: они всѣ мнѣ ни мало незнакомы. Сверхъ того нельзя уличить меня чтобъ я учинилъ такой поступокъ въ намѣреніи, дабы ихъ ограбить.

По окончаніи сей рѣчи, слезы мои обновились, и я обремененъ печалію, по на ту, по на другую сторону проспираль свои руки къ зрителямъ, и прося отъ нихъ милости заклиналъ ихъ всѣмъ, что они почитали драгоценнымъ и любезнымъ для себя въ свѣтѣ: я заклиналъ ихъ тѣмъ снисхожденіемъ и Слагосклонностію, которую они обязаны являть несчастнымъ. Но, какъ думалъ я, что уже мои слезы произвели во всѣхъ предъстоящихъ жалость ко мнѣ и состраданіе; то свидѣтельствуюсь солнцемъ, и всевидящими правосудія очами, припомъ полагаю въ семъ дѣлѣ на Божеское провидѣніе

дѣніе поднялъ я глаза свои нѣсколько по выше, и увидѣлъ, что всѣ не исключая и Милона, котораго я почиталъ отцемъ своимъ и другомъ, смѣялись надо мною изъ всей мочи. Тогда говорилъ я самъ себѣ, какая вѣрность! какая совѣсть! чтобъ спасти жизнь своему гостепріимцу, я убилъ трехъ злодѣевъ, и за сіе гоговъ уже испить смертную чашу; но онъ, не довольствуясь, что не здѣлалъ мнѣ никакой помощи и утѣшенія въ семъ несчастіи, онъ еще смѣется моему обѣдствію! После сего вышла на средину театра одна плачущая женщина, одѣтая въ черное платье и притомъ неся въ объятіяхъ своихъ младенца: за нею шла старуха въ раздранной одеждѣ печальна и рыдающа подобно первой. Онѣ обѣ въ рукахъ своихъ несли оливныя вѣтви и бросившись къ одру, на которомъ подъ покровомъ лежали убиты мною, начали стенать и рыдать плачевно и жалостно, вопія къ собранію: заклинаемъ васъ состраданіемъ, которымъ смертные обязаны одинъ другому, заклинаемъ самымъ человѣчествомъ, сжальтесь надъ сими юношами споль безчестно убитыми,
ушѣшьте

ушѣшите сирыхъ и несчастныхъ вдовицъ достойною убійцы казню. По крайней мѣрѣ помогите сему младенцу, которой въ первыхъ жизни своей лѣтахъ лишенъ уже всякой надежды и помощи. Кровь сего убійцы принесите на жертву святости вашихъ законовъ, и праву общества.

Потомъ старшій судія встаетъ и обратившись къ народу говоритъ — Въ разсужденіи злодѣйства, которое мы должны наказать строго, нѣтъ никакого сомнѣнія: ибо учинившій оное самъ признается. И такъ осталось намъ только сыскать участниковъ сего столь свирѣпаго и гнуснаго поступка: ибо невѣроятно кажется, чтобъ одинъ могъ побѣдить трехъ юношей здоровыхъ и сильныхъ. И потому истребаніе употребить должно, чтобъ найти истинну; и поелику слуга, которой ему сопутствовалъ, убѣждалъ и сокрылся въ неизвѣстное мѣсто, то нужно, чтобъ виноватаго допросить, дабы объявлять онъ участниковъ такого беззаконія: чрезъ се столь безчеловѣчныхъ и дерскихъ мятежей злое сѣмя въ конецъ искоренится. Немедленно, по обыкно-

Часть I. Ж веню

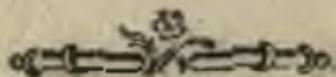
венію Греческому, огонь и колесо, и всѣхъ истязаній орудія предъ меня принесены были. Ужасъ мой усугубляется, когда я увидѣлъ, что мнѣ не можно умереть не лишась сперва какой нибудь части моего тѣла. Но старуха подвигшая жалобнымъ своимъ воплемъ весь народъ къ состраданію; прежде, говоритъ, почтенные сограждане, прежде нежели злодѣи сей и чадъ моихъ убійца, подвергнется пытки, дозвольте открытъ мертвыя тѣла, дабы увидѣвъ, сколь мои дѣти были хороши и молоды, тѣмъ къ вѣщей строгости сердца ваши подвиглись, и еразмѣрное злодѣйству опредѣлили истязаніе. — Весь народъ слова ея похвалилъ. Немедленно судія приказываетъ, чтобъ я самъ открылъ тѣла убитыхъ, я прошивая не хотя симъ зрѣлищемъ еще больше раздражить прошивъ себя судей и народъ, но приспавы по приказанію ихъ насильно меня принудили: они сами руку мою простерли къ одру и прошивъ воли моей кладутъ ее на самые трупы. Я принужденъ былъ, хотя съ великимъ отвращеніемъ, поднять сукно и открытъ тѣла мертвыхъ. Воже мой

какое

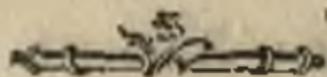
какое зрѣлище! какое чудо! и коль неожиданная счастья моего премѣна! въ то время, когда я почиалъ себя въ числѣ адскихъ жиделей, мгновенно и нечаянно состояніе мое другой пріядо оборотъ. Ся поль непредвидимыя новости, сея неожиданная премѣны никакими словами изобразить я не въ силахъ: ибо мнимыя убитыхъ мною шѣлъ ни что иное были, какъ надутые мѣхи, и проколотые въ шѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыя вчерашняго вечера поражалъ я разбойниковъ. Тогда смѣхъ, столько удивившій меня прежде, и копорой искусствомъ и хитростію нѣкоторыхъ особъ воспящемъ и удержанъ былъ на время, вдругъ разнесся во всемъ народѣ, иные восхипясь радостію поздравляли меня; другіе заболѣвшій отъ хохотанья животъ свой поддерживали руками; словомъ всѣ со удовольствіемъ и веселіемъ смотря на меня вышли изъ театра.

Но я съ той минулы, въ которую коснулся до сукна покрывающаго мертвецовъ, пребывалъ неподвиженъ, подобясь статуѣ или столпу сего театра, и не прежде отъ адскаго воспря-

нуаъ сна, какъ уже гостеприимецъ мой Милонъ приближась ко мнѣ и взявши меня за руку, и хотя я сопровивлялся и воздыхая проливалъ еще слезы, съ ласковымъ усилениемъ повелъ съ собою. Мы шли къ его дому чрезъ глухія переулки, и гдѣ меньше было народу; и видя что я еще въ печали и ужасѣ, старался онъ какъ можно забавными ушѣшать меня разговорами. Однако не возможно было разогнать печали и усыпить досады, которую чувствовалъ я въ самой глубинѣ моего сердца подвергнувшись шапкѣ ругательству и посмѣянiю.

Немедленно и суди́и со всѣми достоинства своего признаками пришедши въ домъ Милоновъ стараются ушѣшать меня сими словами: Почтенный Луцiй, мы довольно извѣстны о знаменитой твоей породѣ, и о достоинствѣ предковъ твоихъ: ибо знашность и благородство вашего дому во всемъ нашемъ предѣлѣ почтенно; и все сiе, о чемъ ты нынѣ смущаешься, не въ укоризну тебѣ и поруганiе случилось съ тобою. И потому не съмуй сердцемъ и не печаль-

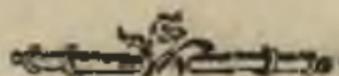

печался духомъ: ибо игры сн, торжественныя нами всякой годъ, пріятному богу смѣху, всегда новою какою нибудь выдумкою бывають украшаемы. Сей богъ соупрствовать будеть виновнику своему повсюду съ благопріятностію, и не допуститъ никогда, чтобъ печаль овладѣла своимъ сердцемъ; но свѣтъ радостный изліетъ вѣчно уже на лице швое. Сверхъ того весь градъ за сію благосклонность и заботы, которыя шы ему представилъ, назначаетъ тебѣ знаменитыя почести, ибо онъ уже объявилъ тебя своимъ (в) покровителемъ, и хочетъ изъ мѣди изваять швой образъ. „Но я отвѣтствовалъ имъ говоря: искреннѣйшую приношу благодарность сему великолѣпному и славному во всей Фессаліи граду, за столь великія почести, какихъ онъ меня удостоиваетъ; но статуи и разные изваянные виды, совѣтую ему сохранить для достойнѣйшихъ и почтеннѣ-

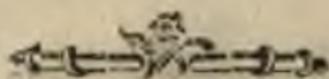
Ж 3

шихъ

(в) Подвластные Римской Имперіи провинцій обыкновенно имѣли покровителей въ Римѣ по дѣламъ до нихъ касающихся; на прим. Сидиція имѣла себѣ покровителемъ Цицерона.

шихъ особъ, нежели какъ я. Съ такою скромностію проговоря, и стараясь показать видъ и лице свое, какъ можно веселѣе, просился я съ судіями учтиво и ласково. Спустя минуту прибѣгъ ко мнѣ слуга Бирренинъ увѣдомляя меня, что уже время итти ужинать къ его госпожѣ, какъ я общался вчерашняго вечера. Но я словъ сихъ ужасаясь и боясь самага дому Бирренина, отвѣчалъ ему: отъ всего сердца желалъ бы я повиноваться прозьбамъ и повелѣніямъ госпожи твоей, естли бы мнѣ возможно было то учинить не наруша вѣрности и чести: ибо гостепріимецъ мой Милонъ заклялъ меня своимъ божествомъ, которому вы вчерашній день праздновали, чтобъ остаться у него ужинать. Онъ ни самъ меня не оставляетъ, и не допуститъ, чтобъ я его оставилъ. И такъ прошу меня извинить и уволить до другаго времени. Когда я скончивалъ рѣчь сію, то Милонъ ухватя меня крѣпко за руку повелъ въ торговую баню приказавъ при томъ нести за собою все нужное. Идучи по дорогѣ подлѣ бокъ Милоновъ стараясь я какъ можно не показывался народу и укрывался отъ всѣхъ

всѣхъ встрѣчающихся, дабы не возобновить смѣха, котораго вчера былъ я имъ причиною. Но моясь въ банѣ и видя, что всѣ на меня смотрятъ и указываютъ перстами, въ такой стыдъ и смущеніе былъ я погруженъ, что не могу и нынѣ вспомнить, какъ я мылся, напирался, махался, и какъ возвратился наконецъ въ домъ свой.

Наскоро и урывками насытившись убогимъ Милоновымъ ужиномъ и извиняясь болемъ головы причиненнымъ мнѣ отъ слезъ и стenanія, получилъ я немедленно увольненіе и пошелъ спать. Бросившись на постелю разсуждалъ я съ печалію въ умѣ своемъ о всѣхъ подробностяхъ случившихся со мною. Наконецъ фопписа, положивъ спать свою госпожу приходитъ ко мнѣ будучи сама на себя непохожа: ибо она уже не имѣла прелестей въ глазахъ и забавныхъ шутокъ въ своемъ многорѣчьи; но взоръ ея былъ печаленъ, лице прискорбно и нахмуренно. После сего, томнымъ и болзливымъ голосомъ, признаюсь чистосердечно, говоритъ мнѣ; я виною сея печали, которая тебя терзаетъ. Въ ту же

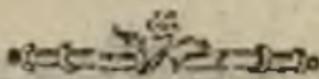

же минушу вынимаетъ она изъ пазухи своей ремень и подая миѢ, опмсши, говоритъ, опмсши вѣроломной женщиѢ; и накажи ее столь жестоко, сколь ты вообразишь можешь. Но впрочемъ не думай, чтобъ я съ намѣренія и по своей волѢ нанесла тебѢ сіе прискорбіе и смущеніе. Воги свидѣтели, что я и помыслишь не могу, дабы хотя мало тебя опечалить, и естльнбѢ спремилось какое нибудь на главу швою несчастіе, я бы пощилась его опшрапить изліяніемъ всей моей крови. Но кѢ несчастію моему, что миѢ повелѣно сдѣлать для другаго, то кѢ твоей досадѢ обратилось. Тогда я, будучи отъ природы любопытенъ, и желая узнать тайную сего дѣйствія причину, говорю ФотисѢ: сей негодный и продерскій ремень, которой ты опредѣлила для своего наказанія, вѢ мѣлкіе частицы разтерзанъ будучи мною, самъ прежде погибнешъ, нежели кѢ мягкой и млечной твоей прикоснется кожѢ. Но прошу тебя, расскажи миѢ подробно, какимъ образомъ несчастіе пріуготовляемое тобой для другаго, обратилось на мою голову; ибо я кленуся прелестными швидими очами, которыя столько обожаю,

обожаю, кленусь, что я не повѣрю никому и даже тебѣ самой въ томъ, чтобъ ты могла когда помыслишь на меня что злое; при томъ худое окончаніе какого нибудь дѣйствія не должно приписывать тому, кшо онаго виною, естли онъ доброе въ томъ имѣлъ намѣреніе.

Окончавъ слова сіи обнялъ я и цѣловалъ Фотису съ нѣжностію: она въ томныхъ и до половины сомкнутыхъ очахъ своихъ являла мнѣ все, что только любовь имѣетъ прелестнаго и убѣдительнаго. Такимъ образомъ будучи ободрена, позволь говоритъ мнѣ, чтобъ прежде всего заперла я двери нашей спальни, дабы продерзостныхъ монхъ рѣчей ктонебудь не подслушалъ, и чрезъ то не провиниться бы мнѣ предъ Памфилою. Въ ту же мнинугу побѣжала она и заперла двери на крюкъ: возвращаясь ко мнѣ и обнявъ мою вию обѣими руками, слабымъ и тихимъ говорила голосомъ: шрепещу и ужасяюсь открытъ тебѣ сокровенности нашего дому, и обьявишь таинства госпожи моей; но я надѣюсь на тебя и на швое благоразу-
Ж 5 міе,

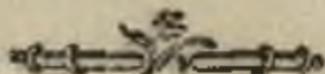

мѣ, ибо ты, сверхъ того, что рожденъ
 опъ знаменитыхъ родителей, и украшенъ
 опъ природы высокимъ разумомъ;
 просвѣщенъ еще священными таинствами
 (г) и потому знаешь безъ сомнѣнія
 святость молчанія, котораго потребуешь
 тайна: и такъ заклинаю тебя; все,
 что я ни вѣрю сердца твоего нѣ-
 драмъ, все то во глубинѣ его заключи
 и храни вѣрно, чистосердечіе мое и
 откровенность моихъ рѣчей награди и
 запечатлай твоимъ молчаніемъ: ибо
 едина только пламенная любовь, ко-
 торую къ тебѣ горю, принуждаетъ меня
 открытъ тебѣ вещи и дѣла, никому
 кромѣ меня неизвѣстныя. И такъ у-
 знаешь ты обспоятельство нашего дому,
 открояются тебѣ удивительныя госпожи
 моеи таинства, которымъ послушны
 тѣни, повинуются стихіи и которыхъ
 силою стройный чинъ свѣтилъ преры-
 вается: и никогда она силы своего вол-
 шебства съ большимъ не употребляетъ
 жаромъ, какъ только, естли плѣнит-
 ся

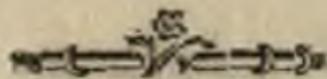
(г) Святый Августинъ пишетъ, что Луцій
 Апулей былъ въ Африкѣ жрецомъ, и
 представлялъ народу различныя игры и
 зрѣлища.

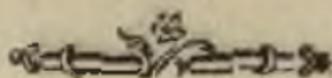
ся когда прекраснымъ юношею, что съ нею весьма часто случается. Въ самыя сіи минуты она снраспно любишь одкого Беошійскаго совершенной красоты юношу; и для успѣха въ своей любви все орудія, все способы своихъ чародѣній употребляетъ. Моеими собственными ушами слышала я вчерашняго вечера, какъ угрожала она зашьмитъ самое солнце, и покрышь его вѣчнымъ мракомъ, естли оно не зайдетъ прежде времени и не уступитъ мѣста темнотѣ ночной, дабы ей свободно было упражняться въ проклятомъ своемъ волшебствѣ. Она возвращалась вчера изъ бани и увидѣвъ нечаянно сего юношу сидящаго въ цырульнѣ, немедленно велѣла мнѣ искусно укрась его обрѣтые и лежащіе на земли волосы, я щательно и уирадкою ихъ собирая усмотрѣна была цырульникомъ: и поелнку я, и госпожа моя почитались отъ всехъ безчесными чародѣйками, то онъ ухвастя меня, ругалъ безъ милосердія: доколѣ, скверная, говорилъ онъ, будешь крась волосы, которые мы брѣемъ у молодыхъ и пригожихъ людей? естли ты

ты не ослышавшись отъ сего злодѣйства, я въ сію минуту представляю тебя на судъ. Проговора сіе запустилъ онъ въ пазуху ко мнѣ свою руку и съ яростію щипля мои пшъки, вынялъ всѣ волосы. Такимъ пръключеніемъ смущенна и опечалена, представляя припомъ въ умѣ своемъ звѣрскіе госпожи моей нравы, которая за несправное приказовъ ея исполненіе обыкновенно свирѣпствуетъ и бьетъ меня безъ милости, начала думать я, какъ бы отъ нея убѣжать; но помысливъ и о тебѣ, и разсудивъ сколь тебя люблю, ошложила я свое намѣреніе. Идя въ задумчивости и печали увидѣла я что одинъ человекъ сприжетъ ножницами козы мѣхи, и когда надувъ онъ ихъ сложилъ, и повѣсилъ, какъ должно; то я, чтобъ не съ пустыми къ госпожѣ своей явиться руками, набравши козлинной шерсти, которая была бѣложелтовата, и поному подобна волосамъ Беотійскаго юноши, принесла ее къ Памфилъ, утланъ пръключившійся мнѣ случай. При началъ еще ночи и прежде возвращенія своего отъ ужина Вирренина, Памфила вслвщъ себя восходящъ на чердакъ кошорой

щорой на верьху дома и со всѣхъ сторо-
ронъ открышыя имѣетъ окна, дабы
свободно входилъ въ него всякой вѣтръ,
и чшобъ смогрѣть изъ него на во-
спокъ и на всѣ страшы свѣта. Сей
чердакъ почитаетъ она самымъ спо-
собнымъ и сокровеннымъ мѣстомъ для
своего волшебства. По обыкновенію
своему начинаетъ она тамъ угошо-
влять все нужное для чародѣйства.
Какъ то различнаго роду благовоныя
шравы, мѣдныя доски съ неизвѣстными
писменами, желѣзные кусочки остав-
шіеся отъ разбишыхъ на морѣ кораб-
лей, при томъ разные члены отъ мерш-
выхъ человѣческихъ труповъ: здѣсь
лежатъ носы и перспты, тамъ кости
еще съ мясомъ оставшіеся отъ умер-
шихъ на висѣлицѣ; индѣ сосуды съ
кровію заколотыхъ, въ другомъ мѣ-
стѣ лбы до половины изѣденныя сви-
рѣпными звѣрями, и отъ ихъ зубовъ
испортиуныя. Послѣ сего произнесши
волшебныя слова еще надъ превещую
живоныхъ внутренностію приносятъ
она жертву изливая разныя жидкости,
какъ то, коровье молоко, воду почер-
пнуую изъ чистыхъ источниковъ,
медъ чистей и медъ смѣшанной съ
водою.

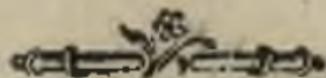
водою. Наконецъ мнимые волосы связавши вмѣстѣ различными узлами сжегъ ихъ съ благовонными травами на горящихъ угляхъ. Немедленно шѣла, которыхъ шерсть горѣла на огнѣ, влекомы будучи непреодолимою волшебства ея силою, и могуществомъ заклятыхъ ею духовъ, пріемлютъ чувства человѣческія, они уже понимаютъ, слышатъ и ходятъ, они уже спремются, куда запахъ ихъ шерсти привлекалъ ихъ обоняніе, и вмѣсто Беотійскаго юноши стараясь ворваться въ нашъ домъ ломали вѣрота; но вдругъ ты, любезный Луцій возвращаясь опъ ужина пьяной и ночнымъ обманувшись мракомъ обнажилъ съ яростью свой мечъ, будто Дяксъ бѣшенный, однако не съ шѣмъ, чтобъ цѣлыя стада живаго скота умертвить, какъ онъ сдѣлалъ, но еще съ бѣльшимъ мужествомъ, чтобъ цѣлыя при козьи мѣха надутые вѣтромъ повергнуть на землю, и сіе было для того, дабы я тебя поразившаго своихъ непріятелей, но кровію ихъ не оскверненнаго, могла обнимать и лобызать не какъ челоукоубійцу, но какъ побѣдителя трехъ мѣховъ.

Симъ

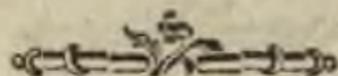
Симъ забавнымъ образомъ смѣ-
лась надо мною Фотиса; я ей отвѣш-
ствую также шушнами, говорилъ:
и такъ справедливо уже могу первый
сей опытъ моей храбрости сравнить
съ двенадцатью Геркулесовыми подви-
гами; и пораженные мною при мѣха,
почестъ шреглавнымъ Церберомъ, или
Теріономъ, которой имѣлъ три шѣла.
Однако, чтобъ забыть я совсѣмъ твой
проступокъ причинившій мнѣ столько
печали, обѣщайся мнѣ показать у-
слугу, о которой прошу тебя съ край-
нимъ убѣжденіемъ: покажи мнѣ гос-
пожу твою, когда она упражняется
въ опытахъ волшебнаго искусства,
когда призываетъ боговъ, и чтобъ
видѣль мнѣ ее пріявшую на себя другой
образъ: знай Фотиса, я чрезвычайно
желаю познать таинства науки волшеб-
ной, въ которой и ты по моему мнѣ-
нію искусна. Такъ! я о семъ не со-
мнѣваюсь, я позналъ то на себѣ: ибо
я, впрочемъ презритель женскаго пола,
свѣтлосію очей твоихъ, румянцемъ
твоихъ устъ, прелестными волосъ,
близною шею, благоуханіемъ твоихъ
поцѣлуевъ, и всѣми нѣжностями, столь-
ко прельщенъ и очарованъ, что съ

охо-

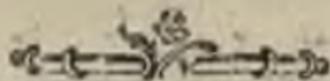

охошою почишаю себя своимъ работъ и плѣнникомъ. Уже не воспоминаю я о своемъ отечествѣ, о своемъ домѣ; и не хочу возвратиться къ своимъ ближнимъ; я ничего не предпочту приятнымъ ночамъ, которыя препровождаю съ тобою — Фотиса мнѣ въ ошвѣтѣ: — Сколь охотно желала бы я, любезный Луцій удовлетворять любопытство твое; но всегдашняя прочихъ людей зависть ужасаетъ Памфилу, и потому она всегда удаляется отъ взору всѣхъ, и дѣлаетъ опыты своего волшебства на единѣ. Однако я просьбу твою предпочту моей опасности, и при способномъ случаѣ и времени исполню твое желаніе, только должно тебѣ, какъ я сказала прежде, устасвой запечатлѣшь молчаніемъ; какого требуетъ столь важное дѣло. Такимъ образомъ разговаривая почувствовали мы и въ душахъ и въ членахъ своихъ взаимный пламень, попомъ снявши все платье вступили для сраженія въ Венерино поле; но чего я упомившись не могъ окончить, то Фотиса искусствомъ своимъ и подмогсю довершила. Наконецъ приятный сонъ нами овладѣлъ, и мы проспали до свѣту.

Послѣ.

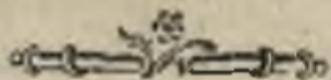
Послѣ сего еще нѣсколько ночей проводили мы съ такимъ же услажденіемъ. Въ одинъ день прибѣжавъ ко мнѣ Фописа съ прелепомъ и поспѣшностію говоритъ, что ея госпожа не могла до сего времени чрезъ прочія волшебныя искусства получить успѣха въ любви, вознамѣрилась въ слѣдующую ночь превратиться во плицу и летѣть къ любимому юношѣ; и потому готовился бы я съ осторожностію видѣть столь чудное дѣйствіе. При наступленіи ночи провела меня Фописа къ чердаку безъ всякаго шума и велѣла смотрѣть чрезъ скважину, которая была на дверяхъ. Дѣло происходило такимъ образомъ: Сперва Памфила раздѣвшись до нага отперла нѣкоторой сундукъ, и выняла изъ него многіе маленькіе ящички, изъ которыхъ одинъ открывши, взяла нѣкоторую мазь и растерши ее въ рукахъ своихъ намазала ею все свое тѣло, начиная отъ пяшъ до самыхъ послѣднихъ волосъ головы своей; потомъ нѣчто пошепшавъ съ зазвенною свѣчою потрясла всѣ свои члены. Отъ сего легкаго движенія покрывается ея тѣло мягкимъ пухомъ, вырастаетъ перье, носъ закрючается опвердѣль, и ногти сдѣлавшись долгими загнулись на подобіе когтей.

Словомъ Памфила превратилась въ сову. Въ семъ видѣ испускаетъ она плачевный крикъ, и хотя испыташь, можешь ли она летѣть, приподнимается нѣсколько отъ земли, потомъ вдругъ разпусливши крылья вылетаетъ вонъ изъ своего чердака. Сія женщина силою чародѣній своихъ обратно можетъ превращаться въ прежній свой видъ. Что касается до меня, я не былъ очарованъ, но чудному сему дѣйствию столько удивился, что почипалъ себя уже не Луциемъ. Какъ будто лишенный разума я не спя еще грѣзидъ: и прочищая глаза свои старался узнать погруженъ ли я въ сонъ, или нѣшъ. Наконецъ опомнившись взялъ я руку Фошисину и приложивъ къ своимъ очамъ; говорю: Фошиса! будь снисходительна, дозвожь мнѣ, когда случай допускаетъ, пользоваться самымъ вѣрнымъ доказательствомъ пвоей ко мнѣ горячности; дай мнѣ нѣсколько сея волшебныя масти. Я заклинаю тебя прелесными пвоими очами, которые мнѣ столько пріятны. Чрезъ сей безцѣнный даръ меня раба и плѣнника своего обяжи себѣ навсегда: исполни; чтобъ я близъ тебя, близъ своей Венеры,

иеры, леталъ подобясь крылатому Купидону. Ахъ! любезный мой, опшествовала она, или ты лукавъ какъ лисица, и хочешь, чтобъ я сама своего несчастія была причиною? Уже ли для Фессалейскихъ дѣвицъ храню я своего Луція? Гдѣ его найду крылатаго, и когда увижу? Боже меня избави, говорю ей, отъ такого злодѣянiя! Хотя бы я превратился въ орла и простиралъ полетъ свой превыше облаковъ, нося Юпитеровы повелѣнiя и громъ его десницы; однако не преминулъ бы возвратиться къ тебѣ, какъ въ свое любезное гнѣздо. Кленусь предеснымъ волосомъ твоимъ узломъ, которымъ душа моя и вольность связана, что я ни какую красавицу не предпочту Фотисѣ. Сверхъ того склою такой масши превращаясь въ гнусную пшцу, не долженъ ли буду ошъ всякаго дому оплетать далече? Развѣ прiятно будетъ прекрасному полу имѣть любовника столь милаго и пригожаго какъ сова? Впрочемъ, ночныхъ пшцъ влѣпѣвшихъ въ какойнибудь домъ, не стараются ли хватать и привязывать ко дверямъ, дабы они за предвозвѣщаемое ими, какъ

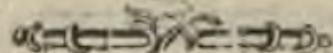
думающѣ, несчастіе и зло заплашили своимъ помяніемъ и смертію? Но я едва не позабылъ спросить у тебя; что должно говорить, или дѣлать дабы оставя перья и крылья обратно сдѣлался Луціемъ.

О семъ не безпокойся отвѣтствуетъ она; ибо госпожа моя показала мнѣ всѣ средства, и способы, чрезъ которые изъ такихъ видовъ должно превращаться въ природное состояніе человѣческое, однако не думай, чтобъ она изъ благосклонности ко мнѣ сіи тайны открыла; но чтобъ могла я подать нужную помощь, когда ей надобно будетъ принять обратно человѣческой образъ; и разсуди какія бездѣлки, и сколь дешевыя шрвы пребуются для поль важнаго дѣйствія; на примѣръ, Памфилъ иногда надобно только омытія и выпить стаканъ воды почерпнушой изъ ручья и смѣшанной съ анисомъ и лавровымъ листьемъ.

Такимъ образомъ Фаниса обѣщаясь многократно исполнить мое желаніе, вбѣжала однажды ко мнѣ въ спальню въ великомъ шрепешѣ, и выняла ящичекъ

чекъ изъ коробочки; я его беру, обнимаю, цѣлую и прошу, дабы споспѣшествовалъ онъ мнѣ въ благополучномъ по воздуху летаніи, потомъ немедленно снявъ съ себя плащъ, и взявъ изъ ящика сколь можно больше масти, все тѣло себѣ намазалъ, и дѣлалъ движеніе всѣми членами, какъ видѣлъ у Памфилы, чтосбъ превратиться въ подобную птицу; но вмѣсто пуху, вмѣсто перьевъ выросла ешъ на моемъ тѣлѣ долгая и жоская шерсть и мягкая кожа ожесточается. У рукъ и ногъ моихъ персты срстаются и дѣлаются изъ нихъ копыта, потомъ вырослаешъ долгой хвостъ, лице мое обезобразилось, ротъ увеличился, ноздри расширились, губы опвисли и уши сдѣлались чрезвычайно долгими. Въ такой крайности озирался я на всѣ свои члены, и видѣлъ, что вмѣсто птицы превращенъ я въ осла; досадую и жалуясь на Фопису и на имѣя голосу и тѣлодвиженія человѣческаго, отворилъ я только свой ротъ и слезными со стороны смотря на нее глазами, просилъ себѣ помощи. Она увидѣвъ меня въ такомъ состояніи; ахъ я несчастная! вскричала, ударя по ли-

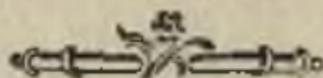

ну своему руками, я погибла: поспѣшность моя и подобныя другъ другу корбочки меня обманули; однако не опчаевайся: средство для уничтоженія сего вида самое легчайшее; ибо сѣвши только нѣсколько розъ, ты обрати изъ осла преобразишься въ любезнаго мнѣ Луція. О если бы я имѣла теперь пучки розъ, какъ обыкновенно въ каждой вечеръ для тебя дѣлаю, ты бы ни одной ночи не препроводилъ въ семъ видѣ! однако при самомъ разсвѣтѣ, я постараюсь о такомъ средствѣ. Симъ образомъ жаловалась и досадовала на себя Фотиса. Но я хотя былъ почной осель и превращенъ изъ Луція въ скота; однако остались при мнѣ чувства и разумъ человѣческой.

Наконецъ размышлялъ я долго самъ съ собою, устремись ли мнѣ, вооружась копытами и зубами на сію вѣроломную и преступную женщину, члсбъ ее умертвить; но разсудя подробно, премѣнилъ я сіе безумное намѣреніе, ибо смертію Фотисы лишился бы я навсегда нужныхъ средствъ для принятія вида человѣческаго. И такъ повѣсивъ голову и тряся ушами,

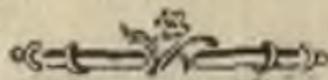

спараясь не чувствовашъ поруганія ,
которому подверженъ на нѣсколько
времени , а припомъ уступая лютой
моего состоянія необходимости , по-
шелъ въ стойла къ доброму своему
коню, гдѣ увидѣлъ и другаго осла при-
надлежащаго Милону. Воображая, что
естьли живописные имѣютъ какое ни-
будь тайное и природное другъ ко
другу отношеніе , то конь мой
узнавъ меня и сожалѣя о моемъ состоя-
ніи, уступилъ мнѣ лучшее и простран-
нѣйшее мѣсто ; но о Юпитеръ, бо-
жество гостепріимства, и вы боги по-
кровители вѣрности! сей храбрый мой
конь, приложивъ голову свою къ голо-
вѣ Милонова осла, соглашается съ нимъ
вмѣстѣ на мою гибель. Какъ только
увидѣли, что я подхожу къ ихъ
яслямъ, то не хопя, чтобъ былъ я
участникомъ ихъ корму, повѣсивъ уши
свои, устремились съ яростію бить меня
копытами и прогнали далеко ошъ овса,
которой я самъ своими руками насыпалъ
вечеромъ сей благодарной скотинѣ.
Столь не благосклонно будучи принятъ,
удалился я въ уголъ конюшни, гдѣ
размышляя о гордости моихъ товари-
щей, и надѣясь въ слѣдующее утро

сбѣвши пукъ розъ превратиться въ Луція, и тогда уже отмыслить невѣрному своему коню; вдругъ на среднемъ столбѣ, которой поддерживалъ конюшенные переграды, увидѣлъ я статуя богини Элоны (д), которая обвѣшена была свѣжими розами. Видя сіе спасительное средство, я приближаюсь къ нему, и радостной исполнясь надежды встаю на задніе ноги, потомъ передними опершись на столбъ, поднимаю голову и просягиваю губы сколь можно выше, чпобъ достать себѣ розы; но вдругъ къ несчастію моему увидѣлъ меня слуга, которому поручено было смотрѣть за моимъ конемъ; онъ взбѣсившись, долго ли, говоритъ, терпѣшь намъ безтыдство сего обжоры, которой, недавно хотѣлъ у своихъ товарищей пожрать сѣно и овесъ, а теперь хочетъ сбѣсть и розы богини? но я сего святошапца изуродую и переломаю ему ноги. Въ ту же мину-

(д) Элона, и по мнѣнію иныхъ Гиппона, была богиня лошадей, ословъ, и проч. Ея статуя обыкновенно стояла въ конюшнѣ на столбѣ.

минушу ища какого нибудь орудія для моей казни, увидѣвъ онъ связку дровъ, изъ которыхъ выбравъ самую толстую и суксвапую дубину, до шѣхъ поръ не престававъ опягощать меня ея ударами, пока не услышалъ ужасный стукъ произшедшій отъ разрушенныхъ Милонова дому ворошъ, и шакже вопль сосѣдовъ, которые кричали; воры! воры! все сіе успрашило моего мучителя и онъ убѣжалъ не медленно.

Разломавши вороша, одна часть разбойниковъ вбѣгаетъ въ домъ Милоновъ, а другая окружаетъ его съ обнаженными мечами. Сосѣди сбѣгаются на помощь, но воры сползше въ дому имъ пропившися. Обнаженные мечи сверкая при зааженныхъ свѣщильникахъ производили свѣшъ, подобный дневному. Въ сіе время нѣкоторые изъ разбойниковъ спремются въ кладовую, кошорая спояла посреди Милонова дому, заключая въ себѣ все его сокровища; она была заперта крѣпко, однако разбойники своими сѣхирами есѣ препястия разрушили, потомъ похитивъ все богатство кладутъ его на скоро въ

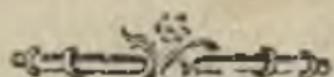
разные мѣшки, и опредѣляющѣ, что кому нести. Но число ихъ не сразмѣрно было множеству похищеннаго имѣнїя, и потому не зналъ что дѣлать съ такимъ великимъ грузомъ, выводяшъ они изъ конюшни моего коня, и меня самого съ другимъ осломъ; потомъ опягоща насъ сколь можно больше поклажею, гоняшъ изъ пущаго дому, ударяя для скорости палкою. Разграбивъ все и оставивши одного изъ своихъ товарищей въ городѣ, дабы увѣдомилъ онъ ихъ послѣ, какой будетъ поискъ ихъ злодѣйству, гнали насъ съ превеликою скоростію чрезъ горы и пустыя мѣста,

Опягощенъ будучи только тяжелымъ бременемъ, и ушомаясь отъ далекаго и труднаго по причинѣ горъ пути, находился я близъ смерти. Но въ крайности такой пришло мнѣ на мысли, хотя поздно, прибѣгнуть къ правосудію гражданскому, и употребить священное имя Цесаря (е), дабы осво-

е) Римскіе граждане всегда нарицали имя Цесаря, когда ихъ несправедливо мучили, или

освободиться отъ такихъ несносныхъ
 зоключеній. Ипакъ уже по возхо-
 жденіи солнца продолжая путь свой
 чрезъ одинъ городъ, въ которомъ
 было множество народа, собравшагося
 для торгу, вознамѣрился я предъ всѣми
 Греками произнести на природномъ
 своемъ языкѣ священное имя *Цесаря*,
 и лишеру о, выговорилъ я довольно ясно
 и громко, но никакъ не могъ я окон-
 чать и произнести *Цесарь*. Разбойники
 досадуя и смѣясь надъ грубымъ и
 неспройнымъ моимъ голосомъ, столь
 сильно и часто бичами и палками
 ударяли меня по бокамъ, что бѣдная
 моя кожа и на решето не годилась.
 Наконецъ Юпитеръ неожиданное по-
 даетъ миѣ средство къ полученію
 прежняго вида: ибо прошедши мно-
 гія села и города, увидѣлъ я пре-
 красной садъ, въ которомъ сверхъ
 прочихъ цвѣтовъ находились розы еще
 упреннею покрышыя росю, и къ ко-
 торымъ

или угнѣпали, и сіе имя столь было по-
 чтено, что обвиненнаго уже не могли
 судить и наказывать, но предсказать
 его должно было предъ самаго Импе-
 ратора.

порымъ никто не прикасался. Исполняясь радостной надежды приблизился я къ саду, и только лишь протянулъ губы на сіи прелестныя розы, вдругъ пре-мѣнилъ свое намѣреніе, разсуждая, что естли я изъ осла въ минушу сдѣлаюсь Луціемъ, то подвергну себя видимой гибели: ибо разбойники почтутъ меня волшебникомъ или убоишся, чтобъ я не открылъ ихъ злодѣйства; итакъ по необходимости воздержался я отъ розъ, и терня великодушно свое несчастіе въ видѣ осла, кусалъ я только свои желѣзные удила.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ КНИГИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ

или

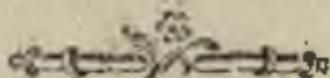
ЗОЛОТОЙ ОСЕДЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

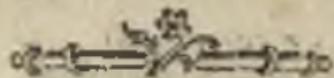
Въ полуденные часы, когда уже солнце раскаленный мечетъ лучь, прибыли мы въ одно село, гдѣ жили старики пріятели симъ разбойникамъ; ибо хотя я былъ оседъ, однако все видѣлъ и понималъ, какъ они при первой встрѣчѣ цѣловались между собою, разговаривали и обнимались: сверхъ того разбойники снявши со спины моей различныя вещи дарили ихъ своимъ гостепрїимцамъ, и давали тайные знаки, что все сіе прїобрѣтено воровствомъ: потомъ освободивши насъ отъ тягостныхъ бремени пустили на волю въ ближнее поле; но я, не привыкши питаться сѣномъ, не могъ

рѣ-

рѣшился, чтобъ ходить на паствѣ съ своими поварницами; и потому перзаясь голодомъ, и увидѣвъ издали садъ позади дому находящійся, устремился въ него съ споспѣшностію, и наполнивъ свой желудокъ грубыми травми до сытости; при томъ, прося боговъ, смотрѣлъ я на всѣ стороны, надѣясь увидѣть въ окрестныхъ садахъ цвѣтущія розы: ибо находясь одинъ и въ отдаленіи уповалъ я, что могу способно такимъ спасительнымъ средствомъ изъ четвероножнаго скота превратившись въ человѣка, убѣжать отъ разбойниковъ.

Углубясь въ такія размышленія, увидѣлъ я въ нѣкошорой отдаленности долину тѣнистую, покрытую густыми рощами. Между прочими въ ней травами и растѣніями блистала красота цвѣтущихъ розъ. Тогда родился въ моемъ воображеніи мысли совсѣмъ не приличествующія безсловеснымъ: я представлялъ себѣ пріятную сію рощу осѣняющую покое множество прелестныхъ розъ вѣчнымъ жилищемъ Богини Циперской, и прекрасныхъ Градій. Инакъ при-
зывает

зывая въ помощь благополучный (а).
Случай успремился я къ мѣсту сему
съ такою легкостію, что самъ себя
почиталъ не осломъ ужѣ, но бы-
стрымъ конемъ достойнымъ Олімпій-
скихъ рышаній; однако сіе скорое и
храброе мое усиліе не могло предупре-
дить несчастной мсей участи: ибо къ
желанному приближась мѣсту не на-
шелъ я оныхъ нѣжныхъ розъ небе-
снымъ нектаромъ и росою упреннею
окропленныхъ и растушихъ среди
щаспливаго шернія, не нашелъ я также
ни какой долины, но только рѣчной
берегъ, покрытый густыми древами, на
которыхъ листья были долги и подобны
лавровымъ, имѣя на себѣ цвѣты алые,
но безъ всякаго запаха; простой на-
родъ наименовалъ сіи цвѣты лавровы-
ми розами; они всякому животному
не пищею, но смертоноснымъ служатъ
ядомъ. Въ такой крайности находясь,
и не хотя больше жить на свѣтѣ, воз-
намѣрился я сомовольно умертвить себя

ядо-

(а) Добрый или благополучный случай почи-
тался у древнихъ божествомъ: его при-
зывали въ помощь, предпринимая какое
нибудь важное дѣло.

ядоносными цвѣтами. Едва только приближился я къ нимъ, какъ вдругъ одинъ юноша, и думаю, что бытъ по самъ садовникъ, примѣня опустошеніе своего саду, выбѣжалъ противъ меня съ превелькой дубиною, и съ яростію устремившись ошлагоцалъ меня ударами столько, что я непременно испустилъ бы духъ свой, естълибы по благо разумію своему не защитилъ самъ своей жизни: ибо возвысивъ свои бедра и отвѣштвывая ему задними ногами повергъ его на землю близъ подошвы торы, и самъ побѣжалъ съ поспѣшностію.

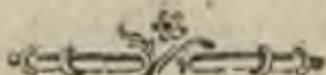
Въ ту же минушу одна женщина, и какъ думаю, жена садовникова, видя его повергнута на землю почти безъ души, прибѣгаетъ къ нему вся внѣ себя, и плачевнымъ воплемъ побуждаетъ сосѣдей къ жалости, и ожесточаетъ противъ меня. Въ самомъ дѣлѣ всѣ сельскіе мужики пронуты будучи слезамъ ея збѣгаются, скликаютъ своихъ собакъ и раздражаящъ ихъ, чтобъ съ яростію меня расперзали. Видя толкое множество сильныхъ и быстрыхъ собакъ противу меня ожесточенныхъ; и могущихъ сопроти-

вляться

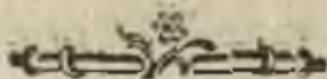

вляться самымъ лвамъ и медвѣдямъ, почивалъ я себя почти уже мертвымъ, и въ семъ случаѣ за благо рассудилъ я, не бѣжать въ другое мѣсто, но возвратиться поскорѣе къ дому, въ которомъ находились разбойники. Сельскіе жители едва удержавъ собакъ своихъ отъ свирѣпости, поймали меня, и привязали крѣпкимъ ремнемъ къ кольцу, которое было въ стѣнѣ; потомъ различными орудіями казнили меня; и я уже готовъ былъ умереть; но по счастію желудокъ мой заболѣвшій отъ такого мученія, припомъ опягощенъ множествомъ различныхъ и грубыхъ травъ разродился, и съ сильнымъ стремленіемъ произвелъ такое дѣйствіе, которое всѣхъ сихъ мучителей прогнало: ибо иныхъ окропилъ я жидкими травъ остатками, другихъ зловоннымъ поразилъ духомъ.

Не много протекло времени, какъ солиде съ полуденной высоты начало спускаться къ западу; и разбойники обременивъ насъ всѣхъ своихъ, а особливо меня тягчайшимъ грузомъ, пустились въ путь свой. Мы препроводили довольно времени въ дорогѣ; но

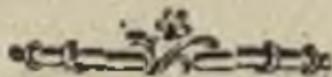

я упоменъ возложеннымъ на меня
бременемъ, ослабѣвъ отъ ранъ поль-
часто получаемыхъ, имѣя припомъ
копыша свои уязвленны, и едва дер-
жася на ногахъ, ошановился близъ
прозрачнаго ручья спекущаго съ том-
нымъ журчаніемъ. Получивъ такой
пріятной случай вознамѣрился я непре-
мѣнно упасть ницъ въ источникъ, и
не выходящъ изъ него, кошлѣ не
палками только понуждали меня, но
и мечемъ, или рогатиною колоди: ибо
столько будучи слабъ и подобенъ
мертвому; почиталъ я себя достой-
нымъ увольненія отъ службы, сверхъ
того надѣялся, что разбойники, ко-
торымъ съ возможною скоростію хо-
шѣлось продолжати путь свой, доса-
дуя на мою усталость и непроворство
снимутъ со спины моей добычу свою,
и положивъ ее на коня моего и дру-
гаго осла; оставятъ меня въ семъ мѣ-
стѣ волкамъ и пшицамъ на разхище-
ніе, почитая такое наказаніе сразмѣр-
нымъ моей лѣности. Но жестокая
судьба намѣреніе мое сдѣлала бесполез-
нымъ: Ибо другой осель, какъ буд-
то предвидя мое предпріятіе преду-
предилъ меня въ ономъ, и припворясь
ушомъ

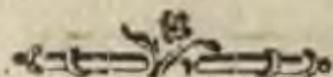

утомленнымъ вдругъ упалъ на землю со всею на немъ бывшею поклажею, и растянувшись какъ мертвою не хотѣлъ стаять, хотя его палками били, припомъ за хвостъ, за уши и за ноги приподнимали къверху. Разбойники опчаясь его поднять разсуждали между собою, что не должно времени трапить надъ скопомъ почти мертвымъ и окаменѣлымъ; и такъ отсѣкши ему ноги по колѣни, еще дышуща отвлекли отъ большой дороги и съ высоты одной горы бросили въ долину. Вещи на немъ бывшія поклади на меня и на моего коня. Тогда представляя въ умѣ своемъ несчастную моего соудника гибель вознамѣрился я уже не прибѣгать къ хитростямъ, и къ лукавымъ вымысламъ, но служить господамъ своимъ такъ, какъ долженъ доброй и порядочной оселъ; припомъ слышалъ я разговоры ихъ, что уже не далеко до мѣста, въ которомъ они живутъ; и такъ надѣясь скоро избавиться отъ несноснаго пути, и предашься сладкому покою.

Прошедши наконецъ чрезъ маленькую холмикъ, достигли мы до назна-

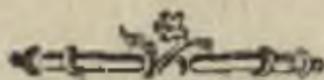
ченнаго мѣста. Разбойники сняли съ насъ всю свою добычу, и похищенное сіе богатство сокрыли въ нѣкошорыхъ пещерахъ. Избавясь отъ пятостпаго бремени, вмѣсто того, чтобъ мнѣ омышья, какъ дѣлалъ я въ видѣ чело- вѣческомъ, кашался я по песку для подкрѣпленія силъ своихъ. Теперь время и обстоятельство требуютъ, чтобъ я описалъ вамъ мѣста и верше- пы, въ которыхъ жили сіи разбойники: ибо чрезъ сіе самое покажу я силу и опытъ моего разума, припомъ узнае- те и вы, имѣлъ ли я чувствія и раз- судокъ ослиной; будучи въ видѣ осла. Приступимъ: Мѣсто сіе было страшная и самая высочайшая гора, покрываая множествомъ густыхъ деревъ, окру- женная утѣсистыми камнями, кото- рые составляли изъ себя ужасные спре- мнныя покрывыя шерномъ, и жо- скими всякаго рода травами, и такъ сіе природное укрѣпленіе дѣлало гору сію неприсупною. Съ самой ея вы- сопы многоводный источникъ извер- таясь въ низъ и спремаясь чрезъ утѣсы раздѣляясь на долинахъ во многіе струи, и составивъ потомъ простран- ное и тихое озеро, или не большое море
окры-

о́кружалъ все сіе мѣсто. На верху пещеры сполщей на послѣднихъ ушѣсахъ горы, видима была высокая башня поддерживаемая толстыми деревянными споллами, и окруженная заборо́мъ крѣпко сплоченнымъ, котораго стороны разпростершись и разширясь довольное имѣли пространство, дабы запирашь и сохраняшь въ немъ скотовъ. Великіе полисадники сдѣланные на подобіе стѣны, ограждали и прикрывали входъ пещеры.

По миѣрнію моему, вы легко повѣрите, что описанное мною мѣсто есть точное жилище разбойниковъ. Вокругъ его не видно было ни какого строенія, или дому, кромѣ одного шалаша покрышаго тростникомъ, гдѣ всякую ночь, какъ я послѣ о томъ узналъ, нѣкоторые изъ разбойниковъ, на которыхъ падалъ жребій, должны были имѣть свою спражу.

Пришедши они къ мѣсту сему, привязали насъ крѣпкимъ ремнемъ при самомъ входѣ въ пещеру, и сами съ превеликимъ трудомъ, ползя одинъ за другимъ въ нее зобралися. Пошомъ

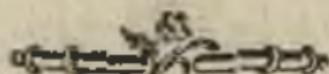
призвавъ беззубую, горбатую и дряхлую спаруху, которая одна по видимому должна была имѣть попеченіе о шоль многихъ юношахъ; такъ ли, кричащъ ей съ яростію, такъ ли спарая чертовка, извергъ природы и ужасъ самаго ада, будешь намъ насмѣхаться сидя дома, и поджавши свои ноги? Долго ли ты намъ, сполько упомянутымъ и ослабшимъ отъ великихъ и опасныхъ трудовъ, не подашь какой нибудь пищи для опрады и облегченія? ты ночью и днемъ шолько о шомъ заботишься, чтобъ жадный свой желудокъ наполнять винами.

Спаруха шрепеща отъ спраха, шомнымъ и прерывающимся говорила имъ голосомъ: храбрые юноши, вѣрные и всегдашніе мои покровители, для васъ много различныхъ и вкусныхъ мясь приутошвленно мною: хлѣба также весьма довольно, виномъ обилуютъ сосуды, для питія онаго рюмки и стаканы вымышы чисто; сверхъ того согрѣта и вода, да бы вамъ по обыкновенію омыться. Услышавъ сію рѣчь, они мгновенно раздѣваются и подходятъ ближе къ разложенному огню, чпобъ силою жара

жара его произвестъ въ себѣ потъ. Наконецъ теплою омывшись водою, и намазавшись масломъ, сядяся они всѣ кругомъ стола; на которомъ представлены были различныя ѣствы.

Едва начали они уполять свой голодъ, какъ вдругъ явилось еще большее молодыхъ людей число; не трудно было догадаться, что это были также разбойники: ибо они принесли съ собою премного золотыхъ и серебряныхъ денегъ и сосудовъ, припомъ разные шелковыя и золотомъ вышитыя одежды. Они подобно перьвымъ омывшись водою, сядяся съ ними за одинъ столъ. Метали потомъ жребій и на кого онъ палъ, тѣ служили при столѣ. Тогда ужѣ всякъ началъ пить и ѣсть безъ разбору и безъ мѣры, всѣ ѣствы мѣшаются въ одно мѣсто, рюмки, стаканы, пироги и хлѣбъ по столу валяются. Нестройный шумъ почищается смѣхомъ, грубый крикъ, иѣнїемъ, ругательства, шулками, и все сіе сборище буйнствомъ своимъ подобно было Оивейскимъ Лапитамъ и звѣрообразнымъ Ценшаврамъ. При семъ безпорядкѣ одинъ изъ нихъ сильнѣй-

щій всѣхъ своихъ товарищей, говорилъ такимъ образомъ: мы въ городѣ Гипашеѣ весьма храбро и мужественно разграбили домъ Милоновъ, кромѣ великаго сокровища приобрѣтеннаго нашею отважностію, кромѣ того, что всѣ въ цѣлости въ свое жилище возвратились, пришли мы сюда съ осмью излишними ногами, (б) но вы, которые старались производить грабежъ свой въ Беопическихъ городахъ, вы очень слабосильны и малочисленны возвратились, потерявъ храброго своего полководца Ламаха (в), котораго жизнь дороже для меня всѣхъ сокровищъ вами приобрѣтенныхъ, но какъ бы то ни было, онъ погибъ отъ излишней своей отважности и мужества. Имя его будетъ прославляемо равно, какъ имена великихъ

(б) То есть, привели они съ собою Апулея въ видѣ ослиномъ и его коня.

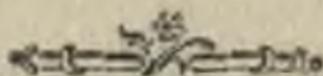
(в) Ламахъ. значитъ *неповѣрчивый*. также всѣ другіе имена, которыя ниже слѣдуютъ, означаютъ точно свойства, и качества какія Апулей приписывалъ разбойникамъ на пр. Хрисеросъ *эаццолубивый*, Алцимъ *сильный*, или *сила* Демохаресъ *любезный народу*. Тразилеонъ *царскій*, Никаноръ *повѣстителъ*.

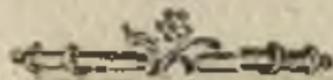
великихъ государей, и знаменишихъ предводителей. Что касается до васъ о благонадежные разбойники и всемѣстные Ламаховы товарищи! вы ни къ чему не можете годиться, какъ только, чтобъ тайно и съ робостію красть вамъ самыя бездѣлки, таскаясь по торговымъ банямъ, и склепаясь по бѣднымъ хижинамъ беззубыхъ старухъ и вдовицъ убогихъ.

Тогда иѣкто изъ числа послѣ пришедшихъ ошвѣтствовалъ такимъ образомъ: или одному только себѣ неизвѣстно, что богатые и многолюдные дома съ меньшимъ трудомъ разграбить можно? ибо хотя въ нихъ премного служителей находится, но всякой изъ нихъ старается лучше сохранить самого себя, нежели господина своего имѣніе.

Но простые и не знамениые люди будучи убоги, или по крайней мѣрѣ припворяясь такими, всегда тщательно хранятъ свое малое снѣжаніе, и защищаютъ его до послѣдней капли своей крови. Сія истина доказана будетъ случаемъ, который мы испытали.

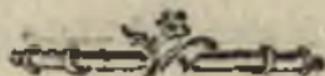

Какъ только вступили мы въ Гре-
 ческій городъ Физы, то и старались
 узнать о богатствѣ гражданъ его: ибо
 сего искусства и сея должности тре-
 буетъ наше ремесло. Мы навѣдались,
 что нѣкто по имени Хрисеросъ имѣетъ
 премножество наличныхъ серебряныхъ
 денегъ, но великое свое богатство съ
 великою хитростію утаиваетъ, боясь,
 чтобъ не опредѣлили его къ публич-
 нымъ должностямъ, или не наложили
 большихъ пощинъ на его сокровище;
 и что для сего не знаясь ни съ
 кѣмъ, живетъ онъ въ уединеніи, до-
 воленъ будучи маленькимъ, но изрядно
 убраннымъ домикомъ. При томъ одѣ-
 ваясь какъ нищей, сидитъ онъ надъ
 мѣшками своими серебромъ и золотомъ
 исполненными, и ни мало не спускаетъ
 съ нихъ очей своихъ. Итакъ мы у-
 говорились навѣспить его прежде всѣхъ:
 ибо зная, что онъ живетъ одинъ, не
 думали, чтобъ какое нибудь сопроти-
 вленіе воспрятствовало намъ похи-
 тить безъ всякаго труда все его богат-
 ство: не теряя времени, при самомъ
 началѣ темноты ночной приступили
 мы къ воротамъ его дому, но мы не
 разсудили за благо поднять ихъ или от-
 ворить

взришь насильно, или изломашь, боясь, чтобъ сильное ихъ паденіе прескомъ своимъ не разбудило сосѣдей на гибель нашу. Тогда не робкій нашъ предводитель, знаменитый Ламахъ надѣясь на свое безспрашное мужество запустилъ руку свою въ скважину замка и не имѣя ключа, старался выдернуть задвижку: но Хрисоросъ лукавѣйшій изъ всѣхъ двуногихъ тварей, всегда бодрствуя надъ своими сокровищами, тихимъ и безмолвнымъ шагомъ неощутительно подошелъ къ воротамъ, и превеликимъ гвоздемъ руку нашего полководца приковалъ къ воротамъ нечаянно, ударивъ по гвоздю палкою съ возможнымъ усиленіемъ; потомъ оставивъ бѣднаго Ламаха, какъ будто на висѣлицѣ, самъ взбѣжалъ на крышку своего мерзкаго дому, и опѣшолъ крича изъ всей мочи и прося помощи у своихъ сосѣдей называя каждого по имени увѣрялъ всѣхъ, что его домъ нечаянно весь окруженъ огнемъ. Сосѣди устрашенные толь блискою и для ихъ самихъ опасноію, бѣгущъ къ нему на помощь со всѣхъ сторонъ.

Тогда

Тогда видя, что намъ, или захваченнымъ должно быть, или оставить своего предводителя на жертву лютымъ гражданамъ, избрали мы самое меньшее зло: ибо Ламахъ по совѣту общему согласился, чтобъ мы отрубили ему пригвожденную руку по самое плечо. Что и совершили немедленно: рука осталась на воротахъ; но плечо Ламахово завезали полотнами на крѣпко, чтобъ текущая кровь не означила нашей дороги, потомъ поднявши его самого къ себѣ на руки пустились мы въ бѣгство.

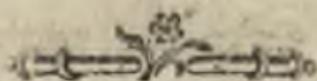
Но какъ спрашась возмущенныхъ гражданъ и не минуемой гибели ужасаясь, бѣжали мы спремительно; но Ламахъ, сей великодушный и безстрелешный мужъ не въ силахъ будучи за нами послѣдовать, и не хотя шакже остаться на жертву непріятелямъ, просилъ насъ всѣхъ, убѣждая и увѣщевалъ самымъ чувствительнымъ образомъ, заклиная при томъ десницею побѣдоноснаго Марса, (г) и шюю вѣрностію, копорою

(г) разбойники почитаютъ своимъ покровителемъ Марса. Но воры, которые тайне ирадутъ, признаютъ своимъ богомъ Меркурія.

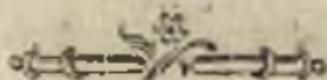
которою мы обязаны другъ другу, чтобъ мы его, какъ храбраго своего спутника избавили отъ мученія и отъ плѣну. Какъ можетъ, говорилъ онъ, храбрый разбойникъ жить еще на свѣшѣ, лишившись мысцы, которою онъ споль неуспрашимо похищалъ и закалалъ? впрочемъ неприятна ли смерть, не благополученъ ли конецъ жизни моей будетъ, когда умру пронзенъ мечемъ своего сотрудника? но видя, что никто изъ насъ на прозьбу его не соглашается, и не дерзаетъ осквернить себя хладною полководца своего кровію, беретъ онъ самъ оставшеюся рукою мечъ свой, и облобызавъ спокрашно, вонзаетъ его безъ шрепета во внутренность своего сердца. Удивляясь великодушію и отважности своего знамениаго предводителя, и обвертѣвъ его тѣло бѣлымъ полотномъ, предали на сохраненіе морскимъ (д) волнамъ; итакъ нашъ Ламахъ имѣетъ

(д) Разбойникамъ не можно было бросить въ море Ламахово тѣло; ибо Шивы далеко отстоятъ отъ моря, но должно разумѣть, что они бросили его въ рѣку Исмену, которая втекаетъ въ море, и потому можеть перенестъ въ него сіе тѣло.

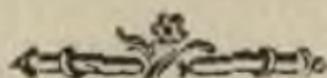

имѣлъ себѣ гробомъ всю сію пространную стихію, окончавъ геройскою смертію печеніе своей знаменитой жизни.

Что касается до Алцима, хотя онъ во всѣхъ предпріятіяхъ поступалъ благо-разумно и осторожно, не могъ однако предвидѣть и отвратить несчастной своей участи. Ибо разломавъ ночью маленькій домикъ одной старухи, и вбѣжавъ въ верхній покой, вмѣсто того, чтобъ ее сперва заколоть, началъ онъ прежде все ся имѣніе бросать къ намъ въ окошко. Опустошивъ такимъ образомъ весь домъ и не хотя оставить въ покоѣ спящую старуху, успремился онъ къ ней и повергнувъ ее съ кровати на полъ, ухватилъ одѣяло, хотя его также къ намъ бросить, но сія старая мерзавица обнимая Альцимовы колѣни, для чего дитя мое говоритъ ему, для чего скудное бѣдной старухи имѣніе отдаешь богатымъ сосѣдямъ, которыхъ дома прямо стоятъ противъ моего окна? Альцимъ обманушій сею хитростію, почиталъ рѣчь старухину справедливою, и боясь, чтобъ все имъ брошенное, и что еще бросать намъренъ не попало въ самой вещи кому другому

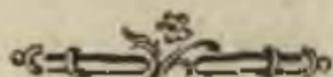

тому въ руки, а не его товарищамъ побѣжалъ къ окну, и высунулся изъ него до половины тѣла, чшобъ видѣть все что дѣлается, на улицѣ и особливо, чшобъ примѣнить богатый сосѣдній домъ, о которомъ говорила старуха. Но когда онъ на всѣ стороны смотрѣлъ съ великимъ вниманіемъ безъ всякой впрочемъ въ разсужденіи себя осторожности, то сія проклятая старуха слабымъ, но нечаяннымъ и не ожидаемымъ усиленіемъ низринула бѣднаго Альцима на улицу, и тѣмъ способѣе удалось ей свое злодѣяніе исполнить, что Альцимъ выставившись до половины тѣла въ окно былъ точно на перевѣсѣ. Поверженъ съ чрезвычайной высоты и упавши на большой подъ окномъ лежащій камень переломалъ онъ себѣ ребра и всѣ кости; изливая ручьями кровь изъ своей горпани, умеръ онъ безъ долговременнаго мученія, рассказавъ только намъ все, что съ нимъ случилось въ домѣ проклятой старухи; мы предали его также морскимъ волнамъ, чшобъ былъ онъ вѣрнымъ спутникомъ Ламаку.

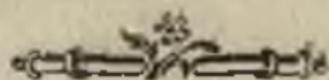
Смертію сихъ столь храбрыхъ мужей сила наша весьма умалилась, и мы не хотя уже больше ничего предпринимать въ Фивахъ, отправились въ ближній городъ Плашею, гдѣ нашли одного знаменитаго и славнаго человека именемъ Демохареса, который готовился представить народу, разныя игры и зрѣлища: ибо онъ происходилъ отъ знатнаго поколѣнія, несчетное имѣлъ богатство, любилъ великолѣпіе, былъ щедръ и потому достойныя своего состоянія, и своей породы, представлялъ торжественныя утѣхи. Но гдѣ можно обрѣсть столь обильный въ замыслахъ разумъ, и столь витійственный языкъ, которой бы могъ достойно изобразить и описать всѣ прѣуголовленія для сего торжества? Здѣсь множество стоишь храбрыхъ бойцовъ, тамъ видны быстрые и проворные ловцы, индѣ преступники осужденные на смерть, готовятъ себя въ пищу свирѣпымъ звѣрямъ. Здѣлана была великая деревянная машина стоящая на колесахъ и на всѣ стороны обращающаяся, на подобіе движущагося дому. Она была украшена различною живописью, и все, что нужно было для

пред•

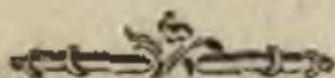
представленія ловли звѣриной, все въ ней заключалось. Впрочемъ кто изчислилъ великое множество различнаго рода дикихъ звѣрей? Ибо Демохаресъ во всѣхъ мѣстахъ старался покупать сіи живые для несчастныхъ преступниковъ гробы. Но изъ всѣхъ приутопленій, которыя нужны были для великолѣвія торжественнаго, всего больше стоили Демохаресу медвѣди, которыхъ онъ имѣлъ весьма много и величины чрезвычайной: ибо кромѣ пойманныхъ на охотѣ собственными его ловцами, и кромѣ купленныхъ ошъ прочихъ за дорогую цѣну, пріятели его присылали въ подарокъ ему великое множество такихъ медвѣдей, и онъ всѣхъ ихъ кормилъ тщательно, истощевая свое имѣніе. Однако столь пышныя для торжественныхъ зрѣлищъ приутопленія, не могли сокрыться отъ завистливыхъ очей упрямаго щастія: ибо сіи медвѣди ослабѣвши отъ всегдашней неволи и плѣну, изнемогая отъ зноя лѣтняго, и не имѣя никакого движенія, вдругъ заразились нечаянною и прилипчивою язвою и почти всѣ издохли. Вездѣ по улицамъ видимы были шрупы сихъ лютыхъ

Часть. I. I звѣ.

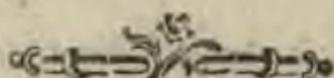

звѣрей, многіе изъ самыхъ бѣдныхъ и убогихъ людей привыкшіе питаться всѣмъ, что имъ не попадетъ, и сколь бы по тнуско ни было; прибѣгали къ симъ шрупамъ и уносили ихъ къ себѣ въ дома, чтобъ утолить мучительный свой голодъ: сіе самое подало случай мнѣ и Бабулу, котораго здѣсь видите, употребить хитрость неслыханную: ибо издохшую на улицѣ медвѣдицу, которая была всѣхъ выше и толще, взяли мы къ себѣ домой какъ бы для пищи; сняли съ нее кожу весьма искусно, но когти и голову до самой шеи оставили съ кожею, которую сверхъ того выгладили и посыпавъ не много перломъ положили на солнце; но когда жаръ его лучей высушалъ и готовилъ се для нашего предпріятія; мы пишались между тѣмъ мясомъ сего животнаго, выбирая мягкія части. Пои́омъ намѣреніе свое общимъ утвердили совѣтомъ: чтобъ одинъ изъ насъ не такъ на тѣлесныя силы, какъ на душевное мужество и отважность упоая, одѣлся по волѣ своей въ медвѣжью кожу, и представляя точнаго медвѣдя, приведенъ былъ нами

въ

въ домъ Демохаресовъ, и во время тихой ночи отворилъ бы намъ свободно ворота сего богача. Для исполненія шодь отважнаго и геройскаго подвига многіе изъ насъ объявили свое желаніе: однако Тразилеонъ будучи всѣми единогласно избранъ, охотно и съ радостнымъ лицемъ одѣвается въ сію кожу, которая была мягка, и поэтому свободно ему было на всѣ стороны обращаться. Мы его зашили въ ней весьма искусно, принаравливая сію обнову ко всѣмъ частямъ его шѣла, и хотя шовъ, которой мы спачали, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ виденъ; но мы не преминули на лѣ мѣста опустить шерсть съ обоихъ боковъ. Голову его вложили ему въ шею медвѣдицы до самой головы сего звѣря, пошомъ прошивъ глазъ и носу его прорѣзавши скважины, чтобъ можно ему было видѣть и дышать свободно, пустили мы его въ сей теплой одеждѣ въ одинъ шалашъ, который купили за малую цѣну. Тразилеонъ вбѣжалъ туда съ бодростію, какъ должно доброму медвѣдю. Сію начашую нами хипирость окончили мы симъ образомъ.

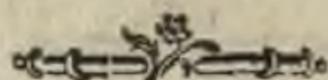

Навѣдавшись, что есть нѣкто Оракійскій житель, именемъ Никаноръ шѣсными дружества узами соединенный съ Демохаресомъ; сочинили мы ложное письмо, въ которомъ изъяснили, что сей другъ посылаетъ Демохаресу первый опышъ своей звѣриной ловли, дабы сдѣлать честь торжественному зрѣлищу, которое намѣренъ онъ представить народу. Приближеніе ночи споспѣшествовало нашему намѣренію. Мы принесли письмо сіе и въ Демохаресу, и представили ему шалашъ, въ которомъ находился Тразилеонъ. Удивляясь величинѣ сего звѣря, и восхитясь радостію, получивъ споль изрядный и любезный подарокъ отъ своего друга, приказалъ онъ немедленно своему расходчику, чтобъ выдать намъ десять залопыхъ въ награжденіе.

Но какъ люди отъ природы весьма склонны, чтобъ видѣть какую нибудь новость и рѣдкія случаи; то и собралось вокругъ сего звѣря великое множество народа. Удивляясь ему и смощря на него со вниманіемъ. Нашъ умный Тразилеонъ, безпокоясь любопыт-

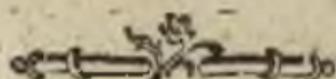

пытствомъ ихъ глазъ, умѣлъ искусно прогнать ихъ отъ себя, хотя по видимому съ яростію на нихъ устремиться. Всѣ предстоящіе называютъ Демохареса счастливымъ, что онъ лишившись многихъ медвѣдей, получилъ наконецъ такого, который одинъ можетъ замѣнить всѣхъ, и наградишь убытокъ причиненный ему нечаяннымъ случаемъ. Въ ту же минуту приказываетъ онъ оповести сего медвѣдя въ свою деревню. Но я, чтобъ предупредить исполненіе воли его: Милосливый государь, говорю ему, не должно звѣря сего дальнымъ путемъ и солнечнымъ упомлять жаромъ, и помѣщать въ одно мѣсто съ другими вашими медвѣдями, которые, какъ я слышалъ, прилипчивою заражены болѣзнію; но лучше по моему мнѣнію, оставишь его у себя въ домѣ, и дашь мѣсто пространное, гдѣ бы воздухъ былъ чистой, и также вода для прохлады. Ибо тебѣ извѣстно, что такого рода звѣри живущъ всегда во влажныхъ берлогахъ, въ густомъ лѣсѣ, и по большей части въ холодныхъ краяхъ, и любящъ обыкновенно купаться въ чистыхъ источникахъ.

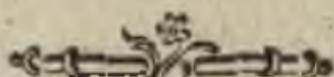

Демохаресъ такимъ совѣтомъ убѣжденный, и разсуждая, сколь многихъ медвѣдей лишился онъ по несчастію, охотно согласился на мое предложеніе, и далъ намъ на волю выбрать въ домъ его мѣсто самое способнѣйшее для сего новаго медвѣдя. Но и мы также, говорю я ему, обѣщались ночевать всегда близъ сего мѣста; чшобъ звѣрю сему отъ солнечнаго зноя и дальнаго пуши упомленному въ обыкновенные часы подавать надлежащую пищу и пойло. Я увольняю васъ отъ такого труда, отвѣтствуетъ намъ Демохаресъ: ибо во всемъ моемъ домѣ ни одного человека почти нѣтъ, который бы не зналъ, какъ поступать съ медвѣдями; всѣ мои люди чрезъ долгое съ ними обращеніе весьма къ нимъ привычны. Послѣ чего простившись съ Демохаресомъ мы удалились.

Выступивъ за городскія ворота, увидѣли мы кладбище въ пустомъ и отдаленномъ отъ большой дороги мѣстѣ: и такъ намѣреваясь сокрыть въ немъ добычу, которую мы надѣялись получить вскорѣ, приближаемся къ нему и раскрываемъ ветхіе гробы,

содержащіе въ исплѣннн только прахъ и кости мертвецовъ. Наконецъ по обыкновенію нашему въ такихъ случаяхъ, въ самую мрачную полночь, когда сладкій сонъ на всѣ человѣческія чувства налагаетъ свои оковы, собралися мы въ одно мѣсто, и вооружившись храбро присупили къ Демохареву дому. Тразилеонъ со стороны своей споспѣшествуя нашему намѣренію, выбѣгаетъ изъ своего шалаша, немедленно мечъ его усыпляетъ навсегда стражей; которые близъ его спали, приворошникъ равной подвергнулся участи, отъ котораго онъ взявши ключи, опираетъ намъ ворота. Мы всѣ вбѣгаемъ стремительно, Тразилеонъ показываетъ намъ кладовую, въ которой, какъ онъ видѣлъ, положено было въ прошедшій вечеръ весьма много серебра: дверь сея комнаты не долго прошивилась соединеннымъ нашимъ силамъ. Я приказываю своимъ поварамъ, чтобъ взявши столько золота и серебра, сколько кто унести можеть, бѣжали съ поспѣшностію на кладбище и тамъ опдавши на сохраненіе мертвецамъ, надѣясь на вѣрность ихъ и молчаніе, возвращались обратно для

окончания подвига: и что для общей безопасности я самъ спану къ воротамъ дому, дабы на все сморгнѣть со вниманіемъ, пока они не возвращаются: ибо въ разсужденіи внутренности покоевъ мнимый медвѣдь для устрашенія всѣхъ домашнихъ, естли которые по случаю тамъ не спятъ, казался мнѣ всего надежнѣе. И по истиннѣ, какой бы человѣкъ, сколько бы онъ впрочемъ храбръ и безпрепятенъ ни былъ, увидѣвъ ночью столь великаго и свирѣпаго звѣря, не утрашился и не побѣжалъ спремительно, чшобъ заключиться отъ него въ своемъ покоѣ. Столь искусно и хитро расположа свое предпріятіе, не избѣгли мы однако несчастнаго случая: ибо когда стоя у воротъ, ожидалъ я нетерпѣливо своихъ товарищей, одинъ негодной слуга, обезпокоенный спухомъ, вышелъ весьма тихо, увидѣвъ, что страшный звѣрь бѣгаетъ по всему дому, воропился назадъ безъ всякаго шума и рассказалъ всѣмъ свое приключеніе. Въ минуту весь домъ освѣщенъ былъ огнемъ, и явилось великое множество служителей: они немедленно вооружась мечами, рогашинами и копьями заградили

дили собою всѣ проходы, въ которые можно было выбѣжать и пустили собакъ ловчихъ на сего звѣря. Тогда узнавъ, что шумъ и смятеніе въ домѣ усугубляется, удаляюсь я съ поспѣшностію за ворота, и пришаясь смотрю, какъ послунытъ съ любезнымъ нашимъ медвѣдемъ. О сколь мужественно сопротивлялся онъ свирѣпости псовъ: ибо находясь при самыхъ вратахъ смерти, не забылъ онъ своего прежняго великодушія и славы; не зашмѣвалъ чести своихъ товарищей, но поражалъ храбро отперстыя Церберовы челюсти, припомъ не измѣняя ни мало должности медвѣдя, которую онъ самовольно на себя принялъ, иногда убѣгалъ, иногда пошуплялъ свою голову, и столько различныхъ оборотовъ и движеній дѣлалъ, что наконецъ удалось ему выбѣжать изъ дому. Не получивъ свободу, не могъ онъ бѣгствомъ своимъ избавиться отъ смерти: ибо соседніе собаки въ великомъ множествѣ присоединились ко псамъ Демохаресовымъ и всѣ они купно ожесточались противъ мнимаго медвѣдя. Какое жалостное и печальное зрѣлище, видѣшь Тра-

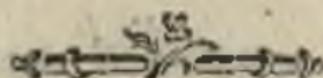

зилеона столь многими непріятельми
окруженна и терзаема на части!

Наконецъ не могли я преодолѣть
и сокрыть печали своей, вмѣшиваюсь въ
толпу народа и не имѣя другаго сред-
ства, чтобъ помочь своему товарищу,
обращаюсь ко всѣмъ, которые ожесто-
чили противъ него своихъ собакъ; и
увѣщаваю такимъ образомъ: какое зло-
дѣйство, какое безуміе погублять на-
прасно столь великаго и столь драго-
цѣннаго звѣря: но кипрія мои слова
и совѣты не помогли ни мало несчаст-
ному юношѣ: ибо одинъ изъ Демохаресовыхъ
служителей, человекъ силь-
ный и здоровый выбѣжавъ нечаянно
изъ дому, пронзилъ копьемъ медвѣдя
сего въ самое чрево, ему подражаетъ
и другой слуга; въ минушу и прочіе
опложа страхъ усшремляюся и пора-
жаютъ мнимаго звѣря мечами. Однако
Тразилеонъ, честь нашего сообщества,
вооружась бодростію вѣчныхъ похвалъ
достойною не колеблется въ своемъ
твердомъ постоянствѣ, и не хочетъ
жалостнымъ голосомъ, или плачевнымъ
крикомъ открыть нашей тайны; но
будучи терзаемъ, и разными уязвля-
емъ

вмѣ орудіямя рыкаешѣ и ревешѣ, какѣ истинный медвѣдь, и съ геройскою храбростію претерпѣвъ всѣ мученія испускаешѣ духъ свой, оставя безсмертную оимени своемѣ хвалу и славу. Впрочемѣ толь великой ужасѣ и препешѣ овладѣлъ всѣмѣ народомѣ при семѣ случаѣ бывшимѣ, что до самаго разсвѣту и почти до половины дня никто не отважился и перстомѣ прикоснуться къ сему храброму звѣрю; кромѣ одного мясника, который будучи смѣлѣе прочихѣ тихимѣ шагомѣ, и съ боязнію подошелѣ къ нему и разрѣзавѣ брюхо; и вмѣсто ужаснаго медвѣдя показалѣ народу знаменитаго и безпрепешнаго разбойника. Такимѣ образомѣ лишились мы Тразилеона, котораго слава Впрочемѣ не затмилась въ вѣчное потомство. Напоследокѣ взявши все приобрѣщенное богатство сохраненное молчаніемѣ мертвецовѣ, удалялись мы съ возможною скоростію отѣ города Плаши; разговаривая между собою на пути, что вѣрность и храненіе пайны совсѣмѣ оставило живущихѣ въ свѣтѣ и ненавидя ихѣ вѣроломства преселилось во гробы мертвыхѣ. Итакѣ утремясь отѣ тягостныхѣ бремени и отѣ

отъ дальнаго пути утрудившись, ли-
шась впрочемъ проихъ соупниковъ,
пришли мы сюда съ сею добычею, ко-
торую вы предъ собою видите.

По окончаніи разговора начали
разбойники изъ золотыхъ сосудовъ
пить вино въ память убишихъ своихъ
поварищей, принося имъ вино сіе на
жертву; пошомъ воспѣвши неспройную
пѣснь Марсу, успокоились на нѣсколько
времени. Старуха намъ дала столь
много овса, что конь мой сѣвщи
мою и свою долю, былъ такъ дово-
ленъ, какъ будто бы онъ ужиналъ
съ Салійскими (е) жрецами, но я,
хотя любилъ жевать толченой овесъ,
какъ обыкновенно дѣлаютъ люди,
однако

(е) Салійскіе жрецы служили богу Марсу,
Слово Салійскій происходитъ отъ Латин-
скаго слова *Salo* сначу, пляшу: ибо они
обыкновенно плясали, когда приносили
Богу сему жертвы; весь народъ почи-
талъ сихъ жрецовъ, и приносилъ имъ
разные подарки, чтобъ они могли велико-
лѣпные представлять пиршества и обѣды.
У древнихъ великолѣпный обѣдъ, или у-
жинъ назывался обѣдомъ Салійскимъ
Смотр, Гор, кн. 3. сд. 37.

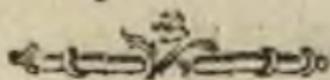

однако насыпанной шарухою былъ нешаковъ, и я безъ всякаго сомнѣнія оставя его удалился въ одинъ уголъ, гдѣ увидѣвъ корзины съ хлѣбами, которыя остались отъ вчерашняго ужина, началъ утолять свой голодъ съ великою жадностью.

Ночного времени уже довольно протекло; разбойники оставяютъ сонъ и готовятся въ дорогу. Иные изъ нихъ вооружась мечами, другіе принявъ на себя виды страшныхъ привидѣній, отправились вмѣстѣ на промыселъ; но я хотя весьма отягощаемъ былъ сномъ, не переспавалъ однако бсть съ прежнею жадностію, и что всего удивительнѣе, будучи еще Луціемъ насыщался я обыкновенно однимъ хлѣбомъ; но тогда соотвѣтствуя, какъ видно, пространству ослинаго желудка опорожнявалъ претію корзину съ хлѣбами; я весьма изумился, что наступившій день засталъ меня въ такомъ полезномъ упражненіи. Наконецъ, хотя съ принужденіемъ, однако съ стыдливостію приличною учтивому ослу, оставилъ я пицу, и пошелъ къ ближнему источнику для утоленія своей жажды.

Не много спустя времени разбойники возвращаются назадъ съ послѣвностию и въ великомъ смущеніи; они съ собою не имѣли никакой добычи, ниже самой раздранной одежды; но только обнаживъ свои мечи и употребляя общее усиліе влекли одну дѣвицу, которая, какъ можно было видѣть, отъ знаменитой происходила крови, и впрочемъ столь прекрасна, что я будучи осломъ не могъ въ нее не влюбиться. Она была смущенна, опчаянна, терзала свои одежды, и рвала на головѣ своей волосы: Когда всѣ они вошли въ свою пещеру, то начали утѣшать ее, представляя, что безъ причины она въ семъ состояніи печалилась и рыдаетъ. Не бойся ничего любезная, говорили ей, жизнь и честь твоя въ безопасности, ободрись великодушіемъ на нѣсколько времени, доколѣ похищеніе твое не принесетъ намъ какой нибудь прибыли. Убожество и нужда причиною такого ремесла, въ какомъ мы упражняемся; родилели твои несчетное имѣя богатство, не смотря на скупость, кою рою они заражены не умедлятъ дочь свою, какъ истинную свою кровь, до-
стой-

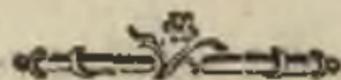
тѣдойною выкупить цѣною. Сіи утѣшенія были недѣйствительны и не могли нимало уменьшать печали, въ которую погружена была несчастная дѣвица. Она преклонивъ свою голову на колѣни сѣнала и слезные проли-вала источники. Разбойники призвавъ старуху, приказали ей сидѣть близь дѣвицы, и сколь можно ласковыми утѣшать ее словами; попомъ сами оправились на свой промыселъ. Но всѣ убѣжденія, всѣ пріятныя рѣчи, и хитрости улоупреждаемыя старухою были тщетны; юная особа тягчае прежняго возды-хая изъ глубины своего сердца, усугубляла свой плачь столь жалкимъ и чувствительнымъ образомъ, что я не могла преодолѣть себя, проливалъ изъ очей своихъ слезы. Увы! говорила она, сколь я несчастна, и подъ какимъ злобнымъ родилась созвѣдіемъ. Похищена будучи изъ дому своихъ родителей столь почтенныхъ и любезныхъ, удалена отъ всѣхъ сродственниковъ, отъ всѣхъ вѣрныхъ мнѣ служителей, здѣлавшись рабою и плѣнницею, заключенная въ сей каменной пещерѣ, лишенная всѣхъ веселостей и заба-
валъ,

бавѣ, въ которыхъ я рождена и воспитана, и каждую минуту ожидая себѣ смерти, живя посреди шоль безчеловѣчныхъ разбойниковъ; въ такомъ печальномъ, говорю, состояніи могли ли я жить на свѣшѣ, могли ли удержать слезъ моихъ попоки? Оплакивая такимъ образомъ несчастный свой жребій, и утоляясь наконецъ отъ плагостныхъ воздыханій сомкнула она свои томныя очи, и уснула усилію сна. Не много протекло времени, и она вдругъ пробудившись какъ изумленная и вся виѣ себя начинаетъ рыдать и стенать еще больше прежняго, ударяя при томъ въ свою грудь и обезображая свое прелестное лице. И когда старуха убѣдительно спрашивала у ней причины сея новыя и горестнѣйшія печали, несчастная дѣвица отвѣчала ей съ плачевнымъ стономъ: увы! я погибла, я погибла не возвратно, я не вижу никакого убѣжища и надежды къ спасенію, кинжалъ, или мечь или другое смертное орудіе должна я употребить для пресѣченія своей жизни и своихъ напастей.

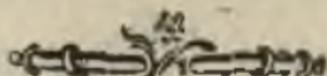
Тогда старуха исполняясь гнѣва и показывая свирѣпый видъ говоритъ

не-

несчастной дѣвицѣ, изъясни мнѣ непременно слезъ твоихъ причину; для чего успокоившись пріятнымъ сномъ начинаешь опять рыдать и наполняешь воздухъ своимъ воплемъ? или ты хочешь сею хитростию лишить молодыхъ моихъ благодѣтелей того сокровища, которое они получить могутъ за твой выкупъ? знай, если ты не престанешь плакать, то не смотря на твои слезы, которыми весьма рѣдко смягчаюся разбойники, сождемъ тебя живую. Юная дѣвица у страшенная сими угрозами беретъ у старухи руку и лобызая, говоритъ: сжаляся надо мною, любезная родительница, и сохранивъ чувствіе человѣческое соболѣзуй о моемъ плачевномъ состояніи, вспомождь мнѣ въ горести моей; ибо я не могу повѣрить, чтобъ ты достигши почтенной старости, изгнала изъ сердца своего всю жалость и чувствительность къ несчастнымъ. Удостой выслушать повѣствованіе о моемъ злоключеніи. Одинъ молодой и пригожій юноша рожденный отъ значной крови и столь любезный, что всѣ граждане почитали его, какъ собственнаго своего сына, впрчемъ мой ближній сродствен-

Часть. I. К никъ,

никъ, и старѣе меня только прѣмь
 лѣтами, воспященный со мною съ мла-
 денчества въ одномъ домѣ, имѣвши
 одно со мною непорочное ложе, и ко-
 тораго вѣрность уже давно была миѣ
 обѣщана по согласію нашихъ родителей,
 которые запечатлѣли уже нашу взаим-
 ную клятву и готовидись совершить брач-
 ные наши узы; сей говорю юноша окру-
 женъ великимъ множествомъ своихъ и
 моихъ сродственниковъ, приносилъ во
 храмъ поржественныя богамъ жерп-
 вы, и весь нашъ домъ украшенъ былъ
 лавровыми вѣтвями, озаренъ брачными
 огнями, исполненъ радостнымъ гла-
 сомъ пѣсней въ честь нашему Гименею
 воспѣтыхъ; моя родительница держа
 меня въ своихъ объятіяхъ украшала
 меня брачнымъ одѣяніемъ, обнимая и
 цѣлуя стократно; она пролиwała моль-
 бы свои къ небесамъ, надѣясь увидѣть
 возжеланный плодъ моего брака; но
 какая нечаянная переменна? вдругъ я-
 вилось великое множество разбойниковъ
 съ мечами обнаженными и готовыми
 къ сраженію. Она не простирающъ
 рукъ своихъ на убійство, или хище-
 ніе, но соединившись вмѣстѣ, устре-
 мляющся въ нашу спальню и безъ ма-
 лѣ-

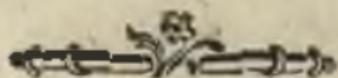

явшаго съ нашей стороны сопротивле-
нiя и домашнихъ служителей, испор-
гли меня отъ обвiнiй матернихъ по-
чти полумертву отъ ужаса. И такъ
нашъ бракъ возмущенъ подобно браку
Пиритоя и Гипподами. Но что всего
несноснѣе, сіе мое несчастіе обновляет-
ся и усугубляется еще мучительнымъ
сномъ, который я теперь видѣла: ибо
мечталось мнѣ, что изъ своего дому
изъ брачнаго чертога, и съ Гимнеева
ложе влекома будучи насильно чрезъ
степи и пустыни призывала я къ себѣ
на помощь своего несчастнаго жениха,
казалось мнѣ, что онъ лишившись мо-
ихъ обвiнiй, бѣжалъ съ поспѣшностію
во слѣдъ моимъ хищникамъ, изливая
благовонный по стезямъ своимъ Нек-
таръ, и увѣнчанъ брачными еще цвѣ-
тами; и когда онъ просилъ помощи
отъ народа, свидѣтельствую, что по-
хищаютъ у него прекрасную невѣсту,
то одинъ изъ разбойниковъ досадуя
на сей вопль, ухватилъ тяжелый ка-
мень лежащій на дорогѣ и поразивъ
имъ моего любезнаго жениха въ нѣж-
ную грудь, бездушна повергъ на землю.
Симъ мечтаніемъ устрашенная, воспря-
нула я отъ сна во ужасъ. Тогда ста-

руха слезамъ молодой дѣвицы соотвѣшствуя воздыханіями; говорила ей такимъ образомъ: будь великодушна, любезное чадо, не безпокойся призраками сонныхъ мечтаній: ибо дневныя сновидѣнія почитаются опъ всѣхъ ложными и щетными; а сны мечтающіеся намъ во время ночи значатъ иногда совсѣмъ прошивные себѣ случаи; на примѣръ слезы, наказаніе и самая смерть бываетъ иногда предзнаменованіемъ какого нибудь щастія, напроливъ того, смѣхъ сладкія пищи, веселости и любовные восторги предвѣщаютъ намъ печаль, болѣзнь и другія злосключенія. Но я твое предчувствіе и страхъ уничтожить хочу пріятностію моея повѣсти. Внимай днѣя мое.

Въ одномъ пространномъ градѣ жилъ Царь съ своею супругою; они имѣли у себя трехъ дочерей красоты совершенной; но двѣ изъ нихъ старшія сколь ни были прелестны, однако человѣческія уста могли своимъ вѣнчаніемъ достойныя пріятностямъ ихъ соплетать хвалы; что касается до младшей ихъ сестры; ея красота

бога была столь удивительна и и чрезвычайна, что всякое смертнаго языка парящее витійство было слабо и не достаточно, чтобъ описать ея и приличными превознести хвалами. Граждане и многіе чужестранцы привлеченные славою къ сему прелестному зрѣлищу съ воспоргомъ и изумленіемъ взирали на блескъ ея красоты не держа ни мало къ ней приблизиться. Они приложивъ къ устамъ своимъ правую руку и первый палецъ положи на простертый указательный перстъ (ж) поклонялись сей царицѣ, какъ самой Венерѣ съ благоговѣніемъ. Уже слава пролетѣла во всѣ ближніе грады и въ сосѣднія страны, что богиня рожденная во глубинѣ лазореватаго моря, и воспитанная въ пѣнистыхъ его волнахъ, оставивъ небесныя селенія спустилась на землю и между смертными обращается: или что вторично, уже не море, но земля содѣйствіемъ небесныхъ свѣтилъ другую Венеру неприкосновеннымъ цвѣтомъ дѣвства украшенную на свѣтъ породила. Се мнѣніе, сей

К 3

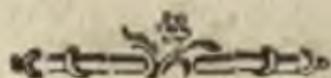
слухъ

(ж) Такимъ образомъ язычники поклонялись богамъ.

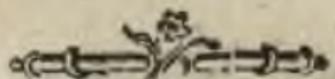
слухъ вседневно усугублялся по всѣхъ странахъ и проходилъ во всѣ почти концы земные. Уже многіе изъ смертныхъ преодолевая трудный и долговременный путь, препобѣждая шумящія волны, и всѣ опасности, притекали во градъ сей, чтобъ видѣть славу и украшенія ихъ вѣка. Уже никто въ Пафосъ, или въ Книдъ не путешествовалъ; никто въ Цитерскіе предѣлы по волнамъ морскимъ не плавалъ для принесенія чести Венерѣ. Ея жертвы пренебрежены, храмы опустѣли, всѣ украшенія въ поспраніи, и всѣ обряды священныя оставлены; ея статуи неувѣнчаны благоуханными цвѣтами, ея олтари, покрыты хладнымъ прахомъ. Къ единой царевнѣ проливаются мольбы, и рождающая Купидона чтится только во образѣ смертной дѣвицы, которая въ утренніе часы являясь, взирала на закланныя въ честь себѣ жертвы и на уготованныя пиршества: народъ думалъ, что чрезъ сіе умилоствяляетъ онъ отсутствующую богиню красоты. Когда Царевна шествовала по стогнамъ града, всѣ спекались во кругъ ея, растилая по стезямъ мягкія и благозонныя травы, всѣ съ благого-

вѣ-

вѣніемъ повергались предъ нею прино-
ся въ честь ея розы и лилен.

Син божественныя почести возда-
ваемая смертной дѣвѣ воспламенили
ревность въ Венерѣ: она кипя гнѣвомъ
и потрясая своею главою рекла сама
себѣ съ негодованіемъ: Какъ я? ошѣ
которой вся природа и всѣ стихіи
имѣютъ свое начало, которою вся про-
страннаго свѣта громада содержится,
я раздѣлю честь моего величества со
смертной дѣвою? Мое имя освященное
на холмахъ Олимпа должно ли пору-
гано быть въ земной юдоли? Какъ!
дщерь Царская подвластная законамъ
смерти почтется моимъ зеркаломъ?
Могули понестъ, чшобѣ смертныя
сомнѣвались, ей, или мнѣ должны при-
носить они мольбы и жершвы? Или
вопще премудрый пастырь, котораго
правый судъ запечатлѣнъ согласіемъ и
хвалою самаго Юпитера, или вопще
предпочтиаъ мою красоту красотѣ Юно-
ны и Минервы? Но кто бы ни была сія
смертная, она не долго насладится че-
стію одной только мнѣ приличною. Я
употреблю въ свою помощь мое могу-
щество, и она скоро сожалѣтъ и ра-

скаегагься буденъ о евоей преступной красотѣ. Въ шуже минуту призываетъ къ себѣ Венера своего сына: сего крылатаго младенца, исполненнаго дерзости и порочныхъ намѣреній, который вооружася пламенникомъ и стрѣлами, презирая всѣ права и законы гражданскіе и летая изъ дому въ домъ подъ крылами темной ночи, разрываетъ брачныя узы, и всѣ свои мысли и предпріятія къ злодѣйству обращая, не боясь никакого мщенія и казни, несчетныя творитъ беззаконія. Сего младенца отъ природы склоннаго ко злости и продерзости не преминула Богиня Цитерская воспламенить и ожесточить еще больше противъ прекрасной дѣвицы: она прелетѣвъ съ нимъ во градъ, въ которомъ находилось (з) Психея, (такъ называлась младая Царевна) показала ему сію красавицу и объявля всю ревность и досаду, которою терзаетъ ее сія смертная дѣвица; сынъ мой: говоритъ ему воздыхая, любезный мой сынъ,

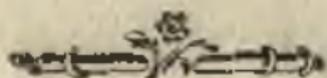
(з) Въ подлинникѣ рѣше отъ Греческаго слова ψυχη, что значить душа.

сынѣ , отмсти безчестіе своей матери ,
но отмсти совершенно , пролей твой
гнѣвъ на смертную , которую столь
безстыдно дерзаютъ равнять со мною ;
я себя закидаю въ томъ матернею
нѣжностію , сладостными стрѣль тво-
ихъ язвами , и пріятнымъ огнемъ тво-
его пламени , отмсти мой стыдъ и
содѣлай властію своею , что мнѣ всего
желашельнѣе , чтобъ сія дѣвица во-
спылала не угасимымъ пламенемъ люб-
ви къ самому презрѣнному изъ всѣхъ
смертныхъ , который бы столько
былъ убогъ , подлъ , несчастенъ и
обремененъ всякаго рода бѣдствіями ,
чтобъ никого во всемъ свѣтѣ , не бы-
ло его злополучнѣе , и чтобъ наконецъ
каждую минушу спрашивался онъ ли-
шиться своей жизни . По сихъ словахъ
облобызала она съ горячностію своего
сына и устремилась ко берегу моря .
Какъ только нѣжныя и бѣлѣйшія мрамора
стопы ея коснулись поверхности
зыблющихся волнъ , немедленно еди-
нымъ ея мановеніемъ отверзается мор-
ское дно , и , какъ будто уже давно возвѣ-
щено было ея пришествіе , изходятъ
изъ глубины для услугъ ея водные
жиители .

Дщери Нереевы приближась поютъ
 вѣдныя въ честь богинѣ пѣсни, и
 сладостный ихъ гласъ разливается въ
 струяхъ пѣнистыхъ. Портуиъ гордя-
 щійся предлинною лазоревою брадою
 преклоняетъ свои колѣна и унижается
 предъ нею. Салація обременивъ нѣдро
 своею одеждою рыбами, исходитъ изъ
 глубины морскія, неся ихъ въ даръ
 своей богинѣ; юный Палемонъ возсѣвъ
 на быстраго Дельфина скачетъ предъ
 лицомъ Венеры разсѣкая волны и готовя
 путь ея шествію. Трипоны плаваютъ
 во кругъ ея въ безчисленномъ множествѣ;
 иной трубитъ въ рогъ изъ чистой
 раковины составленный; другой подъ-
 емлетъ шелковый покровъ и осѣняетъ
 имъ главу богинину, отражая отъ нея
 зной лучей солнечныхъ, иной кристаль-
 ное зеркало представляетъ ея взору,
 дабы она созерцала въ немъ свои пре-
 лести; иные соединенными силами
 споспѣшествуютъ колесницы ея спре-
 мленію. Въ такой великолѣпной пышно-
 сти шествовала Циперская богиня къ
 державному Нептуну.

Но прекрасная Психея отъ изящ-
 ныхъ своихъ прелестей не имѣла себѣ
 никакого

никакого удовольствія. Всѣ стремятся на нее взирать, всѣ превозносятъ ее хвалами, но не было ни Царя, ни Князя ни самаго подлаго человѣка, который бы восхотѣлъ вступить съ нею въ брачныя узы. Всѣ съ восторгомъ удивляются небесной ея красотѣ, но удивляются какъ статуѣ совершеннаго искусства, не чувствуя никакого въ себѣ пламени. Ея старшія сестры, которыхъ пречести сразмѣрны были похваламъ человѣческимъ, и не произвели во свѣтѣ столь великой о себѣ славы, вступили въ счастливое супружество съ двумя Царями. Психея одна осталась въ домѣ своего родителя, и будучи безъ жениха, оплакивала она свое утѣненіе, печальна и смущена духомъ гнушалась она своею красотой, почитаемая впрочемъ отъ всѣхъ Богинею всѣхъ нѣжностей и удивленіемъ свѣта. Родитель сея несчастной дѣвицы мечтавъ что злополучный жребій ея дочери есть дѣйствіе божескаго провидѣнія и казнь небеснаго мщенія, вознамѣрился въ древнемъ Милетскомъ храмѣ просить совѣта отъ предвѣщающаго Аполлонова; и заклавши тучныя жертвы, продолвалъ онъ усердныя мольбы, чтобъ сіе божество

божество послало презрѣнной дѣвицѣ
 жениха достойнаго. Аполлонъ, хотя
 былъ Греческаго поколѣнія, и рожденъ
 въ Іоніи, однако любя основателя го-
 рода Милета (и) отвѣщаль Латин-
 скимъ языкомъ:

Облекши въ врачныя, но въ слезныя
 одежды
 На гору позледи, ты дочь оста-
 ня долъ:
 Супруга смертнаго имѣть ей нѣтъ
 надежды,
 Но будетъ ей супругъ спирѣвъ, жес-
 токъ и золъ,
 Которой въ пысотѣ летая стрѣлы
 мещетъ,
 И пѣчной вранью всю отягощаетъ
 тварь;
 Его могущество Юпитеръ самъ тре-
 пещетъ,
 Страшатся небеса, моря и ада
 Царь.

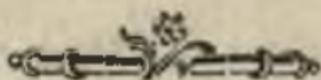
Роди-

(и) Милетъ, столичный Іоническій городъ,
 и получилъ названіе сіе отъ своего основа-
 теля Милета сына Аполлонова.

Родитель прекрасная Психею получивъ сей священный, но плачевный для всѣхъ отвѣтъ, возвратился въ свой домъ, сѣтуя и печалась. Онъ объявилъ своей супругѣ жестокое судьбы опредѣленіе. Повсюду слышенъ плачь, стонъ и воздыханія. Нѣсколько дней въ такомъ жестокомъ состояніи протекло, и приблизилось время исполнить столь горестное Аполлоново изреченіе. Уже приутоговляется все нужное для сего плачевнаго брака, возжигаютъ свѣщильники, мусикійскія орудія и брачныя пѣсни вмѣсто пріятнаго и сладостнаго гласа наполняютъ воздухъ жалкимъ отзывомъ. Нещастная невеста текущая по нѣжнымъ ланитамъ слезы стирала своимъ покрываломъ. Весь градъ и вся страна оплакиваетъ злополучіе дому Парскаго; всѣ жители облеклись въ черныя одежды. Но божеское непремѣнное велѣніе уже требовало Царевну къ опредѣленной казни; итакъ совершивъ печальные обряды, исходятъ изъ града. Весь народъ обремененный оковами горести провождалъ нещастную Психею. Она проливая слезные источки, шествовала къ олтарю брачному, или лучше сказать

ко

ко своему гробу. Но видя родителей своихъ пораженныхъ печалію и не хотящихъ исполнить столь пагубное пророчество, ободряла она ихъ такимъ образомъ: Для чего вы старость свою бесполезнымъ обременяете сѣтованіемъ? Для чего жизнь свою, которая мнѣ драгоценнѣе собственной жизни, сокращаете непрестаннымъ воздыханіемъ? Къ чему послужатъ текущія по ланитамъ вашимъ слезы? Для чего почтенные сѣдиною власы свои терзаете? Чрезъ сіе вы умножаете мою печаль. Се мзда и утѣшеніе, котораго должны вы были ожидать отъ моей красоты! сраженные симъ жестокимъ ударомъ вы узнали, но поздно уже смертоносныя стрѣлы зависти. Когда всѣ народы и всѣ страны боготворя меня, воздавали мнѣ почести приличныя однимъ небожителямъ, когда единогласно именовали меня другой Венерою; тогда спешать сѣтовать и уже какъ мертвую оплакивать меня должно было. Я чувствую мнѣ, что одно имя Венеры погубляетъ мою красоту и младость. Но ведите меня на высоту роковой горы. Я не стерпимо желаю вступить въ брачныя узы, и видѣть сего знаменитаго супруга опредѣленнаго мнѣ судьбою. Что еще медлите?

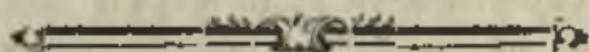
длитель? Не должно ли мнѣ пред-
ускорять минуты, чтобъ принять въ
свои объятія супруга рожденнаго на
пагубу всему міру? Окончавъ сіи
слова Психея умолчала, и сокрылась въ
толпу многочисленнаго народа, кото-
рый ей сопутствовалъ. Уже прибли-
жившись къ назначенной горѣ восхо-
диль на высоту ея, и оставляютъ
тамъ одну несчастную Царевну. Брач-
ные свѣпильники были погашены сле-
зами служителей, которые ихъ не-
сли, и на той же горѣ оставлены;
всѣ возвращались съ печалію въ домъ
свой, Царь и его супруга заключае-
въ свои покои предались вѣчному спе-
нанію, и не желали видѣть лучей
солнечныхъ. Но Психея обѣщая ужа-
сомъ на высотѣ холма оплакивала
евою горестную участь; и вдругъ сла-
доспный Зефиръ устремляясь нѣжно
въ ея объятія и разбѣвая воскрилія
одеждъ ея, подѣмлетъ ее на свои
легкія крилѣ, миспускается тихо съ
симъ любезнымъ бременемъ къ по-
дошвѣ горы, и тамъ полагаетъ сію пре-
красную дѣвицу на мягкія и благово-
нныя травы.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

ПРЕ-

ПРЕВРАЩЕНІЕ
или
ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

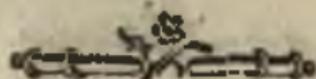

КНИГА ПЯТАЯ.

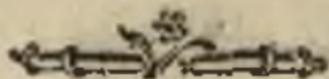
Психея упомянутая печалію и прискорбіемъ, лежа на мягкомъ лугу въ объятіяхъ нѣжныхъ, и росопитаемыхъ травъ не чувствительно склонилась къ пріятному сну; опочивъ довольно и воставъ уже съ веселымъ и спокойнымъ духомъ, видитъ она рощу высокими и сѣнолиственными насажденную древами, среди которой пропеналъ источникъ, извиваясь кристальными струями; на брегѣ орошаемомъ его водами представился очамъ ея великолѣпный домъ воздвигнутый не смертнымъ искусствомъ, но божественнымъ

нымъ могуществомъ и властію. Не возможно было помыслить, чтобъ сей пышный домъ не былъ пріятнымъ жилищемъ какого нибудь божества: столпы золотыя поддерживаютъ въ немъ бремя сводовъ изъ слоновой кости, или изъ кипариснаго дерева составленныхъ; всѣ стѣны, которыя встрѣчаются съ самаго входу, покрыты рѣзбою серебряною изображающею разныхъ звѣрей и животныхъ: художникъ тако украсившій блестящій сей металлъ, былъ безъ сомнѣнія или челоуѣкъ несравненнаго искусства, или полубогъ или самый богъ. Помостъ состоялъ, изъ драгоценныхъ камней раздробленныхъ и составленныхъ между собою такимъ образомъ, что различіемъ своихъ слянныхъ цвѣтовъ изображали они прекрасную живопись. И сколь тѣ благополучны, которыхъ стопы касались злату и драгимъ всякаго рода камнямъ! прочія сего пространнаго дома части были неубѣненны. Стѣны въ нутри обремененныя чистымъ златомъ блистали собственнымъ сіяніемъ такъ, что солнечныя лучи не нужны были для всѣхъ его покоевъ. Ковры и весь уборъ соотвѣтствовалъ великолѣпію

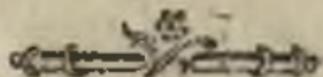
сего дома наипаче, какъ бы самъ Юпитеръ соблаговоливши жить между смертными, возвысилъ и украсилъ зданіе сіе для собственнаго жилища. Психея привлеченная сею пріяпностію мѣстъ подходитъ къ нимъ ближе, потомъ будучи отважиѣе; вступаетъ въ величественныя чертоги, и наслаждается свой нѣжный взоръ красотою различныхъ видовъ, удивляясь имъ по премѣнно. Она находитъ тамъ покои совершеннымъ искусствомъ устроенныя и содержащія въ себѣ неизчетная сокровища, въ которыхъ все то находилось, чего во всей вселенной сыскать не можно. Но всего чуднѣе и удивительнѣе для прекрасной Царевны казалось, что сіе отъ всѣхъ земныхъ концовъ собранное богатство было для всѣхъ открыто, и ни однимъ стражемъ не охраняемо. Взирая на все и всему со услажденіемъ удивляясь, услышала она гласъ существа безпѣлеснаго: для чего Психея чудишься во изумленіи сокровищу, котораго ты сама обладательница? Все, что ни видишь, все во твоей власти. Итакъ войди въ ближнюю спальню, и тамъ на мягкомъ одрѣ успокойся, и требуй по своей волѣ,

волѣ, дабы угощивали тебѣ все нужное для бани. Я, которыя ты голосъ слышишь, я, и всѣ со мною живущія опредѣлены тебѣ во услуженіе, мы готовы своимъ велѣніямъ повиноваться; исполнивъ все до швоей особы касающееся, не умедлимъ угощивъ тебѣ обѣдъ достойный такой Царевны. Психея ощутивъ тогда божественный о себѣ промыслъ и повинувъ совѣщю невидимой дѣвицы, опочила на одрѣ, и успокоившись пріятностію сна востала; потѣмъ прохладно омывшись, увидѣла по близости на сребrenomъ столѣ сдѣланномъ полукружіемъ пріуготовленный обѣдъ, и зная, что онъ для нее, сѣла за столъ съ охотою. Немедленно подносится ей ректарное вино, и подаются разныя самыя вкусныя пища рукою невидимою. Она слышавъ только разговоры предстоящихъ ея столу. По окончаніи обѣданія входитъ и начинается пѣснь гласомъ сладостнымъ, другой ударяетъ въ Арфу, дабы тебѣ ея соупростовалъ гласу перваго. Послѣ сего внемлетъ Психея пріятное пѣніе составленное уже изъ многихъ голосовъ, и хоша никого не было видно, но зву-

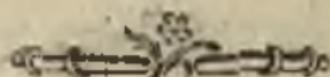
Д 2

чному

чюму хору можно было разсудити о множествѣ поющихъ. Насладившись такими ушѣхами и видя уже наступившую ночь, удалилась Психея въ спальню, дабы предасться обѣщанью сна. Мракъ ночи усугубился, и вдругъ сладостный голосъ внемлется нѣжнымъ Царевны сея слухомъ. Она будучи въ такомъ уединеніи боится, чтобъ цѣль ея дѣвства похищенъ не былъ; она наче всѣхъ золь ужасается того, чего еще не испытала; однако неизвѣстный ей женихъ приближается, возлагаетъ къ ней на одръ и содѣлавъ ее себѣ супругою, оплещаетъ до восхожденія Авроры. Не много протекло минушъ и невидимыя особы начали между собою разговаривать, они спараются о новобрачной и о ея заиланномъ дѣвствѣ. Такимъ образомъ препровождала Психея жизнь свою нѣскольکو времени, и наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, новый родъ сей жизни чрезъ продолженіе времени, и отъ привычки весьма ей понравился; неизвѣстныхъ особъ голоса пустыню сію здѣлали, для ней пріятною.

Между

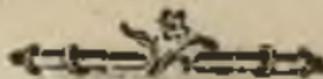

Между тѣмъ ея родители истоще-
вали старость свою въ непрестанномъ
плачѣ и сненаніяхъ. Слухъ о несчастіи
Психеи пронесся въ отдаленныя страны;
и потому двѣ старшія сестры ея, узнавъ
о семъ бѣдствіи, оставляютъ своихъ
супруговъ и спѣшатъ къ своимъ роди-
телямъ, дабы соединить свои слезы и
горестное сѣтованіе съ ихъ печалію.
Въ самую сію ночь супругъ Психеинъ,
котораго могла она только слышать и
ослзать; увѣщевалъ ее такимъ обра-
зомъ: Любезная моя Психея! злобою
жестокія судьбы готовится тебѣ са-
мая ужасная напасть и гибель, и посто-
му употреби возможную осторожность:
ибо сестры твои смущенныя слухомъ
о твоей мнимой смерти и желая узнать
точно о твоемъ жребіи, немедленно
придутъ къ подошвѣ сей горы. И
такъ съшли спонъ и воня ихъ про-
спрется даже до тебя, ты не оп-
вѣщствуй имъ и берегись на нихъ смо-
трѣть; въ противномъ случаѣ неизбѣ-
жимую на себя навлечешь гибель, а
меня жесточайшею поразишь печалію.

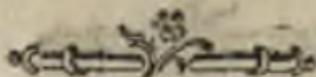
Психея общалась повиновалась
внѣрѣнно его совѣшу; но преспавъ

съ нимъ ночь сію при восхожденіи за-
 ри погрузилась она въ печаль и сѣпо-
 ваніе, и въ семъ состояніи весь день
 препроводила. Ахъ несчастная, говоря
 сама себѣ поминутно, теперъ ужѣ, те-
 перъ погибла я невозвратно: ибо заклю-
 чена будучи одна въ прекрасной темни-
 цѣ и лишена всякаго сообщества чело-
 вѣческаго, не могу я не только подать
 какую нибудь помощь и утѣшеніе ры-
 дающимъ сестрамъ; но и видѣть миѣ
 ихъ не позволяется. Она въ сей день
 не хотѣла вкусить пищи, ниже про-
 хладить себя пиціемъ, ниже омыться
 въ банѣ; а при наступленіи вечера уда-
 лилась въ свою спальню, проливая слез-
 ные испочники: немедленно прекрасный
 ея супругъ возлегши съ нею на одрѣ и
 обнявъ ее рыдающую; такъ ли гово-
 ритъ ей, такъ ли прелестная Психея
 исполняешь свое обѣщаніе? Чего впредь
 могу я ожидать отъ тебя, и чего отъ
 вѣрности твоей надѣяться, когда уже
 днемъ и ночью и въ самыхъ обѣщані-
 яхъ твоего супруга не престаешь ты
 рыдать и сѣшовать? послѣдуй убо
 склонности своей, исполняй желаніе
 свое, влекущее тебя къ гибели, но
 только вспомни, что я тебя увѣщевалъ
 справед.

справедливо, когда будешь терзаться
разканіемъ. Но Психея отвѣчаетъ, что
она умретъ, если онъ не согласится на
ея прозьбу; она его заклинаетъ, дабы
позволилъ ей видѣть своихъ сестръ, гово-
рить съ ними и утѣшить ихъ въ печали.
Убѣжденный супругъ съ слезами согла-
шается на ея желаніе и сверхъ того
дозволяетъ ей дать своимъ сестрамъ
столько золота, и серебра и драго-
цѣнныхъ камней сколько ей угодно бу-
детъ; но впрочемъ увѣщевалъ и угро-
жалъ ее, чтобъ она не слушала вре-
дныхъ совѣтовъ и убѣждений, когда
сестры ее просятъ будутъ, дабы из-
вѣстналась о видѣ и образѣ своего су-
пруга: ибо чрезъ сіе сѣвятотатское любо-
пытство съ высоты благополучія низ-
вергнется въ бездну несчастія и лишит-
ся навсегда его супружнихъ объятий.
Психея приноситъ ему благодарность;
и уже съ радостнымъ духомъ, сто-
кратно, говоритъ ему, стократно умру
прежде, нежели пресуплю твои совѣ-
ты и лишуся твоего брачнаго со мною
лѣжа. Ибо кшобы ты ни былъ, я
люблю тебя, какъ свою душу, и пред-
почитаю нѣжному Бѣгу любви. Но еще
тебя прошу, повели служащему тебѣ

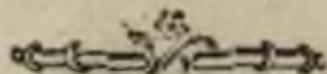

легкому Зефиру, дабы онъ пренесъ въ сіи мѣста сестръ моихъ подобно какъ меня. Потомъ обнявши его съ горячностію и спократно лобзая несчетныя показывала ему ласки и нѣжности, именуя своимъ дражайшимъ супругомъ, своимъ сердцемъ, жизнью и душою. Преодоленъ толь убѣдительными прозѣбами, толь чувствительною нѣжностію, и не желая, согласился прекрасный супругъ Психеи и общалъ ей все исполнить. Но солнце уже восходило и онъ оставилъ ее обѣщая.

Между тѣмъ сестры Психеи извѣстясь о мѣстѣ и горѣ, на которой она была оставлена, пришли туда немедленно: они начали рыдать и ударять въ свои перси; вопли ихъ и стenanія разносились въ пещерахъ, и наполняли пустыню. Изъ устъ ихъ непрестанно происходило имя Психеи, наконецъ оно чрезъ расщелины и кремнистыя ушѣсы проникло до ея слуха. И такъ съ препетомъ и въ изумленіи выбѣжавъ она изъ своихъ чертоговъ: для чего, вѣщаетъ имъ, для чего любезныя сестры рыдаете вы безъ всякой причины. Воззрите, я здѣсь, я здѣсь

здѣсь виновница слезъ вашихъ: престаньте стнать и сѣтовать, прекратите слезные источники лиющіеся по вашимъ ланитамъ: вы можете обнять и лобзать сестру вашу. Потомъ призвавъ услужливаго Зефира проситъ его исполнить волю ея супруга. Мгновенно сей нѣжный цвѣтовъ любимель вылетаетъ и подъявши ихъ на свои нѣжныя крилѣ приноситъ безъ всякаго вреда къ прекрасной Психей. Они обнимая себя взаимно, стократными лобзаніями насыщаютъ свои чувства; и слезы, которыя престали течь, обновились опъ безмѣрной радости. Войдите говоритъ имъ Психей, войдите съ веселіемъ въ мои великолѣпныя чертоги, и печальный свой духъ оживите чувствіемъ чистѣйшаго удовольствія. Присемъ показываетъ имъ всю пышность, богатство и красоту своего жилища; и наконецъ усладивъ ихъ слухъ голосами невидимыхъ рабынь поведя въ баню, дабы они омылись прохладно. Послѣ сего представила имъ обѣдъ, гдѣ всѣ бшвы обиліемъ, вкусомъ и сладостію, подобились божественному пиршеству; но видъ толь чуднаго и небеснаго великолѣпія сердце

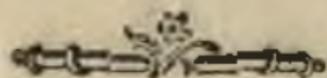

и грудь сестрѣ Психейныхъ упоиавъ чернымъ зависти ядомъ. Одна изъ нихъ не преставала вопрошать ее, кто сего сокровища и сихъ чрезвычайныхъ рѣдкостей господинъ и владѣтель, кто, и какого свойства ея супругъ.

Но Пенхей помня супружніе совѣты, и заключивъ во глубинѣ сердца тайну ей вѣренную вымышляетъ немедленно хитрость: она имъ, говоритъ что супругъ ея молодой юноша красоты совершенной и сложеніемъ шѣла прелестенъ, и которой почти всегда на горахъ и поляхъ упражняется въ звѣриной ловлѣ. Но чтобъ продолженіемъ разговора не открытъ ей чего нибудь тайнаго, даритъ она имъ премного золота, серебра и драгоценныхъ камней, потомъ призвавъ Зефира повелѣваетъ ему отнестъ обратно своихъ сестрѣ безъ всякаго оскорбленія. Ея воля исполнена была въ минуту.

Итакъ возвращаясь они отъ Психей въ свои дома и нося въ груди своей разлившуюся желчь зависти, съ досадою и злобно разговаривали на пути о благополучіи своей сестры.

Жестокая

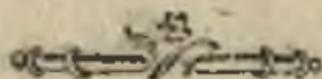
Жестокая и несправедливая судьба! говоритъ одна изъ нихъ; или тебѣ угодно, дабы мы отъ единыхъ родившихся крови шоль различное имѣли счастье? для чего мы будучи старшія, преданы побою въ рабство чужестраннымъ супругамъ, для чего изспорчены изъ дому и отечества своего, и отъ объятій своихъ родителей, скитаемся повсюду какъ изгнанницы? Для чего Психея родясь уже послѣднею, и меньше нашего имѣя достоинствъ вступила въ супружество съ нѣкимъ божествомъ, и наслаждается такимъ счастьемъ, котораго она не знаетъ цѣны и не можетъ употреблять его для своего удовольствія?

Ты примѣтила, сестра моя, сколько въ ея чертогахъ находишь драгоценныхъ вещей, какія златотканныя одежды, какое множество неоцѣненныхъ камней, какое повсюду убранство, и сколько при томъ злата подпирается ея ногами! еслии супругъ ея столько прекрасенъ, какъ она хвалилась, то нѣтъ уже иединаго изъ смертныхъ, котораго бы счастье могло сравняться въ ея блаженствомъ, и можетъ быть супругъ

супругъ ея усугубляя къ ней свою любовь и горячность, будучи самъ божество возведетъ ее со временемъ на степень божества. Такъ по истиннѣ, я о томъ не сомнѣваюсь: ея величественная поступка, ея благородный видъ и станъ, ея власть надъ вѣтрами, и надъ голосами невидимыхъ рабынь, все сіе неясный ли знакъ, что она нѣкогда будетъ Богинею? Но я несчастная получила себѣ мужа, которой старше моего родителя, лишенъ уже волосъ, и безсильнѣе всякаго младенца, при томъ столь скупъ и недовѣрчивъ, что все въ его домѣ за крѣпкими стрелетя замками.

Но мой супругъ, отвѣтствуетъ другая, уже весь согбенъ и страждетъ неизцѣльной подагрой, разсуди, какое опъ него удовольствіе моей младости; часто случается, что я должна нѣжными своими руками разогрѣвать его изсохшіе и окаменѣвшіе персты; употребляя на то скверное сукно и пахучія масти, я несупружную, но лекарскую приемъ исполняю должность. Наконецъ любезная сестра, разсмотри и разсуди, имѣемъ ли мы столько въ себѣ

себѣ великодушія , или лучше скажешь ,
подло и рабской слабости (ибо я дол-
жна говорить тебѣ искренно ,) дабы
снесъ толикое униженіе нашего жре-
бія предъ жребіемъ Психей ? Что
касается до меня , я признаюсь , что
не могу болѣе терпѣть столь великаго
благополучія , дарованнаго недоспойной
дѣвицѣ : вспомни сколь гордо посту-
пала она съ нами , съ какой надмен-
ностію духа показывала намъ всѣ со-
кровища , изъ которыхъ малую только
часть , призомъ съ несноснымъ пре-
зрѣніемъ удѣлила намъ восхотѣла и
вскорѣ наскучивъ нашимъ присут-
ствіемъ приказала въпру извести насъ
изъ своихъ чертоговъ , и распалась съ
нами , являя видъ посмѣятельный . Я
не хочу называться женщиною , и луч-
ше умру , ежели сію гордую съ толи-
каго степени блаженства и великолѣпія
не повергну въ бездну убожества и
всѣхъ бѣдствій . Если безстыдное
ругательство ею намъ нанесенное столь-
коже тебѣ , сколь мнѣ чувствительно ,
согласимся вмѣстѣ и будемъ изобре-
щать возможныя мѣры для ея погине-
ли . Богатство ею намъ данное непок-
мо другому кому , но ниже родителямъ
своимъ

своимъ необъявимъ; и скажемъ приходомъ, что мы не могли извѣститься о ея состояніи. Довольно того, что мы сами видѣли хотя впрочемъ къ своему неудовольствію и досадѣ, не будемъ разглашать въ народъ и въ домъ своихъ родителей такого и столь великаго ея благополучія: ибо тѣ несправедливо блаженны, которыхъ богатство и счастье прочимъ неизвѣстно; узнаетъ Психей, что мы ея старшія сестры, а не рабыни. Теперь пойдёмъ въ свой убогій домъ къ своимъ дряхлымъ супругамъ; дабы предпріявъ всё возможныя мѣры и средства уже съ большею надеждою и опважностію возвратиться къ сей гордой сестрѣ, чтобъ наказать ея безстыдное высокомеріе. И такъ двумъ злобнымъ и завистнымъ женщинамъ угодно стало злостное намѣреніе противу добродѣтели; они въ немъ клятвою утвердились, и пошуму сокрывъ и утаивъ драгоценныя дары, которыми наградила ихъ чистосердечная сестра, пришли они въ домъ родительскій рыдая горестно и перзая свои власы; но все то было приговорно и умышленно. Они чрезъ сію печаль и сѣтованіе усугубивъ еще стократно слезы

слезы опчаянныхъ родителей отпра-
вились къ своимъ супругамъ, дыша
злобою и нося въ мысляхъ незакон-
ное коварство, или паче самое опде-
убивство противу сестры невинной.

Между тѣмъ неизвѣстной оной
Психеи супругъ, непрестанно во время
ночи подаетъ ей полезныя совѣты;
видишь ли, говоря, сколь ужасное бѣд-
ствіе готовится тебѣ жестокостью
судьбы? оно еще далеко; но еслили
заблаговременно не оспережешься съ воз-
можною бодростію, оно къ тебѣ при-
ближится и ты падешь подъ тяж-
кимъ его ударомъ. Вѣроломныя твои
сестры напрягаютъ всѣ силы для уло-
вленія твоей невинности въ коварныя
сѣти; особливо стараются они, убѣ-
дить твою легковѣрность, дабы ты
непремѣнно узнала; кто я таковъ,
и увидѣла при томъ мое лице, ко-
торое, какъ я прежде сказалъ, еслили
однажды увидишь, то уже вѣчно не-
случится тебѣ его видѣть.

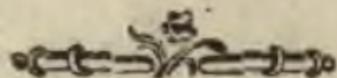
Итакъ ежели скверныя оныя оба-
тельница придушъ къ тебѣ, и они
придушъ непремѣнно вооружась ковар-
нымъ

нымъ совѣтомъ и злоумышленіемъ ; но не удосроевай ихъ своего разговора , и своихъ отвѣтовъ , когдажъ по природной сердца твоего простотѣ , и по твоей къ нимъ нѣжности не можешь къ тому себя принудить , по крайней мѣрѣ не слушай ничего что будешь до меня касаться , и ни мало не отвѣтсивуй на ихъ обо мнѣ вопросы .

Уже скоро домъ нашъ умножится : ибо твое младое чрево заключаетъ въ себѣ драгоцѣнный плодъ , и залогъ нашего брака . Я тебѣ кленусь , ежели въ безмолвіи сокроушь нашу тайну , рожденное тобою дитя будетъ въ числѣ Боговъ , но въ противномъ случаѣ , будетъ онъ простой смертной .

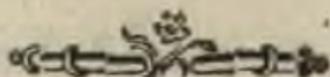
Психея внимая столь желанную вѣсть усугубляетъ свою красоту и презести , она соплещетъ божественному чрева своего плоду , восхищается славою грядущаго залога , и утѣшается любезнымъ именемъ и достоинствомъ родительницы : она съ крайнимъ стараніемъ счисляетъ мѣсяцы и дни , желая нетерпѣливо породить на свѣтъ небожителя . Ей удивительно и неизвѣстно
кажется

кажется, отъ чего ея чрево такое получило себѣ приращенію; но ея сестры сіи двѣ адскія фуріи, дышущія змѣинымъ ядомъ плывущѣ уже по морскимъ волнамъ съ беззаконною поспѣшностію для исполненія своего проклятаго предпріятія.

Тогда супругъ Психеи еще увѣдомляетъ ее о наступающей напасти: уже послѣдній день, говорилъ онъ ей, послѣдній день, и время твоей гибели приближилось: твои неблагодарныя и лютыя сестры пріяли противу тебя оружіе, они ополчились и уже на тебя устремляются. Злобою изощренный кинжалъ уже вознесли на твою невинную и нѣжную грудь. Ахъ любезная Психея, сколь великими окружена ты бѣдствіями! сжался надъ собою и надъ моею къ тебѣ горячностію, священнымъ безмолвіемъ соблюди отъ паденія домъ нашъ, избавь отъ гибели себя, твоего супруга и драгоценный залогъ въ твоей упробѣ хранимый, не взирай на сихъ беззаконныхъ женщинъ, которыхъ ты не должна уже почищать сестрами, когда они прервавъ кровные узы непри-

Часть I. М мирн.

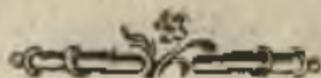

миримую тебѣ объявили войну; не внимай симъ въроломнымъ Сиренамъ, естли они восшедши на сію высокую гору наполнятъ пагубнымъ воплемъ разсѣльныя камней и окрестныя долины.

Но Психея томнымъ и прерывающимся отъ вздоховъ отвѣстствуетъ ему голосомъ: я увѣрена, что до сего времени довольныя вѣрности и молчанія моего видѣлъ ты опыты; наступающій случай покажетъ тебѣ яснѣ твердость моего духа; и ты узнаешь, умѣю ли хранить ввѣренную тайну; прикажи только Зефиру своему, дабы еще онъ мнѣ повиновался. И когда уже не дозволено мнѣ видѣть божественное лице твое, дозвожь по крайней мѣрѣ насладиться лицезрѣніемъ сестръ моихъ; позволь, я тебя заклинаю твоими благоуханными и развѣвающимися по раменамъ власами и сими ланитами, копорыя осязая нахожу столько же нѣжными и полными, сколько мои ланиты. Заклинаю тебя твоимъ сердцемъ, копорое пламенѣетъ чрезвѣстственнымъ и мнѣ неизвѣстнымъ жаромъ. Сжался надо мною, услыши мои усердныя и благоговѣй-

говѣйныя мольбы, возвесели мое сердце
жалаемымъ обѣятіемъ сестрѣ моихъ;
твоей живетъ и дышетъ моя душа,
я не убѣждаю себя, чтобъ явился ты
мнѣ въ своемъ точномъ видѣ; мо-
жетъ быть я удостоюсь созерцать
тебя въ драгоцѣнномъ залогѣ нашего
супружества. Я не устрашаюсь и но-
чного мрака держа тебя въ своихъ
обѣятіяхъ, тебя, котораго почитаю се-
бѣ немерцающимъ свѣтомъ. Сими ла-
сками и лобзаніями очарованный су-
пругъ соглашается на прозбу Психей
и опираетъ ея слезы своими мягкими
власами; и обѣщавшись исполнить ея
желаніе оплещаетъ отъ нее до восхо-
жденія солнечнаго. Заклявшіяся на по-
гибель ея сестры, приславъ ко берегу
выходятъ изъ корабля съ споспѣшно-
стію, и не посѣтивъ своихъ родителей
направляютъ путь свой прямо къ
горѣ Психейной и на нее восходятъ.
Не дожидаясь припомъ отъ Зефира
помощи, которой долженъ былъ ихъ
ниспустить съ высоты, устремляются
они продерзко на воздухъ; но сей бы-
строкрылый вѣтрѣ помня наложенную
себѣ должность, приемлетъ ихъ хотя
съ негодованіемъ въ свои обѣятія и

нипускаетъ легкимъ вѣлнємъ на землю предъ чертоги Психейки, въ которые они немедленно вшедши обнимаютъ жертву своей хитроси, называя ее своею любезною сестрою; они тнусное свое злоумышленіе сокрывъ подъ завѣсой прищворной радости; Психей! говорятъ ей, уже ты не юная опроковица, но скоро украсишься желаннымъ названіемъ матери. Сколько беременность швоя обѣщаетъ намъ утѣшенія! такую радостію восхищись весь нашъ домъ! благополучны мы и спокрапно благополучны будемъ; когда въ нашихъ объятіяхъ воспитается и возрастетъ толь драгоцѣнное дншя, которое соотвѣтствуя красотю своимъ родителямъ не уступитъ ни въ чемъ прелестному Купидону. Сею ложною дружбою и симъ умышленнымъ ласкательствомъ обольщаютъ помалу сердце и невинность Психейну. Она мгновенно посаждаетъ ихъ на златопканные ковры, дабы успокоились отъ дальнаго пути, потѣмъ теплою бани обновляетъ ихъ силы: наконецъ великолѣпной и всѣми небесными пищами обилующій столъ утѣшаетъ ихъ сердце. Психей даетъ знать, чтобъ играли на

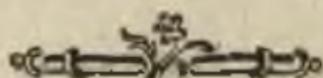

на арфѣ, ее воля исполняется; чтобъ играли на флейсахъ, ей повинуются; она хочетъ, чтобъ всѣ мусикійскіе органы соединились съ пріятностію поющихъ голосовъ; вдругъ слышится громкій и сладостный хоръ; и все сіе происходитъ невидимо. Однако сіе утѣшительное и небесное пѣніе не могло усыпить и уничтожить бѣшенства и волнующейся ярости въ сердцахъ вѣроломныхъ сестроубійцъ: они всегда пылая мщеніемъ и нося въ груди своей злобное коварство, начинаютъ съ припворною ласкою спрашивать у Психеи, кто ея супругъ, и отъ какой знаменитой крови онъ рожденъ. Она по природной своей простотѣ и чистосердечію забывши прежній на сей вопросъ отвѣтъ, немедленно вымыслила новый и совсѣмъ опмѣнный обманъ: она говорила имъ, что супругъ ея изъ ближней провинціи знаменитой купецъ; и потому чрезвычайно богатой человѣкъ, впрочемъ средняго вѣку и уже имѣетъ нѣсколько сѣдыхъ волосовъ: но чтобъ не продолжитъ досаднаго ей разговора, вшорично обогащаетъ она ихъ различными подарками, и приказываетъ служебному вѣтру исполнить

свою должность. Немедленно Зефиръ на легкихъ и крылашихъ своихъ раменахъ перенесъ ихъ на свое мѣсто. Они возвращаясь въ родительскій домъ, разсуждали между собой такимъ образомъ: что думаешь ты любезная сестра, говорила одна изъ нихъ, о семъ смѣшномъ обманѣ, которой безумная сестра противу насъ употребила? прежде супругъ ея былъ молодой и прекрасной юноша, а нынѣ уже довольныхъ лѣтъ и съ сѣдинами. Какъ можно повѣришь, чтобъ въ столь краткое время могъ онъ состарѣться? уже ли онъ опмѣннаго рода, нежели прочіе люди? безъ сомнѣнія, отвѣтствуетъ другая, или Психея не восхотѣла намъ открытъ самую истинну, или она никогда не видала въ лице своего супруга. Но какъ бы то ни было, однако испоргнемъ ее отъ объятій такого благополучія: положимъ, что она подлинно своего супруга не знаетъ, то не явной ли знакъ, что сопряжена съ какимъ нибудь богомъ, и въ утробѣ своей носитъ отпоча божественное. Я клянусь, естли она породитъ на свѣтъ полубога, (чему не желаю збыться), то непременно сама себя убью

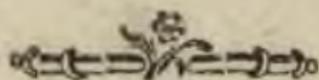
или

или удавлюсь. Но теперь возвратимся къ своимъ родителямъ, и для окончанія своего предпріяшя употребимъ всѣ надлежащія мѣры. Воспламененныя страстію толкаго злодѣйства приходятъ въ домъ и привѣтствовавъ своихъ родителей съ холодностію, встаютъ опять въ самую полночь; и какъ Фуріи смущая всѣхъ находящихся въ чертогахъ царскихъ, устремляются съ поспѣшностію ко высокой горѣ и на нее восходятъ; при наступленіи дня, отполѣ помощію Зефира спускаются къ Психеѣ, и стараясь насильно притворныя изливать слезы, простираютъ къ ней рѣчь коварствомъ соплешенную: любезная сестра, ты живешь здѣсь эпокойно и счастливо, незная грозящей тебѣ напасти, но мы бодрствуя о благополучіи твоёмъ, мы сътруемъ и печалимся видя жизнь твою уже почти въ узахъ смерти. Мы пріемля участіе во всемъ, что касается до твоего жребія, не можемъ отъ тебя сокрышь того, о чемъ недавно съ достоверностію извѣстились. Ибо страшный и превеликій змій клубящійся въ премногія изгибы, и отпрыгая смертоносный ядъ и кровь изъ широкой своей гор-

танной челюсти, приходитъ всякой вечеръ и возлетаетъ къ тебѣ на одрѣ для препровожденія ночнаго времени. Воспомни Психея опвѣстѣ Аполлоновъ, которой предсказалъ, что будетъ тебѣ супругомъ ужасное и свирѣное чудовище. Многіе земледѣльцы и окрестныя пастухи видѣли сего змія, какъ онъ вчерашняго вечера возвратившись со паствы своей, купался и плавалъ въ рѣкѣ текущей близъ подошвы сея горы; и всѣ утверждаютъ единогласно; что уже не долго наслаждаться ты будешь утѣхами и пріятностями, которыя онъ для тебя опредѣлилъ, и что при самомъ разрѣшеніи отъ твоего бремени, когда будешь полще и полнѣе, нежели нынѣ, не преминетъ онъ пожрать тебя свирѣпо. И такъ разсмотри сама, что для тебя лучше, хочешь ли ты повѣришь сестрамъ своимъ пекущимся о драгоценной твоей жизни, хочешь ли избѣжавъ смерти, жить съ нами во всякой безопасности и прохладѣ; или предприемлешь на себѣ остаться мѣстѣ и погребстись въ ужасномъ чревѣ свирѣпаго чудовища. Но естли не смотря на совѣты наши прельщаетъ тебя сія уединенная долина, въ которой пріятные

пріятныя , но неизвѣстныя вземлетъ слухъ твой гласы , естли пошдыное и шайное сообщеніе со зміемъ ядоноснымъ тебѣ непрошивно , и его объятія не гнусны , естли , повторяемъ мы , намѣрена ты здѣсь не прѣмѣнно препровождашь жизнь свою ; то уже не вини и не произноси на насъ печальныхъ жалобъ : мы все , что требуется отъ сестръ , мы все исполнили .

Тогда несчастная Психея будучи вѣроимчива и простосердечна воспрепечтала отъ сихъ ужасныхъ и плачевныхъ новостей , и лишившись почти душевныхъ силъ , забыла всѣ совѣты своего супруга и равно свои обѣщанія : она уже повергаешся въ бездну своего нещастія , ужасъ ея спѣсняетъ оповсюду , ея прелестное лице обезображается блѣдностію , и темнымъ облакомъ покрываются у ней свѣшлые очи ; наконецъ слабымъ и прерывающимся голосомъ отвѣшствуетъ сестрамъ коварнымъ : безъ сомнѣнія вы убѣдительные вашего ко мнѣ усердія и горячности показываєте знаки ; но и шѣ поселяне , кошорые вамъ о семъ чудовищѣ говорили не вымышленную ложь ,

мнѣ кажется, соплетаютъ: ибо, ска-
зать истинну, я никогда не видала въ
лице моего супруга, и притомъ не
знаю, изъ какой онъ страны; но толь-
ко въ ночное время слышу голосъ его,
и онъ обыкновенно предъ свѣтомъ меня
оставляетъ, и потому легко могу ва-
шимъ словамъ повѣрить, что супругъ
мой какое нибудь чудовище, а особли-
во, что онъ всегда и съ великимъ убѣж-
деніемъ запрещаетъ мнѣ испытывать о
его породѣ и его точномъ видѣ, и
угрожаетъ мнѣ страшнымъ бѣдствіемъ
за такое въ семъ случаѣ любопытство.
И такъ любезныя сестры, если имѣ-
ете какое нибудь средство и способъ
вспомоществовать бѣдствующей Психеѣ;
то не медлите и будьте чувствитель-
ны: ибо кто не печется о себѣ и на-
дѣется только на божескій промыслъ,
тотъ недостоинъ его защиты и благо-
дѣній.

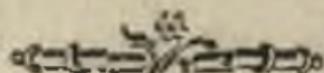
Тогда сіи несчастныя женщины,
видя опверстную дверь Психейна сер-
дца, оставляютъ тайныя хитрости; и
пріявъ злобы своея и коварства мечн
устремляются явно и прямо во внут-
ренность прещущихъ ея мыслей.

Одна

Одна изъ нихъ говоритъ Психеѣ: звященныя узы крови соединяющіе насъ съ тобою убѣждаютъ насъ не спрашиваться никакого бѣдствія, только бы могли мы избавить и освободить тебя отъ гибели; и потому единственное средство изобрѣшенное нами съ великимъ раченіемъ, и могущее испоргнуть тебя отъ челюстей смерти предложишь тебѣ не преинемѣ: приуготовь, любезная сестра, самый острый мечъ, и положи его тайно подъ вашъ одръ на той сторонѣ, на которой ты обыкновенно ложишься, при томъ возженный свѣщильникъ съ довольнымъ елеемъ поставь въ сокрытомъ мѣстѣ подъ способной сосудъ; и все сіе исполняй со всевозможною оспорожностію; наконецъ когда твой супругъ въ различные клубясы изгибы приползетъ и возлегши къ тебѣ на одръ предастся объятіямъ сперва тонкаго, а потомъ уже глубокаго сна: тогда восстань съ твоего одра безъ всякаго шуму, и сколько можно оспорожище сыщи сокрытый свѣщильникъ, и при помощи его дерзай совершить геройское дѣйствіе, возьми острый мечъ, и подымавъ его къверху, съ самымъ возможнымъ стремленіемъ и усиленіемъ

опсѣки

отсѣки голову сею дракона. Мы не умедлимъ тебѣ вспомошествовать. Ибо, какъ только жизнь твоя будетъ уже въ безопасности чрезъ смерть страшнаго чудовища, мы въ скорости къ тебѣ возвратимся, чтобъ общими силами унести все здѣсь заключенное сокровище, и пошомъ сопряжешься ты брачными узами съ человекомъ достойнымъ твоея красоты и породы. Сими вредоносными совѣтами воспламенивъ сердце несчастныя Царевны, но сами впрочемъ боясь, чтобъ не обличились въ шлюху и не подвергнулись чрезъ то неминуемой гибели; немедленно прощаются съ Психеею, и подъяты на крилъ Зефира относятся на гору, отколѣ устремившись въ бѣгство къ своимъ кораблямъ, входящъ въ нихъ и оплывающъ съ поспѣшностію въ свои дома.

Но Психея оставшись одна, или лучше сказать, съ лютыми фуріями, которые сердце и грудь ея терзали, волновалась, подобно обуреваемому отъ сильныхъ вѣтровъ морю. Она хотя съ непреодолимымъ упрямствомъ съ не премѣннымъ намѣреніемъ рѣшилась и готова была

ис-

исполнить свое безумное предпріятіе ; однако еще неизвѣстностью его колебалась ; въ семъ печальномъ состояніи тысящью различныхъ страстей раздраемо было ея сердце.

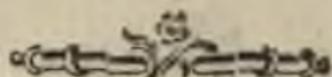
Она поспѣшаетъ, и останавливается, дерзаетъ и пренещетъ ; не надѣется на себя, однако пылаетъ гнѣвомъ ; и что всего для нея мучительное, гнушается и ненавидитъ сіе чудовище, какъ змія, но тогда же любитъ его, какъ своего супруга. Наконецъ видя склоняющійся къ вечеру день, устремляется она съ поспѣшностію, чтобъ приуготовить все нужное къ своему злоумышленію, или паче къ своей гибели. Ночь уже наступила и неизвѣстный къ ней приходитъ супругъ, онъ лобзаетъ ее, онъ ее объемлетъ, и показываетъ чувствительные горячности знаки и - - - Наконецъ онъ погружается въ глубокой сонъ. Тогда уже Психея слаба, впрочемъ и бессильна душою и тѣломъ, но поощряема своей несчастною судьбою пріемлетъ новую крѣпость и новое мужество превышшее своего пола. Она сходитъ тихо съ своего одра, беретъ сокрытый свѣтильникъ,

никъ, и вынимаетъ пагубоносный мечъ; но едва только освѣтился брачною одрѣ; она увидѣла на немъ самое пріятное любезное, и милое чудовище, она увидѣла прелестнаго Купидона, лежащаго на одрѣ восхищительнымъ образомъ. При семъ зрѣлищѣ, блескъ свѣшильника отъ блеску красоты купидоновой усугубляется, и мечъ желаетъ по видимому пришупить свое остріе. Но Лсихея изумлена будучи симъ неожиданнымъ видомъ, лишается почти всѣхъ чувствій; она блѣднѣетъ, ужасается, трепещетъ, и немогиши стояишь на ногахъ, упадаетъ на свои колѣна, она хочетъ сокрыть мечъ, но только во грудь самой себѣ, и непремѣнно бы совершила сіе намѣреніе, естлибы злодѣйское желѣзо изъ трепещущихъ отъ страха рукъ ея не упало. Она сколь ни смущенна и отчаянна была: но отъ созерцанія сего прелестнаго божества силы ея обновились, и тайное услажденіе сердцемъ ея овладѣло. Она видитъ златыя на головѣ его волосы орошенные Нектаромъ, и по персямъ и раменамъ его извивающіеся струями; отъ кошорыхъ безмѣрнаго сіянія помирачался блескъ возженнаго свѣшильника;

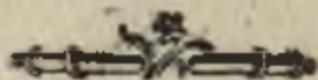
на; видитъ млечную выю, и ланины прелестнымъ играющія румянцомъ. Онъ имѣлъ розовыя крилѣ, у которыхъ легкія и нѣжныя перья казалось вѣяніемъ Зефира движущаяся и играютъ, хотя онъ пріятнымъ тогда сномъ наслаждался; всѣ прочіе тѣла его члены были совершенной красоты и размѣрности: словомъ, это былъ достойный сынъ прекрасныя богини Циперской. Психея увидѣвъ въблизи одра лежащій на полу колчанъ, лукъ и стрѣлы, какъ оружія сего всемогнутаго бога уязвляющаго насъ сладосно; съ крайнимъ вниманіемъ и удивленіемъ разсматриваетъ ихъ и перебираетъ; пошомъ взявши одну стрѣлу, хотѣла прикосновеніемъ своего перста узнать, сколь она остра, но онъ отъ страха содрогнулся и Психея уязвила сей перстъ столько, что по верхъ его тѣла выступили капли розовой крови. Итакъ Психея по незнанію и безъ всякаго намѣренія влюбилась въ самую Любовь. Тогда уже спократно страстиѣ пылая любовію къ своему супругу, она его лобзаетъ съ нѣжностію, и усугубляетъ сіи лобзанія съ поспѣшностію,

и желаетъ еще чтобъ продолжился его сонъ пріятный.

Но когда она ушѣхами толь сладостными восхищалась, по вѣроломный свѣшильникъ, или завидуя и ревнуя такому ея счастью, или самъ равно желая прикоснуться и какъ бы лобзать сіе прелестное божество, воскликнулъ больше и опрыгнулъ горящаго масла каплю на правое рамо купидоново. Ахъ! дерзновенный свѣшильникъ, ты сожигаешь самаго виновника и творца всякаго пламени! Такъ ли долженъ ты служить нѣжнымъ любовникамъ? Ты, которой изобрѣтенъ ими съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имъ при свѣтѣ твоёмъ возможно было и во время ночи, наслаждаться лицезрѣніемъ особъ любимыхъ? Купидонъ ощутивъ вещественный огонь, вдругъ пробуждается, и увидѣвъ что Психея пресупивъ его совѣшы, не сохранила вѣрности и тайны, мгновенно отъ ея объятія отлетаетъ, не произнеши ни единого слова своей несчастной супругѣ. Но она обѣими руками ухватясь за правую бѣдру его, возносится съ нимъ на высоту и лепитъ по воздуш-

душ-

вредныя твои совѣщницы за такую пагубоносную хитрость и коварную зависть немедленно получаютъ отъ меня достойныя казни. Что касается до тебя, я наказую твою неоспорожность своимъ съ тобою разлученіемъ. Произнесши еи слова, подѣмнешся онъ на воздухъ легкими крилами.

Психея простерта будучи на земли и самую чувствительнѣйшею терзаема печалію, провождала помными очами полетъ своего супруга; но когда уже легкостію крилъ своихъ несясь стремительно въ подоблачные предѣлы, исчезъ онъ отъ ея смущеннаго взора, то поверглась она мгновенно въ быструю глубину близъ текущія рѣки, которыя волны, благоговѣя къ прекрасному богу Любви, имѣющему власть воспламенять бездны влажной стихіи, не дерзнули погребсти въ себѣ прелестную Царевну, но пренесли ее безъ всякаго вреда на брегъ душистыми усыпанный цвѣтами. По случаю богъ Панъ, (а) лѣсовъ и всего сельскаго жи-

(а) Панъ по мнѣнію Грековъ сынъ Меркуріевъ и Пенелопинъ, и богъ пастырей;
онъ

жилища покровитель, сидѣлъ на брегѣ семѣ на возвышенномѣ камнѣ, и влюбленѣ будучи въ Нимфу, Сиранисой называемую, но превращенную въ кустарникѣ, игралѣ онѣ на своей пастушей свирѣли различныя пѣсни и научилѣ тому свою несчастную любовницу; вокругѣ его прыгаютѣ разныя козы пасясь на злачной муравѣ. Сей лѣсной житель увидя спенящую и опчаянну Психею, и зная притомѣ все съ нею случившееся благосклонно къ себѣ ее призываетѣ, и сими ласковыми утѣшаетѣ словами: Любезное мое чадо, хотя я простой поселянинѣ и пастушескую жизнь веду; но старость моя уже покрытая сѣдинами, меня многотому изучила, и чрезѣ всегдашнее въ естественныхѣ опытахѣ упражненіе я

Н 2

до-

онѣ почитался также б-гомѣ природы. Ибо сіе слово *Ламѣ* на Греческомѣ значилѣ все, притомѣ думаютѣ, что весь его видѣ и сложеніе пѣла изображало въ начальные свѣта стихіи. Его рога, козьи ноги, дубина, флейта и все прочее имѣло свое означеніе. Страстный жарѣ, съ какимѣ онѣ гонялся къ лѣсахѣ за Нимфами, знаменовалѣ сидонисеть къ дѣтпорожденію раздѣльную во все существа видимаго міра.

довольно искусенъ въ знавіяхъ. И такъ, естли я не обманываюсь, или, какъ благоразумные говорятъ мужи, ежели я пророкъ, то разспрошенная твоя походка, препенущія колѣни, блѣдной цвѣтъ лица, томные взоры и вздохами спѣсенная грудь ясно мнѣ показываютъ, что влюблена ты чрезмѣрно; и потому послушай любезное диля моихъ совѣтовъ; никогда впредь не держай подвергаться самовольной смерти; опри твои слезы, утоли печальное сѣшваніе; и проливай паче усердныхъ мольбы къ Купидону, яко къ божеству сильнѣйшему; онъ младъ, нѣженъ, и чувствителенъ, и потому усердіе твое и преданность не оставитъ безъ доспойнаго награжденія, и увѣнчаетъ твое желаніе счастливымъ успѣхомъ.

Психея ничего не отвѣстивуя сему начальнику и покровителю пастуховъ, и воздавъ только ему честь какъ божеству снисходительному, продолжала путь свой далѣе. Она совершила довольно времени въ печальномъ странствованіи; попомъ изумленными и заблуждающимися словами вышла безъ
всд-

всякаго намѣренія на одну дорогу, которая привела ее въ нѣкоторой городъ, гдѣ царствовалъ мужъ одной изъ ея сестръ коварныхъ. Она узнавъ о семъ, проситъ жителей, чтобъ возвѣстили приходъ ея Царицѣ. Немедленно къ ней она была допущена; по взаимныхъ обѣщаніяхъ вопрошающей сестръ о причинѣ путешествія отвѣчаетъ она такимъ образомъ.

Вспомни совѣтъ изреченный мнѣ вашими устами, когда убѣдили вы меня, чтобы чудовище приходящее всякую ночь возлегать со мною, погубила я острымъ мечемъ прежде, нежели пожретъ оно меня своими челюстями; я предпріявъ отважно совершивъ намѣреніе при зазженномъ свѣщильникѣ, увидѣла чудное и небесное зрѣлище: представился моему взору лежащъ спокойно на одрѣ прелестный сынъ Цитерскія ботини, сей самый Купидонъ, котораго могущество, власть, и красоте никто изъ смертныхъ описать не можетъ. Восхищенна радостію и упоенна любовію взирая на его блистающее лице, устремилась я лобзать и обнимать его стократно; но къ люшѣ-

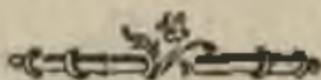

шему несчастію, въ самую сію мину-
ту излетѣла на его плеча капля горя-
щаго въ свѣщильникѣ масла, смѣ чего
мгновенно пробудившись и видя меня
въ такомъ вооруженіи: злодѣйка!
говоритъ онъ мнѣ, за сіе швое гнус-
ное намѣреніе я навсегда прерываю съ
тобой узы брачныя, удались отъ мо-
его ложа немедленно: ибо я въ сію же
минуточку хочу сочетаться бракомъ съ
твоей сестрою, при чемъ и назвалъ тебя
по имени, удались неблагодарная. Послѣ
сего повелѣлъ онъ Зефиру опнести меня
за предѣлы своего жилища.

Не успѣла еще Психея окончать
своихъ рѣчей, какъ вдругъ ея сестра,
безразсуднымъ воспалина желаніемъ
и злобною подстрѣкаема завистію, оболь-
спивъ хитро своего мужа, предста-
вляя ложно, что родитель ея при смер-
ти уже находится, восходитъ на ко-
рабль и устремляетъ свое плаваніе къ
высокой оной горѣ: на которую во-
спекши не испытуетъ она, что дую-
щій вѣтръ почно ли услужливый Зе-
фиръ, но слѣпою предводима надеждою,
прими, говоритъ, прими Купидонъ
достойную тебя супругу! и ты, Зефиръ,
ты

ты прими на свои крыль твою повелительницу. По семъ спремительно поверглась съ высоты на воздухъ. Однако она ниже мертвая могла достигнуть прекрасной долины: ибо всѣ члены и кости ея леща чрезъ каменные утесы и разсыпаясь по воздуху служили по достоинству снѣдью птицамъ и хищнымъ звѣрямъ, которые на полетѣ еще ихъ подхващывали. Другая сестра не умедлила исполнить горестную Купидонова опущенія чашу: ибо Психея также по неизвѣстному случаю зашла въ нѣкоторой городъ, гдѣ находилась сія коварная сестра, которая подобно первой обольщена искусствомъ Психейнымъ, и желая равно соединиться узами брака съ такимъ достойнымъ женихомъ, поспѣшила на высоту горы, и тамъ бѣдственнымъ образомъ, какъ и первая, на спреминахъ каменныхъ извергла свою душу, раздробивъ на мѣлкія части свое тѣло. Между тѣмъ, какъ Психея съ возможнымъ шщаніемъ пропекала всѣ страны ища своего супруга; онъ на прошивъ того отъ кипящей елейной капли болѣзную лежалъ на одрѣ своей матери. Тогда одна изъ бѣлыхъ
Н 4 оныхъ

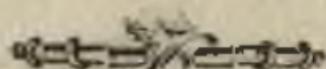
оныхъ шицѣ, которыя плавають часто по волнамъ пѣнисаго моря, погружается въ глубокую бездну Океана, гдѣ обрѣтши плавающую и моющуюся Венеру, извѣщаетъ ее, что любезный ея сынъ любою страждетъ болѣзнію и жизнь его въ крайней опасности, и что уже всѣ народы единогласными устами поносятъ и злословятъ весь домъ Венеринъ: ибо Купидонъ на высотѣ горы утѣшался объятіями своей любовницы, а ты въ нѣдра Нептуновы удалившись забавляешься съ Фетидою; и чрезъ сіе уже во всей подсолнечной ни пріятностей, ни забавъ, ни прелестей, ни утѣхъ, ни веселыхъ усмѣшекъ не видно; но во всемъ грубость, невѣжество и жестокость обладаешь. Уже изгнаны изъ предѣловъ свѣша законные браки, любовь къ чадамъ, и нелестное дружество; на мѣсто ихъ вкоренилось лукавство, кровосмѣшеніе, и всѣ безпорядки: должно опасаться, чтобъ свѣтъ въ первобытную смѣсь не погрузился. Такимъ образомъ любопытная сія и велерѣчивая птица злословила и помрачала славу и честь Купидонову предъ его прекрасною родителемъ.

Какъ!

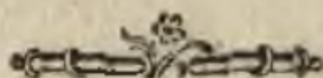

Какъ! возопила сія богиня, пылая
мстѣющимъ гнѣвомъ, уже мой сынъ
имѣетъ любовницу? скажи, прошу
тебя, скажи: ты одна при миѣ усерд-
ная раба, какъ называется прельстив-
шая Купидона? ужели то Нимфа, или
одна изъ предстоящихъ при вратахъ (б)
Олимпа, или изъ числа Музъ, или одна
изъ служебныхъ моихъ Грацій? не у-
молчала непривыкшая къ молчанію
лпшица, не знаю, отвѣчаетъ она Венерѣ:
но думаю, что дерзновенная сія на-
зывается Психеею. Ахъ! возопила съ
яростію Венера, онъ любитъ Психеею,
сію безстыдную изъ смертныхъ, дер-
н 5 знув-

(б) Одна изъ предстоящихъ у вратъ Олим-
па. Въ Латинскомъ стоитъ *hora*, то есть,
часъ, и есть рода женскаго. Но въ Рос-
сійскомъ языкѣ часъ почитается любовницею
Купидоновой весьма не совмѣстно, и по-
тому выразилъ я слово сіе иначе, при-
чина тому та, что древніе почитали
Horas дочерьми Юпитера и *Themidis*, Ови-
дій *fast.* кн. 1. описываетъ ихъ стоя-
щими на стражѣ у вратъ небесныхъ вмѣ-
стѣ съ *Janusom*, но въ кн. 5 *fast.*, на-
зываетъ ихъ спутницами *Flory* богини
цвѣтовъ, и потому *Apuлей* въ 6 кн. зол.
осла, говоритъ, что часы рассыпали по
всюду благовонные цвѣтш.

знующую равняться со мною своимъ прелестнымъ, и называться моимъ священнымъ именемъ; и къ вѣдшему безчестію моему, почитающъ они меня посредственницею сея спудныя любви: ибо я показала сыну моему сію смертную дѣвицу. По сихъ словахъ немедленно оставивши она морскія бездны, устремилась прямо къ элапымъ своимъ чертогамъ. Едва вступила она въ ложницу, гдѣ болящій находился Купидонъ, и уже вопіетъ ему при самыхъ еще дверяхъ: честное ли дѣло, приличное ли твоей природѣ, и совмѣстное ли надеждѣ, какую о тебѣ я имѣла, учинилъ ты нынѣ? ты презрѣвъ и поправъ велѣнія швоей матери, швоей полномочной повелительницы не токмо прошивную миѣ дѣвицу не воспламенилъ страстію къ презрѣннѣйшему изъ всѣхъ смертныхъ, но еще самъ, будучи столь юной шрокъ, и неспособенъ къ супружнымъ обѣщаніямъ, дерзнулъ безъ моего согласія вступить съ нею въ брачныя узы: могу ли я терпѣть гордую и безстыдную невѣстку? или мечтаешь дерзновенный прелестникъ, что уже все позволено тебѣ дѣлать; и я по старости дѣшъ своихъ

неспособна уже къ дѣторожденію? но знай напротивъ, я еще надѣюсь родить сына, которой доброю души и предѣстѣми шѣла несравненно тебя превыситъ; или, чтобъ ты восчувствовалъ, сколько я тебя пренебрегаю, я усыновлю себѣ какого нибудь опрока изъ моихъ сродственниковъ, я его воскреслю розовыми крылами, вооружу пламенникомъ, поручу ему лукъ, колчанъ, стрѣлы и все что нибудь ты имѣешь, но употребляешь впрочемъ во зло. Все сіе тебѣ дано мною, а не твоимъ отцемъ. Но ты всегда изъ самаго младенчества злыя имѣлъ склонности, не наблюдая никакого почтенія къ вышшимъ и старшимъ себя, и равно ко всѣмъ своимъ сродственникамъ. Сколь часто меня самую, меня твою родительницу уязвлялъ ты своими стрѣлами, ты меня презираешь какъ вдовицу всѣми оспавленную, не спрашась побѣдоноснаго Марса своего волчима, но что я говорю! кого чаще, какъ не сего храбраго ратника въ огорченіе и въ досаду мнѣ воспламеняешь ты любовію къ различнымъ красавицамъ? но ты скоро познаешь мою власть и

бу.

будешь сожалѣть о продерскихъ своихъ и досадныхъ поступкахъ, и равно о бракѣ полико мнѣ прошивномъ и несносномъ.

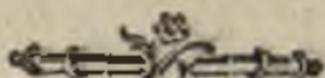
Но что могу здѣлать, вѣщаетъ Богиня сама себѣ, когда осмѣяна и поругана я своимъ сыномъ? Къ кому уже прибѣгну, и чѣмъ накажу сего преслушника? Просить ли мнѣ вспоможенія отъ Трезвости? Но она вѣчная моя противница, и которую столь часто презирала я и оскорбляла для угожденія моему сластолюбивому и роскошному сыну: и можноль помыслить, чтобъ я съ грубою и презрѣнною сею женщиною въ разговоръ вступила? Нѣтъ! сіе меня ужасаетъ. Однако непременно должна я опмспить моему сыну, какой бы по мнѣ цѣны ни стоило. Кромѣ Трезвости ни кто не можетъ услужить мнѣ въ семъ случаѣ, и такъ пусть она свирѣпо накажетъ сего неблагодарнаго и дерзновеннаго сына; пусть колчанъ его испразнитъ, отбиметъ стрѣлы, ослабитъ напряженный лукъ и погаситъ пламеникъ, и самое шѣло его изнуритъ извѣстными ей средствами.

И тогда мщению моему достойная принесется жертва, когда злые волосы его столь часто матерьями завязываемые руками могу я обрѣзать, и когда исторгну изъ крилъ его блестящее перье, которое сама я орошала небеснымъ нектаромъ.

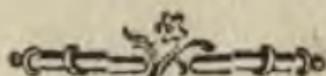
Пронесши угрозы сн, выходишь она изъ своихъ чертоговъ съ яростию. Церера и Юнона по случаю идуть ей на встрѣчу, и примѣтя нахмуренное лице ея, вопрошаютъ, для чего она столь пасмурнымъ и угрюмымъ видомъ скрываетъ красоту блестящихъ своихъ очей? Вы пришли благоверменно, говоритъ имъ Богиня, чтобъ колючими своими насмѣшками ожесточить горесть моей печали, и умножать пламень снѣдающей оскорбленное мое сердце, но не приличнѣ ли вамъ, о чемъ васъ и прошу съ покорностию, стараться всѣми силами и употребить всѣ возможные средства для взысканія Психен, которая будучи изгнанница по всему свѣту странствуетъ: ибо я не сомнѣваюсь, чтобъ не было вамъ извѣстно все случившееся въ моемъ домѣ; отъ васъ не утаится злодѣйство.

Купи-

Купидона, котораго уже, послѣ такого его преступленія не хочу я называть моимъ сыномъ.

Сии Богини вѣдал все происшедшее, и стараясь укротить гнѣвъ ея сердца; какое зло, говорятъ ей, учинилъ тебѣ сынъ твой, что ты съ толкимъ духа упрямствомъ разрушаешь его ушѣхи, и стремишься погубить его любовницу? Можно ли почестъ беззаконіемъ, когда овладѣла сердцемъ его красота прелестной Царевны? или не знаешь, что онъ уже юноша? развѣ забыла сколько ему лѣтъ пропекло? Или потому, что онъ всегда нѣженъ и прекрасенъ, считаешь ты его еще младенцемъ? Впрочемъ ты мать ему, ты особа благоразумная, разсуди, прилично ли съ такимъ прилѣжаніемъ назирать любовныя сына своего игрушки, и опорочивать его невинныя страсти? Какъ можешь наказывать прекраснаго своего сына за тѣ сладостныя забавы и ушѣхи, которымъ ты сама его учила, и которыя тебѣ самой столько пріятности и увеселенія приносятъ? кто изъ небожителей, кто изъ живущихъ на земли можетъ впредь по-
нести

нести великодушно, и позволишь, чтобъ ты повсюду распостирала свои любовныя сѣти, естли изъ собственнаго своего дому исторгаешь сѣмена толь пріятныя спраси? для чего спарашься, чтобъ прекрасный полъ лишился преимущества, которое прелести его даютъ ему надъ сердцами пола мужескаго? Тако сн Богини спашась побѣдоносныхъ Купидоновыхъ стрѣлъ, хотя онѣ былѣ въ отсутствіи, благопріятствовали ему и защищали противу гнѣвной матери; но Циперская Богиня досадуя, что они справедливыя жалобы ея почитаютъ шутками и ей насмѣхающся, оставила ихъ и устремилась поспѣшно ко берегу пѣнистаго моря.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ

и

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

